

Мастерство

ДЖИЛЛИАН ХАНТЕР

Дневники
герцогини

Кто бы мог поверить, что идеальная леди и старая дева Шарлотта Боскасл ведет тайный дневник, где весьма откровенно описывает свои фантазии насчет красавца повесы герцога Уинфилда!

И кто бы мог поверить, что однажды этот дневник случайно попадет в руки самого герцога, а попытка Шарлотты избежать огласки приведет к громкому скандалу!

Их с герцогом застали наедине, и теперь он обязан жениться. Незавидная участь? Или напротив, самое прекрасное приключение для настоящего мужчины, наконец встретившего женщину своей мечты?..

Глава 1

Мейфэр, Лондон
1819 год

Это был лучший бал. И самый худший. Ежегодный выпускной бал Академии благородных девиц в Лондоне. Это был вечер надежд, который, как твердо решила мисс Шарлотта Боскасл, не закончится позором. Это был вечер начал и прощаний.

Как руководительницу академии Шарлотту ждут почести за усилия выпустить в свет очередной класс юных леди. Ее будут хвалить за каждое предложение руки и сердца, которое получают ее выпускницы в результате элитного обучения.

И ее же обвинят в любом скандале, который опозорит школу. Ее заклятый враг, леди Клипстоун, владелица конкурирующей, хотя и меньшей, школы, сообщила газетчикам, что во время этого вечера разыграется скандал. Шарлотту мало успокаивало, что она окружена членами собственной семьи, — все в свете знали их противоречивую натуру. Говорили, что там, где собралось больше двух Боскаслов, в дело непременно встречается дьявол.

И все же она была благодарна своему кузену, маркизу Седжкрофту, за то, что согласился устроить бал в своем особняке на Парк-лейн. Она высоко оценила то, что он пригласил целый батальон своих друзей, чтобы наполнить зал и произвести впечатление на девушек.

Светское будущее юных леди в этот вечер последний раз было в руках Шарлотты. И на нее пала ответственность загасить вдруг вспыхнувшее пламя влечения к противоположному полу, пока оно не разгорится в пожар непристойности.

— Мисс Боскасл, можно выйти в сад?

— Нет, Эми, я это уже тысячу раз говорила. Нельзя выходить без подходящего сопровождения.

— Но тут душно.

— Выпей лимонаду.

— А Верити пила шампанское.

— Верити, — сказала Шарлотта, обшаривая взглядом комнату в поисках самой проказливой ученицы, недавней обительницы трущоб, взятой в школу из благотворительности, — завтра весь день проведет в своей комнате.

Не следовало позволять младшим девочкам ехать на бал. Как они завтра сосредоточатся

на занятиях? Мисс Пеппертри права. На бал следует приглашать только выпускниц.

— Мисс Боскасл, у меня каблук сломался. Что делать? Можно мне попросить маркизу одолжить пару туфель?

Шарлотта нахмурилась:

— Если ты сможешь найти ее, не выходя из комнаты.

— А Верити на террасе, мисс.

— О Господи, — пробормотала Шарлотта. — Где герцогиня Гленморган? Она обещала находиться рядом со мной.

Возможно, после сегодняшнего вечера она сможет перевести дух. На радость или на печаль, выпускницы шагнут в мир, и ответственность за репутацию ляжет на их собственные плечи. Будь это возможно, Шарлотта нарисовала бы подробную карту ловушек, в которые рискуют угодить юные леди, покинув академию. На этой карте узкую прямую дорогу Добродетели пересекали бы авеню Запретных Увлечений, темные переулки Распущенности, тупики Погубленных Репутаций. Однако пока рассвет не завершит бал, она должна стать на пути любого повесы, который пожелает воспользоваться неопытностью девушек. За одним повесой она следила с особым вниманием. Он взглянул на нее только однажды. Нечего и говорить, герцог Уинфилд — самый элегантный и редкий гость на балу, и Шарлотта не собиралась позволить ему искушать ее учениц или отвлекать ее от исполнения долга.

Она задавалась вопросом, помнит ли он их последнюю встречу в торговой галерее на Стренде. Они даже словом не перекинулись. Шарлотта в тот день делала покупки для академии. А он покупал презенты для парочки девиц, которых подхватил под руки.

Одну свою спутницу он чмокнул в шею и лишь улыбнулся, когда Шарлотта у другого конца прилавка ошеломленно ахнула.

Тогда, вернувшись через несколько часов в академию, она по привычке записала инцидент в своем дневнике, меняя кое-какие детали, пока в конце концов реальное событие не приобрело сходство с ее вымышленной, но очень нравящейся ей версией. Шарлотта вела дневник с тех пор, как научилась держать перо, и наслаждалась искусством приукрашивать банальные события.

Когда кузены Боскаслы пригласили ее в Лондон пять лет назад, их амурные похождения привели ее в такой восторг, что она взяла на себя труд записывать в своем дневнике семейную историю. Скоро приукрашивать события не понадобилось. Постоянные семейные скандалы давали пищу ее литературным талантам. Казалось, каждый в родне вел двойную жизнь: был шпионом или тайным любовником. И Шарлотте пришлось взглянуть в лицо горькому факту — чем больше она восхищалась родственниками, тем яснее становилось, что ее собственная жизнь в сравнении с ними ужасно тосклива.

Ей понадобился месяц, чтобы преодолеть внутренние запреты и позволить своему перу блуждать свободно. И вскоре в ее дневнике замерцали сомнительная правда и опосредованные удовольствия. На страницах ее интимных размышлений герцог не только обожал ее, но месяцами преследовал. В реальной жизни, властный и дерзкий, он открыто увлекался порочными женщинами. В вымышленных историях Шарлотты властный и дерзкий герцог был увлечен только ею.

По версии Шарлотты, тогда в магазине герцог сразу же заметил ее и мгновенно прогнал своих спутниц. Он направился прямо к ней и, ни слова не говоря, схватил за руку.

«Моя карета ждет у входа, — сказал он с греховной улыбкой, которая гипнотизировала ее. — Могу я забрать вас отсюда?»

Его лицо вдруг отдалилось. И чей-то голос, задыхающийся и взволнованный, зашелестел в ушах Шарлотты:

— Мисс Боскасл, вы смотрите прямо на герцога Уинфилда. Будьте осторожны. Все знают, что он выбирает себе любовницу.

Стиснув веер, Шарлотта повернулась и с недовольным видом посмотрела на свою любимую ученицу:

— Лидия Баттерфилд, дай слово, что он не нашел ее в тебе.

Лидия задумчиво улыбнулась:

— Дорогая мисс Боскасл, я буду скучать по вас всем сердцем.

— Ты будешь скучать по моим наставлениям, это ясно.

— Они мне больше не понадобятся, — с сожалением промолвила Лидия. — Но я буду скучать по вашим урокам истории.

— По всем этим битвам и казням? — Шарлотта шагнула в сторону, заслоняя ученице герцога. Или чтобы он не мог заметить девушку. — К чему такая мелодраматичность? Твоя семья по-прежнему живет в Лондоне. И ты сможешь навещать академию, когда пожелаешь.

— Моя семья... гм... родители моего нареченного живут в Дорсете. И он горит желанием создать семью...

— Твой нареченный? — едва слышно произнесла Шарлотта.

Лидия кивнула на невысокого джентльмена, стоявшего в нескольких шагах от нее:

— Сэр Адам Ричардсон, архитектор.

— Лидия, я так...

«Завидую?» Да, к своему стыду, Шарлотта немного завидовала своей ученице. Но в то же время ее переполняла радость за девочку, столь милую и ласковую, что Шарлотта опасалась, как бы эти черты не сделали ее уязвимой или нежеланной на брачной ярмарке.

— Я так горжусь тобой, — сказала она. — Он весьма приятный джентльмен.

Лидия рассмеялась и посмотрела на герцога, которого, как известно, почти никто не считал джентльменом.

— Говорят, он очень ревнивый любовник.

— Твой жених?

— Герцог. — Лидия снова рассмеялась. — У него репутация собственника.

— Лидия! — попыталась изобразить потрясение Шарлотта, хотя эти слухи не ускользнули от ее внимания.

Такие сплетни должны были бы поставить на герцоге клеймо отверженного, а не породить в воображении Шарлотты греховные грезы о нем. Почему так приятно представлять, как он срывает фрак, чтобы защитить ее от... Поскольку все подвластно ее фантазии, герцог вполне мог защитить ее от Филиппа Морленда, который разбил ее сердце несколько лет назад.

Она могла вообразить это так живо! Бальный зал очистили для дуэли. Герцог изучал фехтование в школе Фентона. Шарлотта уже видела его на благотворительном балу в этом самом особняке. В тот вечер у нее с ним не было никаких дел, и вряд ли она заинтересует его в будущем.

— Не думаю, что нам следует беспокоиться об амурных наклонностях герцога, — заверила она Лидию, произнеся роковые слова, которые напомнят о себе еще до рассвета...

Гидеон не был уверен в том, что произвел хорошее впечатление на мисс Шарлотту Боскасл в тот день в магазине. Во-первых, накануне он слишком много выпил, и голова у него гудела, как кузница Гефеста. Во-вторых, он оделся не для выхода в свет, а для занятий фехтованием, к тому же две шляхи цеплялись за его руки как наручники, которыми они то ли пользовались, то ли нет прошлой ночью. Он никак не мог вспомнить.

Он знал, что выглядит странно, когда вошел в магазин сэра Годфри Мейтленда. Годфри, бывший студент фехтовальной школы, с упреком смотрел на него из-за прилавка.

— В магазине много леди, ваша светлость, — многозначительно произнес он.

Именно тогда Гидеон впервые увидел Шарлотту, которая, заметив его спутниц, подняла нос, словно уловила запах заразы, который мог запачкать собравшихся вокруг нее юных леди.

Он слегка поклонился ей, но это не произвело никакого впечатления. Тогда он поцеловал одну из шлях в шею, надеясь вызвать хоть какую-то реакцию у золотоволосой леди в соломенной шляпке. И преуспел.

Ахнув, она отпрянула и загородила собой, словно щитом, своих подопечных. Гидеон ответил ей дерзкой улыбкой, и она покраснела.

— Надо же, — обратился он к своей спутнице. — Оказывается, в Лондоне еще остались леди, способные краснеть.

— Ваша светлость, не ведите себя как повеса, — прошептал из-за прилавка Годфри. — Это мисс Шарлотта Боскасл! Вы знаете, как маэстро обязан ее семье.

— А кто нет? — пробурчал герцог.

— К тому же она возглавляет Академию благородных девиц.

— Боже милостивый, — встревожился Гидеон. — Умная леди. Кто меня защитит?

Цеплявшаяся за него девица хихикнула:

— Будто кто-то может угрожать такому достойному мужчине, как вы.

— Подозреваю, в твоих словах кроется скрытый смысл, — весело глянул на нее Гидеон. — Но давай не будем обсуждать мои «достоинства» во всеуслышание.

Он тогда посмеялся и забыл об этой встрече и лишь сегодня вспомнил. Он был занят, упражняясь в школе Фентона, и, говоря по правде, хоть краснеющая учительница и привлекла его внимание, он искал любовницу другого сорта. Не ту, которая в постели следовала правилам, но такую, которая нарушала бы их и создавала свои собственные. Впрочем, он не стал бы возражать против того, чтобы она была умна.

Поэтому его удивило, что он узнал Шарлотту в тот момент, когда вошел в бальный зал. Повсюду были юные леди. Странно, что он не забыл ее. Он даже не помнил имена тех птичек, с которыми пришел тогда в магазин, а с той парочкой он был гораздо ближе знаком, чем с этой холодной девой.

Шарлотта Боскасл. Он посмотрел на нее. Она ответила реверансом с таким хмурым видом, что от него молоко бы скисло. Да, следовало хорошенько подумать, прежде чем появляться на балу, устроенном для выпускниц. Уж лучше побродить по оранжерее и побеседовать с греческими статуями. По крайней мере таким образом он исполнит на этом собрании, куда были приглашены все подходящие молодые мужчины высокого происхождения, свою роль гостя и вряд ли создаст какие-нибудь проблемы.

Не успел Гидеон улизнуть, как возникла проблема другого рода. Лорд Девон Боскасл, окруженный приятелями, заявил:

— Ты не можешь уйти, Уинфилд. Мы так и не поговорили. Надеюсь, ты меня не избегаешь. Я не собирался ударить тебя на тренировке на днях.

— Пытаешься заманить меня в темный угол?

— Извини, но я женатый человек. Тебе в твоём возрасте давно следовало жениться.

Гидеон заколебался.

— Я был женат.

— Я... ох, прости. Я не знал, — смутился Девон. — Я не хотел...

— Все в порядке, Девон. Это было почти пять лет назад. Я тогда даже не был с тобой знаком.

Девон понизил голос. Балагур, шутник и весельчак в семействе Боскаслов, теперь он стал преданным мужем и отцом маленькой девочки. Но как бывший грешник, любил затеять какое-нибудь озорство, когда появлялась возможность, и Гидеон, как и остальные друзья Девона, ждал от него чего угодно.

— Что ты запланировал на сегодняшнюю ночь, Гидеон? — уже мягче спросил Девон.

— Удрать. С этого бала.

— Почему?

— Почему?! Мы окружены невинными крошками, образованными девственницами, а с точки зрения холостяка, это самые опасные создания в Лондоне.

— Я оглядываюсь и вижу ситуацию по-иному, — сказал Девон. — Мужчина свободных нравов легко может увести невинную крошку на весеннюю тропу развлечений. Ему всего лишь нужно последовать примеру Грейсона, который развлекался, прежде чем пойти к алтарю.

— Мне не хочется иметь дело с девицей. Ты женат, и я не стану прислушиваться к твоим советам.

— Окажи мне любезность, Уинфилд.

Гидеон решил отказаться.

— Я знаю, что ты собираешься сказать.

— Знаешь?

— Да. Ты хочешь, чтобы я держался подальше от мисс Боскасл. Она, видимо, рассказала тебе, что я дефилировал перед ней с парочкой шлюх. Но я не собирался ее провоцировать.

— И где все это произошло?

— В магазине.

Девон задумался.

— Она мне ничего не сказала. Вряд ли ты произвел на нее впечатление.

— Думаю, произвел, и не лучшее, — сказал Гидеон. — И если собираешься запретить мне заигрывать с твоей кузиной, то не тревожься. Мне это совершенно неинтересно.

— А жаль, — ответил Девон.

Гидеон рассмеялся:

— Ты бы предпочел, чтобы я сказал, что вождедею ее?

— Нет. Я вынужден согласиться с твоим мнением. Грейсон просил меня приглядываться ко всем, кто покажется подозрительным.

— В таком случае ему следовало дать тебе зеркало.

— Женщина, которую ты не вождедеешь, не замужем, но у нее есть три старших брата, которые в ближайшее время намерены выдать ее замуж.

— И они сегодня здесь? — спросил Гидеон.

— Два старших едут в Лондон из Суссекса. Джейн ждет их через неделю. Думаю, план состоит в том, чтобы как можно скорее найти Шарлотте мужа. Буду с тобой честным, она не облегчит им задачу. Вряд ли кто-нибудь будет ее вождеletь.

Оба взглянули на Шарлотту и отвели глаза.

— И это тебя тревожит? — спросил Гидеон, задаваясь вопросом, какова цель Девона и есть ли она вообще.

— Да, — кивнул Девон.

— Не смотри на меня. Я уже был женат, и у меня тоже есть дочь.

— Возможно, тебе придется снова жениться, если хочешь иметь наследника. Окажешь мне услугу, Уинфилд?

Гидеон промолчал. Вот оно. Снова интуиция предупреждала его о необходимости действовать с осторожностью, но разум возражал, Девон шутник, но не злодей.

— Я сегодня встречаюсь со своей будущей любовницей у миссис Уотсон.

— Тогда это последняя ночь твоей свободы.

— Не понял.

Любовница может оказаться намного требовательнее жены, особенно если она хороша в своем деле. Пока мы с тобой болтаем, часы твоей свободы утекают, как песок сквозь пальцы.

— Хорошая мысль. Она заставляет задуматься, зачем я трачу драгоценные мгновения на болтовню с тобой.

— Ты сделаешь это?

— Что именно? — спросил Гидеон.

— Пригласишь мою кузину на танец?

Танец? Это все?

— Зачем леди с непорочной репутацией танцевать со мной? — спросил он.

— Не знаю, — ответил Девон. — Но вся семья будет рада видеть, что она танцует.

Семья?

Гидеон мог поклясться, что невидимая рука затянула его галстук, а одна свеча в угловой гирлянде согнулась и погасла.

— Здесь сегодня много подходящих джентльменов. Почему я?

— Потому что, во-первых, ты герцог, а во-вторых, мой друг. Если у гостей сложится впечатление, что Шарлотта заинтриговала такого мужчину, как ты, подходящие джентльмены будут смотреть на нее совсем по-другому.

— Я не собираюсь ухаживать за ней. И считаю, что ты меня оскорбил.

— Я не прошу тебя ухаживать за ней, — покачал головой Девон.

— Я не доверяю тебе, Девон. Оставь свои дьявольские шутки, я могу оказаться в беде и без твоего вмешательства.

— Я всего лишь хочу, чтобы ты уделил немного внимания нашей не пользующейся успехом у мужчин девушке.

— Эта твоя девушка только что состроила мне гримасу.

— Нет, — сказал Девон, — гримаса предназначалась мне. Шарлотта знает, что мы разговариваем о ней.

Тогда гримаса адресована нам обоим, — возразил Гидеон. — Возможно, тебе стоит выбрать другую стратегию, а я предложу другого джентльмена. Пусть кто-то другой растопит ее.

— Растопит? — поднял бровь Девон.

— Она напоминает мне ледяную деву. Я предпочитаю дам теплых и податливых.

— Да, у нее действительно холодное сердце, когда дело касается визитов мужчин в академию. Но в этом нет ее вины. Полагаю, она застенчива. Иди и сам с ней познакомься.

Гидеон не двинулся с места.

— Я понимаю, в этом мало смысла... — не унимался Девон.

— Это преуменьшение.

— ...но ни у кого другого не хватит храбрости подойти к ней.

— Я не удивлюсь, если ты намерен уговорить джентльменов восхищаться ею с противоположного конца зала.

— Тогда ты признаешь, что восхищался ею? — улыбнулся Девон.

Гидеон уставился на него.

— Пожалуйста, пригласи ее на танец.

— Почему не ты?

— Я ее кузен, и если я стану танцевать с ней, все решат, что я сделал это потому, что ее больше никто не пригласил.

— Может быть, она не хочет танцевать.

— Разумеется, хочет.

Гидеон заколебался.

— Почему у меня такое чувство, что я собираюсь шагнуть в западню? И почему ты не попросишь никого из присутствующих холостяков оказать такую честь? Из всех присутствующих здесь мужчин у меня, без сомнения, самая худшая репутация. Исключая тебя и твою семейку.

— Именно, — сказал Девон таким тоном, словно Гидеон только что нашел формулу философского камня. — Большинство находящихся здесь мужчин — настоящие джентльмены.

— А я...

— А ты — нет. Однако ты персона, привлекающая внимание. Уступи, Гидеон. Поболтай с ней. Я буду подбадривать тебя из угла.

— Это спортивное состязание?

— В нашем мире всякая встреча мужчины и женщины превращается в состязание.

Хозяйка бала Джейн, маркиза Седжкрофт, любовалась происходящим с галереи над бальным залом. Рядом с ней стояла Харриет, герцогиня Гленморган, бывшая ученица и одно время учительница в академии, дурное предчувствие омрачало ее обычно хорошее настроение. Харриет была первой девочкой, взятой из трущоб и выпущенной элитной школой. Во время курса обучения, который, честно говоря, не мог одолеть науку, усвоенную на улице, Харриет и Шарлотта неожиданно подружились.

Шарлотта родилась с пресловутой серебряной ложечкой во рту. Ее никогда не ловили на сквернословии. А Харриет, пока академия не вызволила ее из трущоб, крадя столовое серебро, чтобы выжить. Проклятиям, которыми она сыпала в сердцах, позавидовала бы любая торговка рыбой.

Харриет знала большинство секретов Шарлотты. Сама же не поделилась с ней и половиной своих собственных.

— Почему на балах она всегда одна? — причитала Джейн, огорченно глядя на Шарлотту. — Неужели нельзя было выбрать платье поинтереснее? Это простыня ее

бабушки?

— Оно напоминает мне парус яхты Грейсона.

Хотела бы я найти способ выманить Шарлотту из ее раковины. — Джейн вздохнула. — Или хотя бы отговорить ее стягивать красивые волосы в этот скучный узел и тратить все силы на то, чтобы выдавать замуж своих учениц, а о своем замужестве не думать. И, силы небесные... — она передернула плечами, — эти сандалии!

— Она не смогла подобрать вечерние туфли, и пришлось довольствоваться этими, — защищала подругу Харриет. — Ты же знаешь, что у нее большой размер. Ничьи туфли не подошли.

— Это не оправдывает некрасивую обувь. Я столько раз предлагала ей своего итальянского обувного мастера. Как она собирается привлечь поклонника, если выглядит как...

— Как богиня, — добродушно сказала Харриет. — Она высокая, крепкого телосложения, и немногие джентльмены отважатся подойти к такой, как она.

Джейн улыбнулась и положила ладонь на руку Харриет.

— Ведь ты ее поддерживаешь. Должен же найтись хоть один храбрец. Ее братья пригрозили притащить в Лондон ее старого поклонника, если она не обручится до конца сезона. Никто не хочет видеть ее одинокой.

— Шарлотта не выйдет за своего старого поклонника.

Джейн посмотрела на Харриет:

— Откуда ты знаешь?

— Я так думаю, — повела плечом Харриет.

— Она упоминала кого-нибудь еще? — задумчиво спросила Джейн.

— Мне?

— Нет, Наполеону Бонапарту. Не притворяйся скромницей.

— Хорошо, — сказала Харриет.

— И...

— Если она и упоминала, то я не помню, кто это был.

— Ах, ты можешь мне доверять, Харриет, — сказала Джейн. — Но я не хочу, чтобы ты выдавала секреты.

Харриет наклонилась над перилами.

— Кто этот красавец, который разговаривает с Девонем у оранжереи?

Джейн подняла бровь.

— Мне стоит озаботиться?

— Как хочешь.

Джейн всматривалась в мужчин, погруженных в беседу.

— Думаю, это... О Господи! Это герцог Уинфилд. Они с Девонем занимаются в фехтовальной школе Кита. Ты полагаешь...

Харриет сжала губы. Хорошо, что она удержалась и не выпила еще один бокал шампанского. Она умирала от желания проболтаться Джейн о тайном влечении Шарлотты к герцогу. Но она пообещала, что не сделает этого. Вот досада. Джейн мощный союзник и все сделала бы для семьи.

— Он вдовец, — вслух рассуждала Джейн, поглаживая бриллиантовую подвеску на шее. — Его жена умерла от рака приблизительно через год после рождения ребенка, так говорят.

Харриет нахмурилась:

— Его отец умер два года назад. Унаследовав титул, герцог наверняка пустился во все тяжкие.

— Полагаю, так некоторые мужчины переживают горе, — вздохнула Джейн.

— Так некоторые мужчины празднуют, — возразила Харриет. — Сегодня вид у него не слишком траурный, ведь так?

— Да. — Джейн расправила плечи, словно чтобы стряхнуть мантию печали. — Но мы не можем заглянуть в его сердце. Никто в Лондоне не видел его ребенка. Но будь у него дочь, ее представили бы при дворе, но я не читала о ней в газетах. Как давно умерла его жена?

— Четыре или пять лет тому назад. Но это только предположения.

— Тогда его дочери еще рано появляться в свете, она совсем юная. Могу только надеяться, что... Но не мое дело задаваться этим вопросом. Герцог рано женился и потерял жену.

— Он действительно повеса, как все считают?

Джейн, задумавшись, прищурилась.

— Я все последние светские новости и сплетни узнаю от Уида. И он сказал... — Джейн замолчала, оставив Харриет строить догадки. Уид был старшим лакеем в доме и самым любимым. — Кажется, он сказал, что герцог собирается выбрать любовницу в заведении миссис Уотсон. Не думаю, что это просто предположения.

— Надеюсь, это просто слухи, — сказала Харриет. — Кто его пригласил?

— Грейсон, конечно, — ответила Джейн.

— Шарлотта ужаснулась бы, если бы знала. — Харриет почувствовала, что Джейн уставилась на нее. — Да, я в этом уверена.

— Мне забавно смотреть на тебя, Харриет, и вспоминать, как ты жила.

— В ее жизни не было ничего особенного, так же как и в твоей, — заметила Харриет.

— Я в этом не уверена, — заметила Джейн. — Я всегда вращалась в аристократических кругах. Нет, это неправда. Несколько раз по милости своего мужа я оказывалась в полусвете. Но ты прошла сквозь все слои общества.

— Это верно.

Харриет взглянула вниз, на толпу гостей. Она уже сказала намного больше, чем намеревалась, а Джейн весьма сообразительна. Она всегда была склонна к замысловатым схемам, самая хитроумная из которых закончилась ее браком с маркизом. И если Харриет не будет осторожничать, то Джейн скоро очарует ее и заставит признаться в том, что Шарлотта уже год как обожает герцога.

— Полагаю, пока герцог ведет себя прилично, опасаться нечего, — сказала Джейн. — Шарлотта не позволит ему приблизиться к девочкам. После того как в прошлом году похитили племянницу твоего мужа, Грейсон нанял сэра Дэниела патрулировать нашу резиденцию во время событий, когда мужчины могут воспользоваться... — Она вздохнула и замолчала.

Харриет по опыту знала, что Джейн могла долго продолжать в таком энергичном темпе, но не тогда, когда ее не слушают. А Харриет и в самом деле не могла удержаться и смотрела на Шарлотту и герцога. Потом на герцога и Шарлотту. Девон, казалось, был на время забыт.

Джейн неожиданно повернулась к ней.

— Думаю, за герцогом следует понаблюдать, если не заняться им повнимательнее.

— Но ты только что сказала, что испытываешь к нему жалость.

— Да, Харриет, но то, о чем ты умолчала, наводит на мысли, что мне следует больше заботиться о Шарлотте, чем сострадать герцогу. Ее добродетель все еще ценный товар. Выпускница, получившая сегодня предложение руки и сердца, это одно. Это хорошо. А ребенок, родившийся через девять месяцев после неосторожности в каком-нибудь алькове, — совсем другое. Я этого не допущу. За герцогом нужно присматривать. И за Шарлоттой тоже. Она так настроена оберегать девочек, что, похоже, совсем забыла о собственной уязвимости.

— Сомневаюсь, что ей грозит опасность оказаться соблазненной, пока мы стоим здесь и наблюдаем за каждым ее движением, — сказала Харриет. — Не думаю, что в результате разговора с герцогом она к концу года родит от него ребенка.

Джейн хотела было ответить, но, увидев высокого ливрейного лакея, появившегося на другом конце балкона, передумала.

— Уид! Вы, должно быть, прочитали мои мысли. Я только что вспоминала наш недавний разговор об Уинфилде.

Уид поклонился, метнув взгляд на Харриет. Он никогда не позволит ей забыть, что когда-то поймал ее на том, что она обчищала комнату Джейн, на преступлении, которое в конечном счете привело ее к спасению. Из юного монстра она превратилась в аристократку.

Уид, однако, остался надутым индюком, каким всегда и был. Он не только лакей, но и доверенное лицо Джейн, советник в вопросах моды и соратник в делах сватовства.

— Чем могу служить, мадам? — спросил он. Голос его звучал так, словно он говорил, зажав нос.

— Я собираюсь спуститься к гостям. Пожалуйста, напомните миссис О'Брайен, чтобы внимательнее следила сегодня за Роуэном. Мой сын еще не перерос привычку подстергать гостей со своей саблей.

— Да, мадам.

— И еще, Уид, касательно нашего недавнего разговора. Вы слышали какие-нибудь сплетни об Уинфилде?

— У него сегодня вечером назначена встреча на Брутон-стрит с куртизанкой, его очередной любовницей. Ее зовут Габриэль, она славится красотой и полной аморальностью. Она разбила несколько брачных союзов, причем так, что их невозможно восстановить.

— Спасибо, Уид. — Когда лакей ушел, Джейн повернулась к Харриет. — Что и следовало доказать. Он герцог. Он вдовец и богат.

— Он хитрый дьявол, — перебила ее Харриет.

Зеленые глаза Джейн блеснули.

— И похоже, склонен вести греховную и пустую жизнь отъявленного негодяя.

— И?

— Мы будем держать его в поле зрения. Согласна?

— Да, но если ты хоть словом обмолвишься Шарлотте о нашем разговоре, я буду все отрицать.

Глава 3

Девон неторопливо вел Гидеона по бальному залу и так сыпал инструкциями и

наставлениями, что Гидеон не удивлялся отсутствию у Шарлотты воздыхателей. Кто отважится прорвать стражу Боскаслов, чтобы подойти к ней? Кто сможет запомнить бесконечные правила?

— Еще слово, — пробормотал он, — еще одно предупреждение, и я тебя насквозь проткну.

— Ты ведь заслуживаешь доверия, Уинфилд?

— Я мужчина.

— И что это значит?

— Это значит, что я человек. И как у всякого, у меня случаются неудачи. Если ты боишься, что какие-нибудь мои слова и действия обесчестят твою кузину, то так и скажи. Или не знакомь нас.

— Мне такая мысль и в голову не приходила, — заколебался Девон. — А тебе?

Гидеон расхохотался.

Девон молча присматривался к нему.

— Поразмыслив, я признаю, что это не лучшая моя идея. Я поищу кого-нибудь безвредного. Возможно, здесь найдется какой-нибудь граф, который не слывет ходячим скандалом.

— Послушай...

Девон поднял руку:

— Все в порядке. Я понял. Ты не хочешь оказать мне единственную услугу, о которой я попросил тебя за все эти годы.

— Ладно, черт побери. От меня не убудет. Но если это одна из твоих проделок, то обещаю, я отплачу тебе с лихвой.

— Мне, образцу достоинства и преобразования? Разве я могу сыграть шутку с герцогом, который тренируется у такого мастера фехтования, как Фентон?

— И что, по-твоему, я должен ей сказать?

— И он еще спрашивает! Ты волочился за столькими женщинами, что уже можешь книгу написать на эту тему.

— Я ухаживал за ними, лишь когда надеялся получить кое-что в ответ.

Глаза Девона потемнели.

— Могу я высказать одно предложение?

— Давай, черт тебя побери.

— Постарайся не использовать подобные выражения с юными леди, иначе схлопочешь по физиономии дюжиной вееров.

Шарлотта судорожно сглотнула, видя, как герцог разрезает толпу гостей в бальном зале. Оглядываясь в поисках разумного повода для бегства, она высматривала группу гостей, в которой можно укрыться, искала любое оправдание, чтобы не встречаться лицом к лицу с человеком, которого ее кузен явно отправил сбить ее с толку.

И все-таки она ждала. Надеялась. Что она сделала бы ради шанса узнать его, как воображала в своем дневнике? Что, если, подойдя к ней, герцог объявит дерзким властным тоном: «Этот бал пустая трата нашего времени. Ты принадлежишь мне. Мне одному. Твое место в моих объятиях. Я возьму тебя снова и на этот раз не позволю ускользнуть».

Шарлотта задрожала от глупого запретного ожидания. Как дерзка она в своих мыслях. И вдруг герцог оказался прямо перед ней. Она подняла глаза. Дерзость смотрела ей в лицо.

Шарлотта заставила себя не отвести взгляд.

До сегодняшнего вечера Шарлотта всего несколько раз мельком видела герцога в городе. Замечала его профиль в проезжавшей карете. На выставке украдкой бросила взгляд на его широкоплечую фигуру. Ну а в магазине было бы неприлично разглядывать герцога. Силы небесные, там одна из его развеселых спутниц что-то сказала, это подслушали младшие ученицы академии.

Да и сама Шарлотта нарушила безупречное соблюдение этикета и высказала этой особе свои некоторые соображения. Одного взгляда на герцога в тот день было достаточно, чтобы убедиться, как он красив. К сожалению, он был настоящим повесой.

Возможно, эта встреча охладит ее интерес к герцогу раз и навсегда. Может быть, выяснится, как жесток и тщеславен он на самом деле. И она удовлетворится, доказав себе, что за его внешней красотой кроется пустота.

— Позвольте представиться? — сказал герцог.

Шарлотта кивнула.

Он что-то сказал. Она понятия не имела, что именно. С таким же успехом он мог говорить на португальском.

Даже ради спасения жизни она не могла заставить себя соображать.

Он только что пригласил ее на танец?

— Извините, — услышала она собственный ответ. — Я не могу.

Слава Богу! Ее манеры и здравый смысл пришли на помощь, когда, казалось, хаос победил.

— Вам нравится вечер, ваша светлость?

Его туманная мрачная улыбка снова повергла ее в панику.

— Не особенно.

— Рада слышать...

Что он сказал?

Их первая встреча складывалась не так, как в ее мечтах. Она вовсе не думала, что не сможет шевельнуть языком. Ей полагалось очаровать его остроумием, но сейчас она слова не могла вымолвить.

Как это унижительно. Это просто свинство со стороны Девона, который, прислонившись к стене, наблюдает за ее все нарастающим смущением.

Герцогу ситуация, похоже, тоже не доставляла удовольствия.

Он стоял рядом, они безуспешно пытались завязать светский разговор, пока у Шарлотты внутри что-то не дрогнуло. Герцог Уинфилд, может быть, и мужчина ее грез, но он явно оказался в ее обществе против своего желания.

К несчастью, этот прискорбный факт вовсе не повлиял на ее увлечение герцогом. При других обстоятельствах Шарлотта часами могла бы смотреть на него. Но она не могла вечно продолжать болтовню. Он подумает, что у нее с головой что-то не в порядке.

— Это Девон заставил вас пригласить меня на танец? — спросила она. — Понятно. Он и раньше проделывал подобное.

— Не со мной. — Его темные глаза вдруг встретили ее взгляд, и у Шарлотты сердце затрепетало, тоскуя о том, что могло бы произойти. Хотя бы в ее мечтах.

Но это не повод обманывать себя, вообразив, что у герцога на уме романтические мотивы.

— Я видела, как ваши красивые головы склонились друг к другу. И поняла, что вы

обсуждаете меня. К тому же я знаю Девона и его выходки.

— Чепуха, — возразил Гидеон. — Мы говорили о политических событиях.

— О каких?

— Я не могу повторить это в рафинированном обществе. Удручающие темы и... тому подобное.

— Понятно. — Что Шарлотте действительно было понятно, так это то, что герцог пользуется своим обаянием так же ловко, как она — веером. — Впервые слышу, что Девон интересуется политикой.

— Возможно, он не хочет оскорблять деликатные уши...

— Удручающими темами и... тому подобным?

— Именно. — Герцог, к ее удивлению, придвинулся чуть ближе, вместо того чтобы с радостью сбежать в ночь, как всякий раз делал на балах. — Мне кое-что любопытно. Вы и других джентльменов подвергаете изнурительному допросу, прежде чем согласиться на танец?

— Только тех, кого, как я подозреваю, мои кузены уговорили уделить мне внимание.

— Разве вы не хотите танцевать со мной? — спросил он с обезоруживающей улыбкой.

Она улыбнулась в ответ, снова украдкой взглянув на него поверх отделанного кружевом веера.

— Вы пытаетесь подкупить меня?

— Нет. Это происходит после танца, который явно кончится раньше нашего разговора.

Шарлотта закрыла веер и вздохнула.

— Думаю, мне следует уделить внимание выпускницам. Это их праздник, а не мой.

Герцог поклонился.

— Тогда я разочарован.

— Вы не разочарованы, и мы оба это знаем. Для вас это облегчение. Скажите Девону, что вы исполнили свой долг и я освободила вас от навязанной роли. И не позволяйте ему поселить в вас чувство вины. Он может быть весьма убедительным.

— Как и я, когда мне выпадает шанс.

— Надеюсь, Девон не обрушит на вашу голову какую-нибудь угрозу. Если так, извините. Он неисправим.

— Простите, мисс Боскасл, но я никогда не делаю того, что не доставляет мне удовольствия. Если бы вы знали обо мне больше, то поняли бы это.

«А если бы ты больше знал обо мне, — подумала Шарлотта, — ты бы понял...» Что? Что она увлечена мужчиной, которого заставили поболтать с ней? Что за ней никогда толком не ухаживали и она не знала ответной романтической любви? И что с каждым минувшим месяцем одиночества ее шансы найти совершенного мужчину — которым был он — уменьшаются? Она повернулась к парам, кружившимся в замысловатом узоре танца. Почему герцог так настойчив? Почему не оставит ее печалиться о себе самой? Этот дьявол решил ее добить.

— Вы...

— Нет, мне ужасно жаль. Я должна присматривать за девочками.

— Должно быть, это трудная работа.

— Да, — ответила Шарлотта, не глядя на него. — Особенно в таких случаях, как сегодня.

— Почему выпускниц называют львицами Лондона? — спросил герцог, и Шарлотта

почувствовала, что он видит ее насквозь. — Вы учите их хватать джентльменов и крепко их держать?

Шарлотта снова подняла взгляд, замороженная необузданной чувственностью его улыбки.

— Это прозвище не имеет ничего общего с мастерством хищниц.

— Как жаль. Оно меня заинтриговало.

— Это напоминание об основательнице академии, виконтессе Лайонс.

— Так в этом прозвище нет ни грана правды?

— Если и есть, определенно пора доказать это.

— Вы...

Она обернулась.

— Танец закончился, вы... Сейчас перерыв, ваша светлость, — с достоинством произнесла Шарлотта.

Уинфилд оглянулся.

— Совершенно верно. — Он галантно кивнул. — Я так увлекся нашим разговором, что не заметил. Он был... интересным. — Герцог криво улыбнулся. — Вы не согласны?

— Да. — Шарлотта не в силах была спорить. Она могла лишь догадываться, как трудно сопротивляться этому мужчине в приватной встрече. Или если он действительно настроился соблазнять. Это было более чем интересно, хотя она воображала лучшие варианты. Их встреча в реальности могла стать романтической прелюдией, а не болезненным напоминанием о ее безответной симпатии.

Не то чтобы ей когда-нибудь приходилось тревожиться, что ее ждет такая скандальная судьба. Они — полная противоположность друг другу. Герцог — бушующий костер по сравнению с ее робким огоньком. Дерзкий вызов ее совестливой душе. Не его вина, что она сочинила их любовное приключение, которого никогда не было. Или что он столь великолепен, что очень хочется выплакаться на его сильной мужской груди.

Но он по крайней мере добр. Это вызывает восхищение, даже если она готова оторвать Девону голову за то, что сделал ее объектом жалости.

— Мисс Боскасл, — произнес герцог тоном, перед которым невозможно устоять, — я прощен?

— За что? — спросила Шарлотта.

Он долго смотрел на нее.

— Я был довольно прямолинеен, не так ли?

— Да, — ответила она. — Были. И весьма чувствительно.

— Что ж, теперь, когда истина установлена, я могу надеяться на следующий танец с вами?

Она покачала головой, удивленная его смелостью:

— Нет.

— Может быть, в будущем?

— Да, да, да. — Шарлотта заставила себя отвернуться, надеясь, что он поймет намек и отойдет.

Она почувствовала, что Уинфилд отступил на шаг. И не слишком скоро. Краем глаза Шарлотта заметила, что две ее ученицы пробираются к французским окнам, ведущим на террасу. Трое молодых джентльменов спешат следом за ними. Шарлотта стиснула пахнувший розами веер, намереваясь предотвратить скандал. Не важно, что герцог — предмет ее

тайных желаний, она не допустит никаких выходов своих подопечных. И леди Клипстоун не получит лакомых кусочков для подпитки сплетен. Насколько Шарлотта знала, ее соперница заслала в этот дом своего шпиона. Элис Клипстоун старалась подкупить бывших учениц и прежних слуг академии, чтобы добыть любую информацию, которая могла бы повредить престижу школы.

— В другой раз, ваша светлость, — решительно заявила Шарлотта.

— Буду ждать, — ответил Уинфилд с облегчением.

Шарлотта не сомневалась в том, что он забудет ее, как только они расстанутся. И она заставит себя забыть его до того момента, когда снова сядет за письменный стол и продолжит изливать в дневнике свои мысли и чувства.

Она решила, что это будет ее последнее упоминание о герцоге. Ее воображаемая любовная связь с ним должна прийти к концу, даже если во плоти она желает его больше, чем ей казалось.

Одна ночь наедине с ним навсегда погубила бы ее доброе имя. Она была бы не в состоянии защитить свою добродетель, если бы он захотел соблазнить ее. Шарлотта хорошо понимала, что страсть, которую он мог открыть ей, сделает общество любого другого мужчины пресным и тоскливым. Конечно, ни один порядочный мужчина на нее не взглянет, если она свяжется с Уинфилдом. Будут ли воспоминания стоить позора? Она боялась признаться себе, каковы они могут быть. Одно то, что она позволила себе зайти так далеко в своих фантазиях о харизматичном герцоге, говорит о многом. Тем не менее любой шанс романа между ними казался столь же далеким, как планета Венера.

Глава 4

Гидеон не был уверен, что чего-то достиг во время короткой встречи с Шарлоттой Боскасл, если не считать того, что заставил ее понервничать. Или что стал бы поддразнивать ее, не будь она кузиной Девона. Вряд ли его внимание сделало ее желанной для других мужчин.

Но она ничем не напоминала ему Девона. В ней была мечтательность, которой не отличалась ее родня. Хоть девушка и походила на акварель, какие обычно украшают стены в провинциальных особняках, ее холодность не более чем иллюзия. Ее кожа не девственно-белая. Она греховно-кремовая с буйством розовых лепестков под поверхностью. Улыбка открывает очаровательный в своей легкой неправильности прикус. Золотые крапинки в глазах намекают на скрытый огонь.

Гидеон поймал себя на мысли о том, как Шарлотта будет выглядеть, если распустит густые светлые волосы, чопорно стянутые на затылке. Он насчитал двадцать туго застегнутых пуговиц на спинке ее скромного платья. Одному Богу известно, какой переполох она подняла бы, если бы знала, что он прикидывает, как быстро справится с этой застежкой. И он поклялся бы, что между ними возникло странное чувство близости. Что невозможно.

Они не обменялись ни единым словом в тот день в магазине.

— Вот ты где, — послышался мужской голос. — Признавайся, что ты сказал, чтобы прогнать Шарлотту в сад? И не говори, что назначил ей тайную встречу, потому что там больше соглядатаев, чем деревьев.

Гидеон фыркнул.

— Я предпочитаю не говорить об этом. Полагаю, тебе известно, что джентльмены свое общение с дамами не афишируют.

— Ты ее обидел?

— Возможно, и это твоя вина.

— Что произошло?

— Ничего.

— Ничего? — скептически посмотрел на него Девон.

— Ничего, — повторил Гидеон, задаваясь вопросом, почему это его заверение имеет привкус лжи.

— Ты пригласил ее на танец?

— Неоднократно.

Девон покачал головой:

— А я-то думал, что ты самый очаровательный мужчина на балу.

— Прости, что подвел тебя, — рассмеялся Гидеон. — Я старался. И потерпел неудачу.

— Ты решительно настроен пустить свою жизнь под откос?

— Боюсь, что так.

Девон сдержанно кивнул.

— Ты явно разгулялся. Не хочешь подняться на галерею и выпить за свое длительное падение?

— Не сегодня. Меня ждут другие удовольствия. И я обещал завезти друзей по дороге.

— Это хорошо. Джейн, наверное, загнала бы тебя в угол под предлогом дружеской беседы. Она без всякого смущения выскивает поклонников для Шарлотты.

Гидеон сопротивлялся желанию оглядеть зал.

— Счастливчик, кто одолеет ее стражу. Я даже не смог убедить твою кузину опустить подъемный мост.

— Ее братья написали Грейсону о намерении выдать ее замуж как можно скорее.

— Спасибо за предупреждение.

— Ты мог выбрать в жены худший вариант, — заметил Девон.

— Согласен, — весело тряхнул головой Гидеон. — Но я жену не ищу. И сомневаюсь, что займусь этим в ближайшем будущем.

— Именно так я думал как раз перед тем, как встретил Джоселин, — произнес Девон. — Я был на пути к ночным развлечениям с другой женщиной, а в следующий миг стоял у алтаря, задаваясь вопросом, что произошло.

Шарлотта жевала салат и подняла фужер с шампанским, приветствуя Харриет, сидевшую неподалеку от нее. Та в ответ высоко подняла свой бокал. Тюрбан с перьями сник на ее голове, как умирающая индейка, но, казалось, никто не обращал на это внимания. Все ученицы академии были на месте и пересчитаны. Из карточной комнаты пригнали за стол молодых людей, чтобы восстановить баланс полов.

Сегодня редкое событие в истории Боскаслов — на балу не произошло скандала, который наутро станет главной новостью. Даже мисс Пеппертри, чопорная помощница Шарлотты, выглядела довольной. Уид, вечный приверженец церемоний, выстроил своих подчиненных вдоль стены, как деревянных солдатиков.

— За академию!

Голос Харриет перекрыл светскую болтовню. Торжество почти закончилось, Шарлотта чувствовала огромное облегчение. Она была так уверена, что бал закончится без происшествий, что откланялась сразу после ужина и поднялась наверх, чтобы распорядиться об отъезде девочек.

Джейн всегда держала в доме апартаменты для родственников, Шарлотта провела здесь предыдущую ночь с Харриет и девочками, чтобы познакомить их с бальным залом.

Харриет вела ее по верхнему коридору.

— Мне нужны сумочка и накидка. Герцог Уинфилд пригласил меня и еще кучу народа на другую вечеринку. Вряд ли смогу убедить тебя пойти.

Шарлотта печально улыбнулась. Ее не обрадует поездка в карете герцога, если он торопится в объятия другой женщины. Похоже, будет трудно сказать «прощай» в дневнике.

— Возможно, ты сумеешь убедить его не ходить в заведение миссис Уотсон, — поддразнила Харриет.

Мы с Джейн наблюдали, как вы флиртовали...

— Это был не флирт, Девон вынудил герцога пригласить меня на танец, — недовольно сказала Шарлотта, распахнув дверь в апартаменты. — Какой здесь беспорядок!

— Со стороны это было похоже на флирт... Ох, Шарлотта, я знаю, что тебя влечет к нему. Хотела бы я, чтобы он... Боже милостивый, только посмотри на мой тюрбан! — Харриет уставилась на свое отражение в высоком зеркале. — Какой кошмар! И все промолчали. Вид ужасный, а у меня нет времени уложить волосы. Куда я дела свою накидку?

Шарлотта не отвечала. Харриет повернулась к ней:

— Ты в порядке?

— Нет. — Она закусила губу. — Лучше оставь меня одну. Я того и гляди расплачусь. Это был долгий и трудный вечер.

— Ох, нет. Что... Это из-за него?

Шарлотта уныло кивнула.

— Я мечтательница. Я всегда надеялась... Он пригласил меня на танец из жалости. Все кончилось.

— Что кончилось?

— Мое любовное приключение.

— Но ведь оно было нереальным?

— Знаешь, что в этом самое скверное?

— Скажи.

— Я так долго мечтала об этом мужчине. И решила, что пора положить этому конец. Но на свою беду, сегодня вечером обнаружила, что у него есть совесть, и это делает его еще привлекательнее, чем прежде. Я круглая дура, Харриет. Почему ты мне не сказала, что моя писанина — пустая трата времени?

— Потому что это не так, — ответила Харриет. — Истории, которые ты мне читала, прекрасны.

На душе у Шарлотты было тошно.

— В моих историях столько фантазий. Теперь я даже не могу мечтать о встрече с ним. Мне придется мотыльков рисовать, чтобы занять время.

— Шарлотта, я была преступницей. Ты открыла мне хорошие книги. В них было то, что я чувствовала, но никогда не умела выразить.

— Ты выражалась более красноречиво, чем любая леди, которых я когда-либо

встречала.

— Даже когда переходила на прежнюю лексику?

— Особенно тогда. — Шарлотта хохотнула. — Никому не рассказывай, что я в этом призналась. Даме непозволительно демонстрировать свои эмоции. Как не следует использовать нелитературные выражения.

— Можешь мне доверять. Хочешь поговорить о нем?

— Не сейчас, — покачала головой Шарлотта.

— Ты неделями трудилась, чтобы подготовить учениц к выпуску. Так что воспользуйся заслуженным отдыхом, дорогая.

— Мне нужно проследить за отъездом девочек. Я бы уехала с ними, но мне сначала надо упаковать вещи.

— Мисс Пеппертри ждет в одной из карет. Сэр Дэниел поедет верхом следом за ними, и лакеев будет столько, что можно крикетное поле заполнить.

Шарлотта с облегчением улыбнулась. Сэр Дэниел Мэллори, бывший сыщик с Боу-стрит, работал частным агентом семьи Боскасл.

— Бал прошел хорошо, правда?

— Более чем. Юные леди не просто пережили эту волнующую ночь, благодаря твоим трудам они процветали. Кроме того, сегодня ты создала прецедент. Событие у Боскаслов не кончилось скандалом.

— Прости. Я не...

— Переведи дух, пока я приведу себя в приличный вид. Попросить что-нибудь принести? Я заметила, что ты за столом ничего не ела.

— Я не могу есть.

— Тогда позже.

Вздыхнув, Шарлотта открыла секретер, где в потайном ящике был спрятан ее дневник. Скоро она забыла о присутствии Харриет. Времени хватит написать только пару страниц, но ей нужно излить свои чувства к герцогу, пока впечатления еще свежи и яркие.

«Сегодня вечером я поцеловала герцога, это был прощальный поцелуй. Гм, нереально, конечно, но он приглашал меня на танец, снова и снова, и я умирала от желания согласиться. Сделай я это, мы танцевали бы до тех пор, пока не развалились бы мои туфли и солнечный свет не засиял бы в окнах бального зала.

— Я думала, у вас есть спутница, — шептала я между его жаркими поцелуями.

— Да.

— И что случилось?

— Я встретил вас.

— Ваша любовница рассердится?

— Мою будущую жену это волнует?»

— Шарлотта!

Голос Джейн вырвал ее из грез. Собравшись с мыслями, Шарлотта оторвалась от приятных фантазий и повернулась к элегантной фигуре в дверях.

— Все в порядке, Джейн?

— Да. Мисс Пеппертри уезжает с девочками. Пойдем. Проводишь их, и выпьем бренди с Хлоей, потом Уид вызовет карету, которая отвезет тебя в академию. Харриет, ты

составишь нам компанию?

— Нет, — ответила Харриет. — Я же говорила, что мы собираемся на поиски сокровищ. Ты не можешь одолжить мне тюрбан?

Шарлотта поднялась, закрыла секретер и поспешила к стоявшей у двери Джейн.

— Приятных развлечений, Харриет.

Харриет рассеянно улыбнулась ей от туалетного столика, пытаясь укротить волосы.

— Я выпрошу у него поцелуй и принесу тебе, — пробормотала она себе под нос.

— Не смей, — прошептала Шарлотта, ее щеки вспыхнули. — Я не смогу нигде показаться, если ты это сделаешь.

— Ты могла бы ускользнуть с нами, — сказала Харриет. — Мисс Пеппертри постоянно начеку.

— Поиск сокровищ заманчивая игра, — помолчав, ответила Шарлотта. — Если не считать того, что подобные забавы часто кончаются серьезными недоразумениями. Я не могу себе позволить спровоцировать скандал.

— Рискни. — Глаза Харриет весело заискрились.

— Что именно вы ищете?

— Я еще не видела весь список. Кажется, Девону предстоит найти шелковый зонтик, а Хлое — ночную сорочку судьи.

— Поиск ночной сорочки определенно приведет ее к неприятностям, — предсказала Шарлотта.

— Возможно, я что-то перепутала, — беспечно сказала Харриет. — Во всяком случае, мы разделились на команды. — Она понизила голос: — Кто-то предложил нанести неожиданный визит твоему герцогу.

— Он не мой. И мы с тобой обе знаем, что у него на эту ночь другие планы. — Шарлотта нахмурилась. Она предпочитала вообще больше не знать герцога, чем видеть в обществе женщины, которую он выбрал себе в платные спутницы. — Кроме того, у меня завтра урок. Хоть мы и выпустили старших девочек, младшие еще нуждаются в наставлениях.

— Ты не единственная наставница в академии, — напомнила Харриет.

— Знаю. Но это не оправдывает развеселые ночные прогулки по Лондону.

— Кому нужны оправдания?

— Незамужней леди. Для вас все по-другому.

Харриет вздохнула.

— Где найти тюрбан? — спросила она Джейн, когда та уже собралась закрыть дверь.

— Посмотри в гардеробной и в моей комнате, — ответила на ходу Джейн. — Или спроси мою горничную. Пожалуй, если не Шарлотту, то меня ты уговорила на поиск сокровищ.

Отвернувшись от зеркала, Харриет сочувственно посмотрела на Шарлотту:

— Я просто пошутила. Я никогда тебя не предаю.

— Шарлотта! — снова заглянула в комнату Джейн. — Поторопись, дорогая. Все ждут.

— Харриет, уходя, захлопни дверь, — попросила Шарлотта. — И пожалуйста... пожалуйста, что бы ты ни делала, не выдавай мои секреты. Сегодня выпускницы празднуют свои успехи, и не стоит смущать их причудами учительницы.

Харриет даже не слышала, как горничная вошла в комнату.

— Карета герцога ждет, ваша светлость. Он просил, чтобы вы поторопились. На улице просто толчея.

Харриет заправила выбившийся локон под тюрбан, так и не найдя другого головного убора, под который могла бы спрятать непослушные волосы, и оглядела неубранную комнату. Она знала, что что-то забыла. Что сказала Шарлотта?

Веера. Туфли. Ее сумочка. Куда она положила накидку?

Перчатки? Харриет заметила накидку, аккуратно висевшую на стуле возле секретера, и... ахнула. Крышка секретера открылась, что неудивительно, ведь на вид ему по меньшей мере девяносто лет. Ее взгляд вспыхнул при виде дневника, который Шарлотта беззаботно оставила там, где любой мог прочесть его скандальное содержание.

Взгляд горничной тоже к нему прикован.

Шарлотту ждет унижение, если кто-нибудь прочтет ее признания. И Харриет обещала защищать ее.

— Герцог ждет, — объявил от двери Уид.

— Я искала накидку, старый индюк, — бросила в ответ Харриет.

С воровским искусством, которым в совершенстве овладела в юные годы, она смахнула с секретера дневник Шарлотты в складки накидки. Не лучшее решение, но Харриет предпочла унести дневник с собой вместо того, чтобы оставить любопытной горничной. Что-то в выражении ее лица Харриет не понравилось. Было в нем что-то... вкрадчивое. И знакомое? Харриет не была в этом уверена.

* * *

Шарлотта вернулась в комнату со вздохом облегчения. Она выполнила обязательства перед очередным классом выпускниц и перед академией. Теперь она могла радоваться своему успеху. В другую ночь она, возможно, села бы за стол и записала то, что у нее на сердце, изливая секретные желания, которых никому бы не открыла.

Она влюбилась в слово с тех пор, как отец позволил ей заходить в его библиотеку, и тогда всем своим неуклюжим существом Шарлотта решила, что ответы на жизненные вопросы, возможно, смогут дать ей те, кто нашел время поделиться своими мыслями на исписанных страницах.

Конечно, никто никогда не прочтет того, что поверяла Шарлотта своим дневникам. История ее первой несчастной любви в пятнадцать лет ей казалась трагически-поэтичной. Мальчишка, по которому она вздыхала, в разговоре с приятелями назвал ее «великаншей с большими зубами», и когда она застала его с другой девочкой, это ее потрясло и опустошило.

Сейчас Шарлотта, вспоминая о прошлых унижениях, чувствовала лишь слабый укол боли. Она была высокой, но перестала сутулиться, чтобы скрыть свой рост в присутствии джентльменов. И чуть неправильный прикус не останавливал ее улыбки. Она была бы несчастной, выйдя за это бесчувственное бревно, Филиппа Морленда. Кроме того, она видела достаточно страданий в мире, чтобы ценить то блаженство, которое обрела, а не плакать о том, чего не имеет.

Скорее всего она вырвет из дневника страницы с упоминанием о нем. Мучительные

воспоминания о его равнодушии она изгнала из сердца с решительностью, присущей леди ее положения.

Шарлотта подошла к секретеру и, нахмурившись, заметила, что Харриет похозяйничала в комнате, после чего дневник исчез.

Не может быть. Видимо, она его спрятала и забыла куда. Такое раньше случалось. Шарлотта открыла ящик, перебрала листы бумаги и модные картинки. Никакого результата. Другой ящик?

«Думай». Герцог. Девочки. Герцог. Ее дневник! Ее личный «поверенный».

Она не запаникует. В этот вечер столько всего ее отвлекало. Она писала, пока Харриет возилась с волосами и причитала из-за тюрбана. Туфли. Брошенные накидки. Наряд, который Джейн тактично предложила ей надеть вместо простого белого платья из атласа.

Возможно, Харриет перед уходом спрятала дневник в комнате. Сердце подпрыгнуло от надежды. Где Джейн? Это дом Джейн. Она могла зайти, заметила дневник и сочла его опасным. Можно расспросить слуг или, еще лучше, Уида. Он все знает, все видит, все слышит.

Шарлотта обыскивала комнату, и с каждой секундой поисков ее тревога нарастала. Нет, она не запаникует. Дневник не мог просто так исчезнуть.

— Я потеряла его, — шептала она. — Кто-нибудь, помогите. Мне нужно остаться... Я его потеряла! — запричитала Шарлотта. — Потеряла! Он пропал!

Шарлотта повернулась к распахнувшейся двери:

— Уид!

В комнату вбежала побледневшая Джейн.

— Я была на лестнице, — запыхавшись, произнесла она. — Услышала твои крики, но надеялась, что мне это показалось. Уид, станьте у двери и проследите, чтобы поблизости никого не было. Ведь это неправда, Шарлотта?

Шарлотта с несчастным видом покачала головой:

— Все пропало, Джейн!

— Пропало?

— Украли... Я не знаю...

Джейн в ужасе уставилась на нее.

— Что украли? Твою девственность? — прошептала она и, бросившись к двери, так захлопнула ее, что свечи едва не погасли в подсвечниках на стене. — Послушай меня. — Она схватила Шарлотту за руку. — Скверно, что это случилось, но не надо кричать об этом на весь Лондон. Подозреваю, что это герцог.

— Что?!

— В этой комнате? — все больше распалялась Джейн. — Когда? Я думала, он уехал. Если ты скажешь, что он прокрался обратно, чтобы изнасиловать тебя...

— Да не герцог! — Шарлотта высвободила руку. — А мой дневник. Я оставила его на столе, и он исчез.

— О Господи! — Джейн, тихо застонав, рухнула на диван. — В какой-то миг я подумала, что произошло убийство. Больше меня не пугай так.

— Вставай, Джейн, пожалуйста. Нам нужно его найти.

— Уверена, что мы его найдем. Кто-нибудь должен на него наткнуться...

— Нет!

Джейн выпрямилась.

— Возьми себя в руки. Вряд ли твои писания могут тебя погубить. Давай будем честными. Все, на что ты можешь рассчитывать, — это что кто-нибудь удивленно поднимет бровь, не более того. Ты живешь крайне осмотрительно.

— Это ты так думаешь.

— Хочешь сказать, что поверяла бумаге проступки, которые могут запятнать твое имя? — уставилась на нее Джейн.

Шарлотта в отчаянии тихо застонала.

— Содержание дневника может погубить и меня, и академию. Где Харриет? Мне нужно поговорить с ней.

— Она недавно уехала в карете герцога Уинфилда с компанией друзей. Они собирались к миссис Уотсон на другую вечеринку. Их забавы не начнутся до полуночи. Пошлю за ней Уида. Нет, попрошу сэра Дэниела, когда он вернется из академии. Кто лучше бывшего сыщика найдет Харриет? Он уже несколько раз находил ее. А ты, пожалуйста, успокойся.

— Как он ее найдет? Харриет отправилась на поиски сокровищ. Разве я могу успокоиться? Ты мой дневник не читала.

— Тогда давай надеяться, что и никто другой не читал. — Джейн замолчала и взглянула на дверь в смежную комнату. — Кто там? — резко спросила она.

— Всего лишь горничная, — донесся пронзительный голос. — Я думала, мисс Боскасл хочет, чтобы я перед ее уходом убрала комнату. Поэтому я не могла не услышать, что в доме переполох.

Джейн резко поднялась.

— Я не знаю вашего имени. Вы, должно быть, новенькая и не знаете, что здесь есть определенные правила. Вы не должны подслушивать под дверями. И входить без позволения.

— Да, миледи. — Сделав реверанс, горничная пятилась к двери.

— И в этом доме нет никакого переполоха.

— Должно быть, она из тех, кого миссис Барнз наняла для этого вечера, — сказала Джейн, закрыв за служанкой дверь. — Наверное, следует расспросить ее и других горничных, возможно, они убрали дневник.

— Или украли его.

— Прекрати вести себя так, будто мир висит на волоске из-за твоих мыслей, Шарлотта. Кому мог понадобиться твой дневник, если в моей комнате драгоценностей на целое состояние?

Глава 5

Гидеон последним вышел из своей кареты. Он высадил Харриет и ее развеселых друзей на Гросвенор-сквер, не обращая внимания на мольбы составить им компанию.

— Не может быть, чтобы ты мечтал провести остаток ночи в постели куртизанки! — кричал на всю улицу Девон, обычно воплощенная осторожность. — Ты хочешь остаться с нами!

Гидеон покачал головой и велел кучеру ехать в дорогой бордель на Брутон-стрит. Забирая шляпу и перчатки, он заметил какой-то сверток, втиснутый между сиденьями. Поколебавшись, Гидеон потянулся к нему.

То, что в полумраке походило на дохлую птицу, на деле оказалось злополучным тюрбаном Харриет и... Книга? Странная вещь для вечеринки.

Подвинувшись на сиденье к свету, Гидеон открыл первую страницу и понял, что это дневник. И что он не принадлежит Харриет.

«Частная собственность.
Принадлежит леди ШЕБ.
Пожалуйста, не читайте».

Он улыбнулся. Неужели дневник принадлежит мисс Боскасл? Должно быть, в нем описаны минуты острых ощущений. Как, оказывается, занимательна жизнь школьной учительницы. Столько страниц заполнено изящным твердым почерком. Можно себе представить, какой увлекательный том о приличиях она написала. Что-то вроде: «Лорд Хигглстоун ел бифштекс вилкой для рыбы. Какой ужас».

— Ваша светлость! — с придыханием окликнул из верхнего окна борделя женский голос. — Вы внезапно оробели? Или хотите, чтобы я встретила вас внизу?

Гидеон захлопнул дневник и вышел из кареты, не обращая внимания на сдержанную улыбку своего лакея.

По потайной лестнице, в обход других визитеров, его проводили наверх, в освещенную свечами гостиную. Слишком поздно он сообразил, что, машинально сунув под мышку, захватил с собой дневник. Но с этим уже ничего нельзя поделать.

— Гидеон! — Габриэль закинула ему руки на шею, не дожидаясь, когда лакей выйдет из комнаты. Она прижалась к герцогу с нескрываемым энтузиазмом, который возбудил бы его, если бы дневник Шарлотты Боскасл не торчал между ними как кирпич.

Она рассмеялась, глянув на помеху, ее большие карие глаза засветились.

— Ты принес это для меня? — спросила она, скользнув рукой по его шее. — Обещаю, что могу исполнить любой акт из твоей книги.

— Этого ты никогда не сможешь.

Она дерзко улыбнулась:

— Держу пари. Сколько поставишь?

— Учитывая цену, которую ты назначила, сомневаюсь, что могу позволить себе заключать пари.

Она покачала головой.

— Ты сегодня такой скованный. Что мне сделать, чтобы ты расслабился? — Она потянулась к дневнику. — В этой книге тайные склонности, которым я могу потворствовать?

Гидеон отвел ее руку от дневника. В этом жесте не было отрицания ее привлекательности.

— Некоторые секреты не предназначены для того, чтобы ими делиться.

— Даже с возлюбленными?

— Да.

— Я нашла дом, какой хотела, — рассеянно сказала Габриэль. — Он близко от твоего и подходит для развлечений. И я составила список покупок. Могу я показать его тебе, прежде чем мы договоримся?

— Как хочешь.

— Подожди здесь, — прошептала она. — Я купила самые дерзкие наряды, которые ты когда-либо видел. На буфете херес, уже налит.

Он взял бокал и, усевшись на покрытый шелком мягкий диван, лениво перелистывал страницы дневника, пока не увидел собственное имя.

Гидеон выпрямился, поперхнулся вином. И, закашлявшись, читал, не веря своим глазам.

«Поцелуи герцога сделали меня беспомощной. Я не могла заставить себя сопротивляться ему. Он бы не позволил мне сбежать. Здравомыслие покинуло меня к тому времени, когда он потянул меня на ковер перед камином...»

Черт побери, подумал он. Когда это произошло, и почему он об этом забыл?

Он открыл страницу, заложённую красной розой на длинном стебле. Роза была засушенная, а чернила ещё не высохли.

Это последняя запись?

Напрягая глаза, он читал.

«Бал.

Сегодня герцог Уинфилд пригласил меня на танец. Я сопротивлялась, и не только из чувства долга, но потому, что знала: если он снова коснется меня, я не смогу скрыть свою страсть к нему.

Не было на этом балу другого мужчины, который заставил бы меня трепетать. Когда он подошел ко мне, мне пришлось удержаться от...»

Черт! Прищурившись, Гидеон всматривался в строчки. Какое неподходящее место для кляксы. Он так никогда и не узнает, что Шарлотта собиралась с ним сделать.

Он взглянул на часы в углу. Габриэль явно не торопится.

Она заставляет его ждать, чтобы распалить его желание? Или дает понять, что пока он ей не заплатил, она ещё доступна для других мужчин?

Он не любил ждать.

И особенно не любил посещать бордели для заключения формальностей. Как и не гордился тем, что читает чужой дневник. Нужно остановиться. Но Гидеон поймал себя на том, что не может этого сделать.

«Он пригласил меня на танец, но я предложила ему большее.

Он принял предложение и сделал меня своей в полном смысле этого слова».

— Боже милостивый, — качая головой, пробормотал Гидеон. — Кто бы мог подумать? У школьной наставницы желания намного больше, чем академизма.

«Сделал меня своей в полном смысле этого слова». Она хоть понимает, что написала? Тут есть что-нибудь похлеще?

Он перевернул страницу.

«Правда.

Возможно, он ждал, что я паду к его ногам из благодарности, что он уделил мне внимание. Если и ждал, то хорошо, что скрыл это. Понятно, что Девон впутал его в это дело, и ему пришлось заставлять себя разговаривать со мной. Его глаза блуждали по комнате, он провожал взглядом каждую проходившую женщину».

Гидеон нахмурился. Это нелестно и к тому же неправда. Он лишь притворялся, что разглядывает бальный зал, чтобы не казалось, будто он рассматривает ее. Порой джентльмену не удастся в этом преуспеть.

Он продолжал читать.

«И он резок с лакеями. Он командует ими и считает, что все его пожелания будут немедленно исполнены. Он не высказывает благодарности и говорит снисходительным тоном».

Гидеон захлопнул дневник.

Ах, он забыл поблагодарить лакея, принесшего ему шампанское? Какое преступление! Со своим персоналом он обращался хорошо. Ведь так?

У этой истории, как у медали, две стороны. Похоже, мисс Шарлотта Боскасл не могла решить, кто он в ее грезах — возлюбленный или дьявол.

Гидеон отложил дневник, и тот снова открылся на одной из страниц.

«Прошлое.

Предательство и разбитое сердце.

Его звали Филипп Морленд, и он был первым мальчиком, в которого я влюбилась. Я думала, он любит меня, каждую субботу он приезжал в наш дом посмотреть — я в это верила, — как я разливаю чай. Потом я застала его в саду, он целовался с горничной... На самом деле они, видимо, занимались другим делом, но я слишком леди, чтобы описать его природу... Несколько дней спустя я упрекнула Филиппа, но он спокойно возражал, назвав меня “великаншей с большими зубами”».

Гидеон расхохотался. Если она великанша, то мальчишка, наверное, был карликом.

Интересная женщина. Помоги ей небо, если ее дневник попадет в чужие руки.

До утра он постарается выбросить ее из головы.

И утром первым делом поручит дворецкому вернуть ей дневник с дюжиной красных роз и пожеланиями богатой событиями, хоть и вымышленной жизни.

Если в дневнике есть другие жаркие эпизоды, а он в этом не сомневался, они не предназначались для посторонних глаз. Благородный человек не станет читать секреты леди. А негодяй прочтет и воспользуется этим.

Она без ума от него, и ему стало ее жаль. Что бы она подумала, если бы узнала, что он читает ее заметки в доме Венеры?

Гидеон не хотел, чтобы она об этом узнала.

Как друг семьи, он не вправе так поступать. Не то чтобы он собирался винить ее за воображение или беспечность Харриет.

— Гидеон, — раздался позади него вкрадчивый голос. — Я тут целую вечность стою. Я не представляла себе, что ты предпочтешь мне книгу.

Он тоже не представлял.

Габриэль подошла к тахте, села ему на колени и запустила пальцы ему за галстук. В другой руке она держала список вещей, покупка которых скорее всего доведет его до банкротства.

— Почему у меня такое чувство, что я не владею целиком твоим вниманием?

— Я...

— Это все книга, — надулась она. — Ты от нее глаз не отрываешь. Я ее в окно выброшу.

— Нет. — Он выпрямился. Габриэль потянулась к книге. — Не трогай.

— Почему бы нам не сжечь ее и не заняться любовью возле камина?

— Я не жгу книги.

— Или книга, или я. — Она соскользнула с его колен.

— Это весьма легкий выбор, — улыбнулся Гидеон.

Габриэль махнула списком перед его носом.

— Рада это слышать. Я не люблю, когда меня игнорируют.

Гидеон порывисто поднялся.

— А я не люблю ультиматумы.

Он повернулся прежде, чем она обрела дар речи, дневник снова был у него под сюртуком, привлекательность Габриэль таяла на глазах.

На страницах дневника Шарлотты Боскасл жила более глубокая страсть, чем он нашел в этом доме.

Шарлотта отвернулась от окна и направилась к Харриет, чтобы обнять ее.

— Слава Богу! Ты здесь. Я с нетерпением тебя ждала.

— Я отправилась обратно, как только получила твою записку. Что случилось?

Пожалуйста, скажи, что ты положила мой дневник в безопасное место. Пожалуйста.

— Хорошо. Я положила дневник в безопасное место.

Куда? спросила Шарлотта, едва не рухнув от облегчения.

Харриет нахмурилась, словно перебирая в уме события вечера.

— Мы были в этой комнате, когда ты писала.

— Да, — сказала Шарлотта. — И?

Харриет побледнела.

— И что, ради всего святого? — всплеснула руками Шарлотта. — Что случилось с дневником?

— О Господи! — Харриет побледнела еще больше. — Я спрятала его в свою накидку и забрала с собой. Я думала, ты уехала с девочками. Крышка секретера открылась, и я опасалась, что дневник попадет в чужие руки.

— Но этого не случилось, — сказала Шарлотта. — Потому что ты положила его в надежное место.

— Я верну его тебе.

— Где он? — сквозь зубы спросила Шарлотта.

Харриет вздрогнула.

— Я оставила его в карете герцога.

— Надеюсь, герцог — это твой муж Гриффин? — ободряюще улыбнулась Шарлотта.

Харриет покачала головой:

— Мой муж в Брутоне. Я говорю о другом герцоге. О том, из-за которого ты разум потеряла.

— Уинфилд? — ужаснулась Шарлотта.

— Я солгу, — быстро сказала Харриет. — Я поклянусь, что это мой дневник. Я отдам себя на милость герцогу.

— Что, если он прочтет дневник прежде, чем мы найдем его? — спросила Шарлотта, ужаснувшись этой мысли. — Мы хоть знаем, где найти герцога?

Харриет заколебалась.

— Когда я его последний раз видела, он собирался встретиться с новой любовницей в доме миссис Уотсон.

— Что я наделала, Харриет?! — прошептала Шарлотта. — Какая демоническая сила меня опутала, что я превратила случайные встречи в жаркий вымысел? Почему я не удовольствовалась правдой? Почему?

— Не знаю.

— Потому что я Боскасл, и страсть, словно яд в моей крови, дает о себе знать, что бы я ни делала.

— Ты потеряла дневник, Шарлотта. А паникуешь так, будто родила наследника престола и забыла, куда положила его.

— Ты понятия не имеешь, что я там понаписала. Что, если он это прочитает?

— Твои истории милые и очаровательные.

— Дневник совсем другое дело.

Харриет усмехнулась:

— Чтобы мужчина предпочел чтение дневника томящейся от любви особы обществу куртизанки?

— Я должна этой же ночью получить дневник обратно. Он не должен его прочитать.

— Тогда мне придется тебе помочь.

— Как?

— Мы проберемся в его дом. Он даже не узнает, что мы там были.

Глава 6

Ник Риделл, профессиональный грабитель и настоящий головорез, руководил своим бизнесом из трущоб Сент-Джайлс. Его ценили и уважали в преступном мире, и он этим гордился. До сегодняшней ночи. Сидя в карете некой леди, он сам не знал, что на него нашло и почему он согласился на предложенную работу. Злость, вот что. Он рассуждает как девчонка.

Его клиентка словно на чаепитие в Бедлам собралась, напялив высокую, до самого потолка кареты, шляпу. Эта особа считала себя образчиком стиля, он в этом не сомневался. Что ж, ее деньги ничем не хуже других. И все-таки он без обиняков отказал бы, не признайся леди Клипперс, или Клипстоун, или как ее там, что узнала о нем через его бывшую сообщницу Харриет Задаваку. Это имя отравило ему кровь как низкопробный джин. После такого пошла он всегда себя плохо чувствовал. Но это не удерживало его от очередного глотка.

— Почему вы не попросили Харриет сделать эту работу, разве вы с ней не подруги? — Прищурившись, Ник разглядывал шляпу заказчицы. Эта чертова штукавина напоминала дымоход с поднимающимся кверху дымом.

— Мы с этой особой не подруги! То, что она поднялась в светское общество, — это оскорбление устоев благопристойности. — Леди потрясла перед его носом маленьким кулаком. — Возмутительно, что мне пришлось опуститься до сотрудничества с

преступниками, чтобы добиться справедливости. Вы обещали, что этот дневник окажется в моем распоряжении в конце бала.

Он взглянул на съезжившуюся рядом с ней девушку в поникшем чепце горничной. Милли была его нынешней любовницей, и уж кому, как не ему, знать, что она не слишком расторопна, чтобы посылать ее в фешенебельный особняк.

— Я не нуждаюсь в проповеди, мне нужна информация о ситуации.

— Ситуация? — взвизгнула заказчица. — Это гораздо больше, чем ситуация.

— Успокойтесь, леди. Давайте подведем итог. Милли упустила шанс забрать определенный объект, который вы по не интересующим меня причинам желаете заполучить.

Леди Клипстоун что-то пробормотала себе под нос.

— Моя давняя приятельница герцогиня, похоже, обладает этим объектом, — продолжал Ник. — Герцогиню последний раз видели в карете герцога Уинфилда, карета подъехала к известному месту удовольствий и вскоре уехала оттуда.

— Меня лакей выставил, — невпопад сказала Милли. — А потом Харриет и леди Джейн.

— Милли, — с упреком произнес он, подавшись вперед. — Я во всем разберусь.

— Что вы намерены делать? — спросила леди Клипстоун, отодвигаясь от него, словно он заразный.

— Это просто, — ответил Ник. — Я разыщу мою старую деловую партнершу и докопаюсь до сути дела. Кстати, в чем суть?

— Соперничество, — объяснила леди Клипстоун.

— Соперничество? Между вами и Харриет?

— Да не Харриет... — Она взяла себя в руки. — Между мной и наставницей Харриет.

— И эта наставница писала дневник?

— Нет, нет.

— Тогда кто, и что вам до этого дневника?

Леди Клипстоун поморщилась:

— Почему я должна открывать вам свои секреты?

Ник рассмеялся:

— Леди, вам следовало задать себе этот вопрос до того, как вы наняли меня на это преступление.

Она вздохнула.

— Мне больше не к кому было обратиться. Хотите знать почему?

Ник подмигнул Милли, информация всегда полезна и часто дает возможность вести игру под названием «шантаж».

— Расскажите, — мрачно сказал он. — Если с вами дурно обошлись, я, возможно, смогу отомстить за вас.

— Я не хочу, чтобы кому-нибудь перерезали горло.

— Разумеется. Это убийство.

— И оно стоит целое состояние, — подала голос Милли.

Леди Клипстоун заколебалась.

Ник ждал.

— У меня нет мужа, — сказала она.

Он сочувственно покачал головой.

— Эта... эта особа, о которой мы говорим, украла его у меня!

— Бедняжка, — произнесла Милли таким тоном, словно знала суть дела.

Леди Клипстоун шмыгнула носом.

— Вы представить себе не можете, как важен для меня этот дневник.

Ник кивнул. Эта глупая мышь решила устроить ловушку.

— Понимаю, мадам, — солгал он, заинтересовавшись содержанием дневника. — Дело деликатное.

— Понимаете... — Леди Клипстоун вертела руками, пока Нику не захотелось ее стукнуть. — Кузина Шарлотты, Эмма Боскасл, украла у меня единственную истинную любовь, когда мы вместе учились в школе.

— Вашей любовью была женщина? — выпрямился Ник.

— Нет, при... — Она едва не сказала «придурок». — Нет. Виконт Лайонс жил неподалеку от нашей школы. Я первая увидела его, а потом он увидел Эмму.

— Кто она — эта Эмма? — спросила Милли.

— Это она основала академию, — с горечью ответила леди Клипстоун. — Она была моей лучшей подругой.

Мы планировали вместе открыть школу для юных леди. А теперь видите, как все для меня обернулось.

— Что этот злосчастный виконт сотворил такого, чтобы сделать вас врагами? — Ник подался вперед, словно готовился к броску.

— Не забываетесь, — отрезала она. — Но теперь он мертв.

— Это хорошо, — сказала Милли.

Леди Клипстоун с негодованием посмотрела на нее:

— Нет. Эмма вышла за герцога. И что мне осталось?

— Мечь? — выдохнул Ник.

— Пока нет. Нет. Все, что я имею, — это соперничающая академия и обормот племянник, который, развалившись в моей карете в мятых брюках и заляпанной пятнами рубашке, умоляет дать ему пять фунтов, что я и делаю, чтобы избавиться от него.

— Кровосос, — сказал Ник. — Я таких знаю. Но чего я не знаю, так это того, как вы пришли к мысли, что этот дневник кое-что изменит.

— Я умна. Как и вы.

— Это я понял, — кивнул Ник.

— Одна из учениц Эммы сбежала. Она рассказала о шокирующей распущенности в академии. И думала, что это может быть описано в дневнике Шарлотты Боскасл. Эмма перед уходом готовила Шарлотту возглавить академию. И все видели, что она постоянно ведет записи в этом проклятом дневнике.

— Распущенность? Какого рода, позволю себе спросить?

— Тайные сексуальные проступки, которые покроют имя школы позором.

— Значит, секреты? — заморгал Ник.

Леди Клипстоун в расстроенных чувствах приподняла штормку и оглядела улицу.

— Ужасные вещи, — прошептала она. — Непристойные. Боскаслов считают полубогами. И похоже, чем ниже они падают, тем выше поднимаются в глазах общества.

Ник кивнул. Он считал, что это Боскаслы забрали у него Харриет.

— Я в отчаянии. Я хочу довести академию до гибели! — крикнула леди Клипстоун. — Дневник — ключ ко всему этому.

— Это я понимаю.

— Они каждый месяц крадут учениц от моего порога. Я не знаю, сколько еще смогу продержаться. Вы понимаете, как это несправедливо: они процветают, а я знаю их грехи и должна держать язык за зубами.

— Позвольте мне позаботиться об этом.

Три часа спустя он написал ей записку и велел одному из мальчишек доставить ее.

«Цена возросла из-за опасного характера работы. Я заново оценю дело и свяжусь с вами на досуге. С наилучшими пожеланиями, Н. Риделл».

Глава 7

Старые привычки тяжело умирают. Герцогиня Гленморган, казалось, была словно рыба в воде, когда планировала, как они с Шарлоттой проберутся в дом герцога, чтобы вернуть потерю. К ее чести, Харриет взяла на себя всю ответственность за то, какую роль она сыграла в пропаже дневника.

— Если бы не отчаянное положение, — глянула на нее в сумраке покачивающейся кареты Шарлотта, — я бы никогда на это не согласилась. Джейн придет в ярость.

— Мы будем дома раньше, чем она узнает, что мы вообще уезжали.

— Откуда ты знаешь?

Харриет вздохнула.

— Я залезла в большее число домов, чем ты заезжала попить чаю. Шарлотта?

— Что?

— Доверься мне.

Эти два слова раньше подбадривали Шарлотту, а теперь у нее появилось дурное предчувствие и по спине побежали мурашки.

— У меня есть выбор?

— Никакого.

— Что, если он не забрал дневник в дом? Что, если его нет ни в доме, ни в карете?

— Мне нужно сосредоточиться, — сказала Харриет. — Пожалуйста, перестань тревожиться.

— Это выше моих сил. Уже одно то скверно, что ты велела кучеру ехать к заведению миссис Уотсон, чтобы убедиться, что герцог все еще там. Страшно подумать, что двух дам нашего положения застанут болтающимися вокруг борделя.

— Однажды я тут работала, — пробормотала Харриет, прикрыв глаза.

— Я умру, если нас кто-нибудь узнает.

— Тогда тебе лучше спрятаться за занавеску, а не выглядывать.

— Бизнес тут определенно процветает, — сказала Шарлотта. — За то короткое время, что мы объехали кругом, я прибывающим джентльменам счет потеряла.

— Один из этих джентльменов сама знаешь кто.

— Не напоминай мне. — Шарлотта уже измучила себя этой мыслью. Нетрудно вообразить герцога в окружении женщин, горящих желанием удовлетворить самые извращенные прихоти.

— Мы в Белгравии, — открыв глаза, сказала Харриет.

— Как ты узнала?

— По стуку колес по булыжникам. — Харриет хмуро посмотрела на нее. — Если не можешь держаться спокойно, оставайся в карете.

— Нет, — решительно сказала Шарлотта. — Так нечестно.

Двадцать минут спустя Шарлотта пожалела, что не передумала. Даже в своих самых тайных помыслах она представить себе не могла, что будет прятаться в кустах, чтобы пробраться в дом Гидеона. Леди никогда не наносит визит джентльмену, если только не желает, чтобы ее быстро обнаружили.

Харриет отцепила юбку от колючей ветки.

— Зачем только он посадил розы под самым окном?

— Место для них вполне подходящее, — ответила Шарлотта, покусывая палец.

— Не тогда, когда ты продираешься сквозь кусты в газовом бальном платье.

— Думаю, садовник герцога растил их здесь не для того, чтобы погубить твой гардероб.

— Не болтай. Кто-нибудь может услышать.

Шарлотта смотрела на темные ряды деревьев в саду.

— Откуда?

— Из служебных помещений. Или из соседнего дома. Окно внизу выходит прямо на нас. И не отвечай, если кто-нибудь спросит, кто идет. Просто спокойно поднимись и закрой окно. Передай мне долото, пожалуйста.

Шарлотта потянулась к бисерной сумочке Харриет.

— Поверить не могу.

— Во что?

— «Передай мне долото, пожалуйста». Мы только этим утром сидели за завтраком, и ты просила передать щипчики для сахара. Это взлом чужого дома, Харриет.

— Да уж, это не ночь в опере. Ты нашла?

— Нет пока. Подержи мой веер.

— Скажи на милость, зачем ты взяла с собой веер?

— Без него я чувствую себя голой. Вот. — Шарлотта вручила Харриет инструмент. — Как по-твоему, герцог надолго уехал?

— Это его первая официальная ночь с любовницей. Думаю, он не вернется домой до рассвета. Я ее как-то видела. Она очень красива. Маленькая и смуглая. — Харриет ловко уродовала долотом. — Готово. Иди первой.

Прокравшись в кухню, они выждали несколько минут, и Харриет повторила инструкции, которые дала Шарлотте в карете.

— Начнем сверху. Если он приезжал домой переодеться, он делал это в спальне. Иди туда. А я обследую гостиную.

— Что, если нас поймают?

— Сочини что-нибудь. Скажи, что ты лунатик и бродишь во сне.

— И пришла сюда с Парк-лейн?

— Скажи, что мы... мы охотимся за сокровищами и присоединились к играющим после его ухода.

— Охотимся за сокровищами?

— Он знал, что эта игра планировалась. Свет всегда придумывает какие-нибудь эскапады. Разве ты не участвовала в подобных приключениях?

— Только в воображении.

— Тогда это твой шанс проявить немного смелости.

Шарлотта не шевельнулась.

— Ты очень бледная, — прошептала Харриет. — Если не можешь быть полезной, то сделай милость, посиди в кресле, пока я не закончу.

— Полезной? У меня такое чувство, что я свинцом налилась. Толком дышать не могу, а ноги такие тяжелые, что их не сдвинуть. И ничего не чувствую. Не думаю, что обладаю качествами хорошего преступника.

— Забрать то, что тебе принадлежит, — это не преступление.

— Надеюсь, герцог так это видит.

— Надеюсь, он вообще нас не увидит.

Глава 8

Гидеон весь вечер был на грани. Сначала вызывающая стычка с Шарлоттой на балу. Теперь он не мог отделаться от мысли о том, что произошло бы между ними, если бы он сначала прочитал ее дневник. Знай он, что она тайно обожает его, он, возможно, не стал бы ее поддразнивать.

Девон ему бы голову оторвал, если бы он предложил ей что-нибудь непристойное. Конечно, Девон ведь не читал дневник своей кузины. Эта чертова тетрадь погубила все шансы на хорошую ночь. Больше того, теперь придется искать новую любовницу, а это непросто.

Когда он входил в дом, нервы его были напряжены. Слугам рекомендовали удалиться пораньше, на тот случай если он вернется домой с Габриэль. Единственный свет давали угли в камине его кабинета. Он прошел мимо открытой двери и остановился у лестницы.

И только было подумал, что ему после всех событий уже черт знает что мерещится, как услышал скрип дверцы гардероба.

Шелест... Похоже, шелестят одеяла на постели. Его ждет сюрприз? Габриэль примчалась сюда раньше, чем он, чтобы разрешить недоразумение? На случай если он ошибся, Гидеон вернулся в холл и взял с подставки прогулочную трость. Подойдя к двери спальни, он понял, что ему не понадобится укрощать злоумышленника спрятанной в трости шпагой. Это явно Габриэль, и она чувствует себя как дома.

Удар по заду привлечет ее внимание.

Прислонившись плечом к дверному косяку, Гидеон ждал, когда она его заметит. Странная у нее поза, поднятый вверх тыл позволял разглядеть несколько дюймов нижних юбок и лодыжки в хлопковых чулках. Гидеон нахмурился. Простые белые чулки. Белое платье без отделки.

Когда она успела переодеться и пробраться в его дом?

Да она не только одежду сменила! Она изменила всю свою внешность — рост, цвет волос, лицо...

Лицо!

Боже милостивый! Это школьная наставница роется в его ящиках. В поисках... карманных часов, денег, старых любовных писем? Он мог только догадываться.

Гидеон сунул лезвие шпаги обратно в трость.

— Извините. Если я лампу зажгу, это поможет? Я бы не хотел, чтобы вы напрягали... — он оглядел нижнюю часть ее тела, — напрягали глаза.

Она замерла, как маленький зверек, вдруг осознавший, что его заметил хищник. Осторожно отведя руки от ящика, она выпрямилась, ее широко распахнутые глаза были полны тревоги.

Он окинул ее взглядом.

— Мисс Боскасл. Какое неожиданное удовольствие.

— Ваша светлость? — сказала она так, будто они сидели за чашкой чая.

Гидеон недоверчиво покачал головой:

— Скажите на милость, что вы делаете в моей спальне?

Потрясение на ее лице, должно быть, было зеркальным отражением его собственного шока.

— Я... я... — оглядываясь вокруг, она рассматривала кровать, умывальник, кресло у окна, — я лунатик.

— Лунатик?!

Она медленно кивнула.

— Лунатик? — повторил он, оттолкнувшись от косяка. — Вы хотите, чтобы я поверил, что вы прошли от академии до моего дома и поднялись по лестнице в мою спальню во сне?!

— Да.

— Но теперь-то вы не спите?

— Я так не думаю.

Он тихо выругался.

— Я что, похож на человека, который верит в гипноз или послания из другого мира, которые приходят к нам во сне?

— Нет. — Она вздохнула. — Вы не похожи.

— Для нас обоих будет лучше, если вы признаетесь, зачем вы сюда пришли.

Она смотрела на дверь, словно надеялась ускользнуть, не дав ему ответа.

— Вы находитесь в моем доме. Когда я застаю женщину в своей спальне, я полагаю, что она предлагает себя для удовольствий.

— Правда заключается в том, что...

— Пожалуйста, продолжайте.

— ...что я участвую в охоте за сокровищами. Выпускной бал прошел замечательно, я подумала, что заслужила небольшое развлечение, так что мы с Харриет присоединились к группе друзей, и вот я здесь.

— Охота за сокровищами? — поднял бровь Гидеон. — В моем доме? Почему? Это должен быть именно мой дом?

— Да, — кивнула она.

— И какова причина?

— Потому что... потому что я должна добыть поцелуй герцога. А поскольку муж Харриет в Брутоне, вы — ближайший герцог, которого я знаю.

Гидеон медленно снял перчатки и шляпу. Он не знал, как ему удалось сохранить сдержанный вид. Он снова задумался, не стал ли жертвой розыгрыша. И не участвует ли Девон в охоте за сокровищами? Но позволил бы Девон, чтобы его кухню застали в комнате повесы?

— Я могу дать вам больше, чем поцелуй. — Он бросил перчатки и шляпу на кровать.

— В этом нет необходимости, — покачала головой Шарлотта.

Он обошел вокруг нее.

— А вы можете сказать мне правду.

Шарлотта чувствовала, как напряжение между ними медленно нарастало, невидимое, жаркое, коварное, как дым. Уинфилд рассматривал ее лицо.

— Разве вы не знаете, что случается с молодой женщиной, которая посмела войти в логово герцога? — спросил он с улыбкой.

— Если бы вы что-нибудь слышали о женщинах моей семьи, то не стали бы беспокоиться. Каждая из нас укротительница герцогов и драконов.

Его улыбка стала шире.

— Если бы вы знали, что сейчас у меня в голове, вы бы поняли, что фамильная история вас не защитит. По крайней мере пока мы с вами наедине.

Ее губы приоткрылись.

— Вы угрожаете соблазнить меня?

— Возможно. Если все охотятся за сокровищами, почему бы и мне этим не заняться?

Она пыталась перевести дыхание. Воздух жег легкие, словно огнем.

— Вы могли играть, если бы хотели. Насколько я поняла, у вас были другие планы.

— Я бы отменил их, если бы знал, что вы будете ждать меня в моей спальне. Вам следовало намекнуть мне на балу.

— Ваша спальня, — прошептала она. — Скверный выбор.

Это заставило Шарлотту задуматься, что случилось с его любовницей. Герцог явно не торопится выставить нежданную гостью из дома. И держится не как человек, который ждет, что проститутка появится с минуты на минуту.

— Думаю, мне бы понравилась охота за сокровищами, — задумчиво произнес он. — Та, в которой участвуют только двое.

— Непохоже на веселую вечеринку.

Его темные глаза заискрились.

— Похоже, если оба намерены поиграть.

У Шарлотты дыхание перехватило, когда он положил руку ей на плечо, подтолкнув к кровати. Где Харриет? Что, если ее заметил кто-то из слуг?

— Вы на редкость сообразительны, Шарлотта. Как вы догадались, что сегодня ночью мне нужна женщина в постели?

Харриет обыскала все возможные места и решила, что дневника в доме нет. Во-первых, почему такой человек, как Уинфилд, потрудился бы его прятать?

Она неслышно спускалась по лестнице. Герцог, возможно, заносчивый прохвост, как и все джентльмены высокого положения. Но он мужчина из мужчин. Он попросту присутствовал на балу, чтобы доставить удовольствие Боскаслам, а потом отправился к миссис Уотсон, чтобы доставить удовольствие себе.

Спустившись вниз, Харриет прикрыла глаза и прислушалась. Шарлотта в спальне, ее поиски явно столь же бесплодны. Харриет снова представила себе, как сидит напротив герцога в его карете. Она спрятала дневник в своей накидке, а потом забыла о нем.

Вот когда она в последний раз видела дневник.

В карете. А это значит, что нужно дожидаться, когда герцог вернется домой. Возможно, она сумеет воззвать к его лучшим качествам, хотя мужчина, только что вернувшийся из заведения миссис Уотсон, вряд ли склонен к высокоморальным поступкам. Она могла

спрятаться в каретном сарае и подождать герцога. Но нельзя укрыться там с Шарлоттой, которая рухнет при первом же признаке опасности.

Вряд ли это рискованное предприятие сравнимо с прошлыми выходками Харриет. Она обыщет кабинет герцога и потом скажет Шарлотте, что лучшее решение — просто объяснить Гидеону, что произошло. И надеяться, что с дневником ничего не случится.

Шарлотта придет в ужас, но она это переживет. У нее хорошая голова на плечах. Она сильнее, чем думает. Какая жалость, что герцога не влечет к таким женщинам, как она. На взгляд Харриет, они были бы чудесной парой.

Ник Риделл работал на улицах Мейфэра с тех пор, как помнил себя, но предметом его гордости было обучение Харриет Гарднер и ее сводных братьев воровскому ремеслу. С мальчишками он время от времени сотрудничает, они вспоминают былые подвиги и сетуют, что без Харриет все совсем по-другому. Эта девчонка рождена для того, чтобы грабить дома. Она видит в темноте как кошка. Она может как ветерок пройтись по дому, полному людей, собрать все серебро, а пропажу заметят только наутро.

Нынешняя его подружка Милли ревновала к ней, поскольку Ник не делал секрета из того, что у нее нет прирожденного криминального таланта, как у Харриет.

«Ты не можешь винить ее в том, что она от всего отказалась, Ник. От крыс, полицейского преследования, вони сточных канав, чтобы выйти за герцога. Ты сам пошел бы с ним под венец, если бы тебе предложили», — говаривала Милли.

Сегодня ему недоставало Харриет, ее таланта пробираться в дом, ее грубого рта и огненно-рыжих волос. Он всегда производил впечатление на других девчонок в Сент-Джайлс, но не на Харри.

Рискнув, Ник воспользовался услугами задолжавшего ему кебмена и подъехал к резиденции герцога. Потом ждал на противоположной стороне улицы, когда герцог вернется домой.

Он ждал так долго, что уже жалел о напрасно потраченном времени. Пока он тут торчит, можно было бы обчистить дом напротив.

К своей радости, он узнал маленькую карету Харриет, остановившуюся на углу площади, где жил герцог.

Вытащив из куртки подзорную трубу, Ник осматривал стену сада и заметил, как Харриет и ее светловолосая спутница на цыпочках крадутся через задние ворота.

У Харриет ночная встреча с герцогом? Того герцога, за которым она замужем, мало, чтобы доставить ей удовольствие? И кто эта привлекательная леди, приехавшая с ней в карете?

Они что-то затеяли, Ник чувствовал за их дерзкой выходкой непростые мотивы. Прежде чем он смог до них докопаться, из-за угла появился экипаж герцога и въехал в каретный сарай.

Ник пересек улицу и скользнул в ворота. Открыв дверцу кареты, он схватил дневник раньше, чем кучер пришел запереть ворота на ночь.

Можно уходить.

Вместо этого Ник вернулся к стене сада и направил подзорную трубу на верхние комнаты дома. Он подумал, что узнал женщину, мелькнувшую за шторами.

Возбуждение хлынуло в его кровь.

Вот это да!

Должно быть, они тоже ищут дневник.

А он здесь, прямо у черного сердца Ника.

Он, Ник, на голову переиграл Харриет? В этой ссоре двух женщин наверняка есть нечто большее. Он будет дураком, если выпустит дневник из своих цепких рук, не оценив его стоимости. К черту леди Клипстоун. Если дневник нужен Харриет, он бесценен.

Какую цену человек может заплатить за месть?

Глава 9

Герцогу не надо было подгонять Шарлотту к своей постели. Она бы рухнула поперек кровати, если бы он продолжал утыкаться в ее шею.

Его чувственность смыла доводы разума и заменила их иррациональным желанием. Целый год Шарлотта жаждала его прикосновения.

— Почему бы вам не рассказать мне правду? — прошептал он, обнимая ее за талию. — Возможно, я могу помочь вам.

— Ваши действия говорят об обратном.

Уинфилд поднял голову, его взгляд не предлагал ей никакого выхода.

— Вы здесь не из-за игры в охоту за сокровищами. Ведь так?

Она судорожно вдохнула.

— Да. Я пришла сюда потому, что у вас мой дневник, и я хотела бы его вернуть. Пожалуйста. Пожалуйста!

Выражение его лица не смягчилось. Шарлотта надеялась, что герцог поймет. Надеялась, что он не заметит беспорядка, который она учинила в его шкафу и ящиках. Надеялась, что от его внимания ускользнет, что она обнаружила «французские письма», засунутые между колодой карт и дымчато-серыми перчатками.

Но больше всего она надеялась, что дневник у него и герцог его не читал.

— Спустимся в мой кабинет, Шарлотта. — Его голос ласкал ее слух. — Я не способен мыслить здраво, когда вы рядом с моей постелью. Да, ваш дневник у меня.

Она боялась спросить, читал ли он его. У нее голова шла кругом от радости, что дневник не пропал. Герцог провел ее в темный кабинет. Если Харриет и обыскала эту комнату, то не оставила видимых следов своего присутствия.

Но нет никаких признаков, что Харриет в доме. Куда она делась?

— Садитесь на софу, Шарлотта, — предложил герцог. — Думаю, вы не возражаете, что я называю вас по имени. — Он ждал, пока она сядет. — Учитывая, что мы хорошо знаем друг друга, это кажется вполне естественным.

— Вы читали мой дневник... Какое унижение! Как вы могли?!

— Это было нелегко, поверьте. Однако, к вашей чести, он захватил все мое внимание.

— Не думаю, что заслуживаю чести за то, что сделала.

— Или написали? — Он сел рядом.

Она опустила веер на колени.

— Ну? — выжидательно посмотрел на нее Уинфилд.

Шарлотта посмотрела на него:

— Что «ну»?

— Помнится, сокровищем был поцелуй герцога.

— Ах это. — Она слегка взмахнула веером. — Я это выдумала. На самом деле я в игре не участвовала.

— Я знаю. — Он поднял руку. Его пальцы скользнули по ее лицу, теплые, ловкие, неторопливые. — Но я играю, и я требую поцелуя.

Она подавила судорожный вздох. Вторую руку он положил ей на затылок. Шарлотта почувствовала, как рассыпались ее волосы, когда он вытащил шпильки из тяжелого узла. Слова, которые так легко приходили, когда она описывала герцога в дневнике, теперь оставили ее. Или она оставила свои вымыслы.

Но когда он, наклонившись, поцеловал ее, Шарлотта поняла, что ее влечение к нему — не игра фантазии. Это отчаяние. Бесспорная потребность. Она закрыла глаза, сдаваясь. Его губы уговаривали ответить. Ее губы приоткрылись, и его поцелуй влек ее в темноту, соблазнял ее на... на что? Она не знала. Но он знал. Ее голова упала на его руку. Его язык скользнул в ее рот, герцог целовал ее, пока дрожь наслаждения не пробрала ее до костей. Она словно плыла, невесомая, в своей первой встрече с распушенностью.

— Этого вы хотели? — спросил он.

— Я... Да...

Уинфилд прижал ее к спинке дивана, ее плечо скользнуло между подушками. Он не шевельнулся. Его полуприкрытые глаза, в которых светилась победа, смотрели на нее с жаром слишком сильным, чтобы его вынести. Шарлотта чувствовала, как этот жар растекается по ее жилам до кончиков пальцев.

Он склонился над ней. Его тело твердое, возбужденное, он до мозга костей мужчина. Медленно подняв руку, он исследовал ее груди. Сладкая боль пронзила Шарлотту. Она выгнула спину.

— Я могу отнести вас наверх, в мою спальню...

— Нет! Я не могу. Вы не можете.

Беспощадная улыбка растекалась по его затененному лицу. Его рука поглаживала лиф ее платья.

— Мы не можем этого сделать, — прошептала Шарлотта, подняв руку к его груди.

— Почему? — мягко спросил он. — Мы делали это в вашем дневнике, что подразумевает согласие, если не решительное приглашение. Конечно, со мной не советовались. Но не могу себе представить, что я отказал бы вам, если бы вы попросили.

— Я забралась в ваш дом не затем, чтобы начать связь, — с негодованием произнесла Шарлотта, глядя на его ироническую мину.

— Но вы забрались, и вы в моих руках. Вы знаете, что собственность — это девять десятых закона?

— Собственность? — выпрямилась она.

— Хотите бренди?

— Да, — сказала Шарлотта, хотя этот напиток обычно сразу ударял ей в голову.

— Я бы, пожалуй, тоже выпил.

Харриет стояла у двери кабинета не веря своим глазам. Она сразу узнала герцога. Но кто эта длинноволосая леди, над которой он склонился и целует с таким увлечением, что никто из них не замечает, что у них есть зритель?

О Господи! Шарлотта! Не может быть. И все же это она.

Харриет отпрянула.

Что делать?

Она не может допустить гибели Шарлотты.

Но с другой стороны, нельзя допустить, чтобы она потеряла мужчину, которого так желала. И Уинфилд явно желает ее, хотя как безвредная забава обернулась губительной интерлюдией, было для Харриет загадкой. Но сейчас не время задаваться этим вопросом.

Она-то думала, что Шарлотта случайно захлопнула дверцу шкафа и оказалась в ловушке, а на самом деле она в капкане обьятий герцога, воплощая в жизнь один из эпизодов дневника, на страницах которого началась эта любовная связь.

Она выглядела такой незащищенной, когда сидела на софе, сжимая веер, что стремление защитить одолело в Гидеоне зов плоти. Он чувствовал себя негодяем из-за того, что заставил ее раскрыть карты.

— И давно вы ведете дневник?

— Дневники. С тех пор как научилась писать.

Он глотнул бренди.

— Вы всегда были так изобретательны?

— Я приукрашивала правду. Я хотела написать свою жизнь как волшебную сказку. И никогда не предназначала свои писания для чужих глаз. Там не все вымысел.

— Вымысел? Приукрашивала? Ах, мой озорной ангел, там даже имена не изменены. Не должен признаться, мне любопытно... как долго меж нами любовная связь.

— Год, — со вздохом прошептала Шарлотта.

У него брови поползли вверх.

— И вы за все это время ничего мне не сказали? И где именно это началось?

— В абонементе библиотеки, — с улыбкой призналась она.

Он тоже улыбнулся и забрал у нее пустой бокал.

— Жаль, что я не знал. По крайней мере я бы послал вам цветы, чтобы отметить годовщину.

Она рассмеялась, и он тоже. Ему пришлось признать, что это затруднительное положение уникально и ему льстит, что она находит его желанным.

— Вы до сегодняшнего вечера даже не знали о моем существовании, и Девону пришлось подтолкнуть вас в мою сторону.

— Ошибаетесь. Помнится, однажды я видел вас в магазине. Я вас заметил, и если бы тогда знал, какая вы страстная натура, настоял бы, чтобы мы танцевали на балу.

— Я изливала свое глупое сердце в дневнике.

— Если это как-то утешит, я нашел чтение увлекательным.

Шарлотта опустила голову.

— Вы хотели сказать, унижительным. Вы кому-нибудь говорили?

— Разумеется, нет. — Уинфилд допил бренди. — Это наш роман.

— Где вы оставили дневник?

— В своей карете.

— Как много вы прочли? — тихо спросила она.

Герцог поставил бокалы на стол.

— Достаточно, чтобы чувствовать себя то польщенным, то оскорбленным. Достаточно, чтобы теперь не знать, кто я — дьявол или святой.

— Не уверена, что хотела бы оказаться в вашем обществе, когда забрезжит истина.

— Почему? Это ваши наблюдения привели меня к этой моральной дилемме.

— Но вы сегодня заключили договор.

— Почти. Никакие бумаги не были подписаны. Я свободный человек во всех отношениях.

Она подняла взгляд, ее голубые глаза затуманило сожаление.

— Мне слишком стыдно, чтобы приносить извинения.

Подушечкой большого пальца он провел по ее скуле.

— Не нужно извиняться. Уверю вас, я никогда не извиняюсь за свое неблагодарное.

— Неблагодарное, — вздохнула она. — Это название моему...

— Шш... — Он поднял руку. — Помолчите минутку.

— Что случилось?

— Карета остановилась у дома.

— Должно быть, это Харриет, — заморгала Шарлотта.

— Почему Харриет?

Шарлотта поднялась, собирая шпильки, которые он вытащил из ее прически.

Она привезла меня сюда. Я вам говорила.

— Нет, не говорили, — ответил герцог, глядя на ряд белых атласных пуговиц на спинке ее платья. — Что, если она нас увидела?

— Мы бы этого не услышали.

Он повернул голову.

— Харриет, должно быть, привезла друзей. Я слышу голоса.

Шарлотта подбежала к окну.

— О нет! — выдохнула она.

И Гидеон даже не потрудился спросить у нее, что произошло. Он слышал стук молотка, грохотавшего по парадной двери, и знал, что ночь готовит новый сюрприз, и он будет не таким приятным, как обнаружение Шарлотты Боскасл в его спальне.

Глава 10

Гидеон не знал, в какой момент этим вечером ощутил, что его жизнь никогда не будет прежней. Это случилось на балу? У миссис Уотсон? Или в его спальне с Шарлоттой? А веде утром он проснулся с уверенностью, что закончит день в постели с Габриэль.

Кто мог предсказать, что произойдет за эти несколько часов?

Узнав застывших у двери Девона и Хита Боскаслов и маленькую группу друзей позади них, Гидеон сообразил, что его жизнь вот-вот изменится, и не самым лучшим образом. Теперь он годами по утрам будет просыпаться рядом с наставницей школы благородных девиц. Леди, которая, съезжившись позади него, пытается заколоть волосы, вероятно, станет его женой. Он не видел выхода из ситуации, быстро вырвавшейся из-под контроля.

Гидеон медленно повернулся к Шарлотте и встретился с ней взглядом.

— Не говорите ни слова. Я с этим справлюсь.

— Мы обречены, — прошептала она.

Он думал точно так же.

Дверь резко распахнулась. Гидеон смотрел прямо на Девона, самого высокого из компании. Дружеская улыбка Девона исчезла, когда он заметил в комнате Шарлотту. За

Девон следовали с убийственным видом его старшие братья Хит и Дрейк. Затем две женщины, из которых Гидеон знал только одну, следом за ними какая-то леди и джентльмен.

— Полагаю, это поиск сокровищ, — с натянутой улыбкой сказала Джейн. — Как дурно, что вы начали без нас, ваша светлость. Или вы охотились за сокровищем на ночь?

— Мадам, — сказал он, встав между Шарлоттой и маркизой, чьи зеленые глаза горели гневом. — Все не так, как кажется.

Она понизила голос:

— Возможно, это не совсем ваша вина, но моего мужа это не волнует. Это оскорбление. Будь я мужчиной, я бы вызвала вас на дуэль за урон, нанесенный ее репутации.

Дрейк Боскасл ловко обошел ее.

— Ну а я мужчина и не прочь его убить. Как вы могли привезти ее сюда без компаньонки?

— У меня есть компаньонка, — быстро сказала Шарлотта. — На самом деле меня привезла сюда Харриет.

Дрейк оглядел комнату.

— Тогда где она? Я ее не вижу.

— Понятия не имею, — сказала Шарлотта. — Мы были в спальне герцога, а потом расстались.

— В спальне? — Дрейк метнулся схватить Гидеона за галстук, но Шарлотта прыгнула между ними, чтобы предотвратить атаку.

— Я ведь просил вас ничего не говорить, — мягко произнес Гидеон.

— Какой вы великодушный защитник, — съязвила Джейн. — Разве вы не собирались встретиться сегодня у Одри с новой любовницей?

Двинувшись вперед, Девон оттолкнул с дороги Шарлотту.

— Как ты мог сделать мне такое? — накинулся он на Гидеона.

— Я готов задать тот же вопрос тебе, — ответил он.

Фыркнув, Девон скинул плащ.

— Ты планировал это до нашего разговора?

— Что именно? Свою гибель на выпускном балу?

— Где Харриет? — Джейн смотрела на два пустых бокала на столе. — Шарлотта, почему ты не пришла ко мне, прежде чем совершить эту глупость?

Гидеон подавил желание выгнать всех, кроме Шарлотты, на улицу, и пусть спорят там до утра. Его дворецкий Шелби пытался протиснуться в комнату и горестно извинялся.

— Клянусь, я пытался остановить их, ваша светлость. Клянусь, я это делал. Но они утверждали, что это игра и вы не возражаете.

— Возражаю, — с сердитым видом сказал Гидеон.

Девон смотрел так, будто хотел убить его, и Гидеон будет рад шансу поступить с ним так же. Он знал, что выглядит виновником. Что сделано, то сделано. И никакие извинения не изменят результата.

— Я не приглашал сюда мисс Боскасл.

— Вы приглашали Харриет? — вопросительно подняла бровь Джейн.

Он игнорировал ее реплику.

Девон разочарованно потрянул головой:

— Я просил тебя польстить ей своим вниманием несколько минут, а не всю ночь. Я не

имел в виду лезть такого сорта, и ты прекрасно это знаешь, черт побери.

— Не я это начал, — сказал Гидеон, пытаясь использовать в качестве защиты правду.

Было только два реальных способа спасти честь. Дуэль, на которой он убьет противника или сам будет убит. Или... На жизненном горизонте замаячила вторая возможность, которая тоже была своего рода смертью. Он мог сам сделать предложение руки и сердца, что предпочтительнее, чем быть принужденным к этому.

Брак.

С директрисой школы благородных девиц.

Да, она бросила вызов всему, что ассоциировалось с ее профессией. Да, ее скрытый пыл оказался волшебным огнем, который он не ожидал раздуть. Но он не намеревался вступать в новый брак на этом отрезке жизни.

Гидеон обеспокоенно взглянул на Шарлотту. Она снова походила на акварель. И не важно, что ее внешность обманчива. Он не мог выдать ее перед всеми этими людьми.

Что подумают ее родственники и друзья, если он объявит, что застал ее роющейся в ящике его комода, где лежали «французские письма»? Сплетников не интересуется, что она искала свою вещь. Или что его заботит, куда он сует свой...

Жена Девона Джоселин вошла в комнату и, сдерживая мужа, положила ладонь на его руку. Взгляд, который она бросила на Гидеона, заставил его почувствовать себя величайшим злодеем.

Потом он услышал, как Девон пробормотал:

— Никогда себе этого не прощу.

Шарлотта повысила голос, не стесняясь и не сдерживаясь:

— Чем ты лучше, Девон Боскасл? Тебе мало, что ты скомпрометировал бедняжку Джоселин и вынудил ее выйти за тебя. Так тебе нужно было сунуть нос в мои дела и погубить и мою жизнь!

Герцог с мрачным видом повернулся к Девону.

— Я просил вас помолчать, Шарлотта. Позвольте мне разобраться с этим.

— Нет. — Девон отдал плащ жене. — Мы столько раз сражались в фехтовальном зале. Почему бы нам не устранить разногласия очередной схваткой?

У Гидеона времени хватило лишь на то, чтобы оттолкнуть Шарлотту назад на софу, прежде чем он обернулся, чтобы защититься. Он понимал, почему Девон взбесился, и объяснит затруднительное положение, когда его противник будет готов слушать доводы.

А пока на него справа и слева летели большие кулаки. Гидеон увернулся, переступая вокруг кресла, пока не стало ясно, что он или ударит Девона, или сам получит удар.

— Прекратите! — просунул свое худое тело между тяжело дышащими противниками полковник Хит Боскасл. Его старший брат Дрейк навис над его плечом. — Если вы дошли до драки, то сделайте это в приличное время и в подобающем месте, а не в присутствии дам. Насколько мы знаем, причин для ссоры нет.

Гидеон повернулся, случайно встретившись взглядом с Шарлоттой. Сожаление в ее глазах было слишком искренним, чтобы поверить, что все это изощренный план.

Он ослабил галстук, потом снова огляделся и увидел, что Девон с негодованием смотрит на него.

— Это ты предложил мне пригласить ее на танец.

— Продолжим этот разговор утром приватно в доме Грейсона, — снова вмешался полковник Хит Боскасл. — Думаю, самое время объявить, что охота за сокровищами

закончилась и всем пора отправляться домой.

Глава 11

Харриет, обыскав строение за садом, подошла к парадному крыльцу, когда из дома герцога появилась компания. Подойдя к Шарлотте, Харриет взяла ее за руку.

— Ты нашла его? — шепнула Шарлотта.

— Нет.

— Где ты была?

— В каретном сарае и за домом, — прошептала Харриет. — Потом я заметила вас с ним в его кабинете. Если тебя станут расспрашивать, рыдай в три ручья. И притворись, будто теряешь сознание.

— Жаль, что ты не нашла этот проклятый дневник.

— Взгляни на это с хорошей стороны. По крайней мере после этой ночи ты сможешь описать реальный опыт.

Шарлотта огляделась.

Девон смотрел на нее так хмуро, будто она монстр с головой горгоны Медузы. Ее невестки Джейн и Джоселин смотрели ободряюще. Во всяком случае, Джейн, кажется, сочувствует. Остальная компания спешила к карете. Проходя мимо Шарлотты, Джейн прошептала:

— Выше нос. Рот на замок.

Ее темноволосый кузен Дрейк подошел к ней и, наклонившись, тихо проговорил:

— Позволь своим голубым глазкам говорить за тебя.

Но Хит, настоящий сфинкс, мастер устрашающего молчания, чей взгляд, казалось, проникал сквозь камень и человеческую душу, человек, который был ее защитником, когда она впервые приехала в Лондон, всю дорогу домой не мигая смотрел на нее, подперев подбородок пальцами. Он расстроен? Испытывает отвращение? Его это позабавило? Не вызвало интереса? Никто не мог сказать наверняка. Ей лучше держать язык за зубами, пока она не поймет, как будут восприняты ее объяснения.

Одно ясно: она пополнила фамильное наследство, навлекла на себя позор и доказала, что и в ее крови кипит страсть ее предков.

Гидеон поднялся наверх с бутылкой бренди и выпил половину, прежде чем свалился в постель. Его «гости» отбыли.

Он слишком устал, чтобы решать какие-либо проблемы. Вечером он отправился к миссис Уотсон, уверенный, что заключит соглашение с куртизанкой. Вместо этого он увяз в болоте скандала.

Возможно, и есть выход из сложившейся ситуации, не наносящий вреда имени Шарлотты, но Гидеон его не видел.

Господи, как же он жалел, что презирает трусость!

Ему придется выбирать между позором и браком, что для Шарлотты настоящее достижение, учитывая вереницу женщин, которые плели интриги, чтобы стать его женой.

Он, не дрогнув, встречался с многочисленными противниками на дуэльной площадке. Что сейчас изменилось? Мужчина не может назвать себя храбрым, если сражается только в

тех боях, которые сам выбирает.

Обдумывая будущее, он услышал, как дверь отворилась и раздались шаги.

Гидеон не потрудился открыть глаза. Он надеялся заснуть и, проснувшись на следующий день, узнать, что все это ему приснилось.

— Оставьте все как есть, Шелби. Вы можете навести порядок, который вам так по сердцу, утром.

Холодная вода плеснула ему в лицо. Он резко выпрямился и едва успел уклониться от глиняного кувшина, ударившегося об изголовье кровати. В этот момент он решил, что у Габриэль вовсе нет задатков куртизанки.

Скорее она горгона. Но не женщина, которой мужчина в здравом уме стал бы доверять или делить с ней постель. Перекатившись на бок, он встал, придерживая у груди полог кровати.

Умывальная чашка ударила в столбик кровати. Габриэль лихорадочно оглядывалась вокруг, вероятно, в поисках нового оружия. Отпустив полог, Гидеон шагнул к двери, прежде чем Габриэль запустила туфлю ему в спину.

— Лгун! Мальчишка! Поверить не могу, что ты променял меня на... Я даже не знаю, что она собой представляет!

Гидеон вышел на лестницу. Внизу собрался весь его персонал в ночной одежде.

— Столько женщин за одну ночь, — сказала экономка, явно рассчитывая, что он ее услышит. — Это противоестественно. Нездорово! Я больше не желаю в этом участвовать. Какое счастье, что юная леди Сара всего этого не видит.

Габриэль, рыдая, помчалась вниз по лестнице.

— Он свинья! — крикнула она расступившимся слугам. — Он погубил мою репутацию! Я больше никогда не получу высокой цены.

— Скатертью дорога, — пробормотал Шелби, закрывая за ней дверь.

На следующее утро Харриет рано приехала в академию, чтобы позавтракать с Шарлоттой. Они сидели вдвоем, попивая чай, пока он не остыл.

Харриет поставила чашку.

— Не знаю, что и сказать. Это я во всем виновата.

Шарлотта вздохнула.

— Нет. Признаюсь, что хотела увидеть его дом изнутри.

— Для человека, который, как считают, ведет распутную жизнь, у него чудесная обстановка. Я не видела никаких следов буйных оргий, которые, как говорят, он устраивает.

— Не знаю, что это означает. Толи его опорочили, то ли у него вышколенный персонал, который прекрасно убирает.

— Это может означать, что он не так плох, как говорят.

— У него в ящике «французские письма», — еле слышно сказала Шарлотта.

— Что ты сказала? — посмотрела на нее через стол Харриет.

— «Французские письма». Ну знаешь, такие шутки... которые мужчина надевает, собираясь совершить плотский акт.

— Во-первых, Шарлотта, не стоит рассуждать как жена викария, — нахмурилась Харриет. — Я знаю, что это. Презервативы.

— Говори тише.

— Я уже и так шепчу. Кроме того, это свидетельствует о том, что он более

ответственный любовник, чем большинство мужчин.

— Он держит презервативы в ящике комода, а это свидетельствует о том, что он весьма свободен в своих симпатиях.

Харриет с трудом сдерживала смех.

Шарлотта раздраженно посмотрела на нее:

— Тебя забавляют распутники?

— Нет. Ты. Наличие этих «штук», как ты выразилась, может значить многое.

— Правда? — с притворным равнодушием посмотрела на подругу Шарлотта.

— Правда. Это может означать, что он опытный и думает о том, куда сует свой...

— Харриет!

— Или что он предпочитает быть готовым на случай... ну, ты понимаешь... на случай если, вернувшись домой, обнаружит в своей спальне некую леди.

— Ох, не напоминай мне.

— А может быть, он надеется, что правильная женщина, и мы снова говорим о тебе, ждет, когда он вернется домой.

— Нет. Я больше не стану себя обманывать.

— Некоторые мужчины всегда носят их с собой, — продолжала Харриет, которую грела эта тема. — В церковь, если фортуна улыбнется им после проповеди. В клуб, на случай если какая-нибудь леди в карете ждет свидания. Я знаю джентльменов, которые берут их с собой на балы. Ты не заметила, у него они были, когда он пригласил тебя на танец?

— Больше не стану с тобой разговаривать, — через силу рассмеялась Шарлотта.

— Тебя очень забавно дразнить. Прости. Ноя думаю, то, что он прячет в ящике, говорит больше о хорошем, чем о плохом.

— Ты заговорила так, будто сама находишь его привлекательным.

— О нет. — Глаза Харриет блеснули. — Одного герцога мне более чем достаточно, чтобы постоянно быть занятой. Честно говоря, если бы Гриффин находился в Лондоне, у меня не было бы времени впутать тебя в эту неприятную историю.

— У меня все так сложно, — мрачно произнесла Шарлотта.

Шарлотта знала, что в глазах общества совершила непростительный грех. Она призналась, и не раз, а неоднократно, и не шепотом, а на бумаге, в переживании неумеренных эмоций.

Дамам эмоции не позволены. Аристократка скорее откусила бы себе язык, чем призналась, что испытывает подобные желания. И чувства, которые она выразила к герцогу...

Она не просто увлеклась полетом фантазии. Она взлетела на восковых крыльях прямо к солнцу, как Икар в греческой легенде.

Шарлотта вздохнула. Возможно, чересчур драматично сравнивать себя с греческим юношей, который упал в море, когда во время полета его надежды растаяли вместе с крыльями. Но она всегда считала, что миру мужчин будет лучше, если они извлекут какие-то моральные уроки из мифологии. Почему для женщин должно быть по-другому?

— Шарлотта! Снова замечталась?

— Мне придется встретиться с родственниками.

— И с герцогом, — напомнила Харриет.

— Он был в ярости прошлой ночью, — вздохнув, сказала Шарлотта. — Может быть, он покинет Лондон, прежде чем его призовут на семейный суд.

— Он не сбежит, — сказала Харриет. — Герцог не такой, как другие мужчины.

— Я это поняла, — едва слышно произнесла Шарлотта. — Это и влечет. — Глубоко вздохнув, она продолжила: — Я бы не хотела принуждать его к браку независимо от того, как желала его. Признаюсь, замужество звучит более волнующе, чем уроки манер до конца жизни. Но даже это занятие теперь для меня потеряно.

— Ты не можешь работать в академии вечно. Твои братья поклялись до осени выдать тебя замуж.

— Уверена, что среди выбранных ими кандидатов нет для меня хорошей пары. Но я хочу семью, — призналась Шарлотта.

— Тогда подожди, пока встретишь правильного мужчину.

— Я встретила, — уныло улыбнулась Шарлотта. — Только я неправильная женщина.

— Посмотрим, что принесет день.

Глава 12

По иронии судьбы первый урок Шарлотты в этот день был посвящен трем паркам, богиням, которые пряли нити судьбы и определяли удел каждого. Рождение, жизнь, смерть. Эти богини возносили человека или уничтожали. И редко снисходили к тем, кто взывал к милосердию.

— Какой урок мы, леди рафинированной культуры, можем извлечь из этого мифа? Кто-нибудь из вас думает, что можно изменить судьбу?

Поднялась одна из младших девочек.

— Леди Далримпл со своим художественным клубом идет дать еженедельный урок рисования. Я просто хотела вам напомнить.

Шарлотта сжала губы.

Меньше всего ей сейчас нужна группа безмозглых матрон, обожавших рисовать нагих джентльменов для пополнения своей коллекции греческих богов. Шарлотта не верила, что эти седовласые художницы создают свои спорные работы исключительно из благотворительности, хотя изображение мужа Эммы в виде Геракла, борющегося с немейским львом, было продано за сумасшедшую сумму в пользу госпиталя.

Поднялась еще одна девочка.

— Никто не может изменить судьбы, и любая попытка сделать это — высокомерие. Например, только высшему классу следует править обществом.

Шарлотта взглянула на бледную взволнованную девочку в конце комнаты. Спасенная из трущоб, она в штыки принимала все попытки обучить ее. Шарлотте пришлось напомнить себе, что Харриет была более воинственной ученицей. И часто сомневалась в том, что удастся привить строптивице хоть какие-то манеры.

— А ты что думаешь, Верити?

— О чем? — пожала плечами девочка.

— О судьбе.

— Думаю, я предпочла бы наблюдать, как леди Далримпл рисует грубые картинки, чем слушать эту чепуху. Для меня это пустая трата времени.

— Пустая трата времени пытаться научить тебя хоть чему-то, — пробормотала одна из девочек.

Шарлотта перевела дух.

— Почему этих богинь порой называют жестокими?

Верити встала и сделала насмешливый реверанс.

— Потому что эти богини заставляют девочек торчать в школе, в то время как они могли бы поохотиться за мальчиками.

— Что ты сказала? — уставилась на нее Шарлотта.

— Девочкам нравятся мальчики, а не книжки.

— Не обязательно, — повысила голос Шарлотта. — Хорошо воспитанная девочка ищет общества юных джентльменов только в сопровождении компаньонки.

— Тогда почему вас застали прошлой ночью в темноте с герцогом, если вы не охотились за ним?

Шарлотта закрыла книгу и покраснела — ей стало стыдно.

— Мы верим каждой сплетне, которую слышим? — Шарлотта подняла руку, предупреждая вопросы. Она сама сгорала от желания спросить, откуда ученицы узнали о прошлой ночи.

Она смотрела мимо девочек. С улицы донесся стук копыт, потом крик кучера, предупреждавший пешеходов, чтобы убирались с дороги. Это могло означать лишь одно — маркиз Седжкрофт послал карету и слуг, чтобы доставить Шарлотту на официальную встречу в его доме.

Парки не отсрочили решение ее судьбы.

Ее сошлют в провинцию? Вернут в фамильный дом к трем братьям?

Девочки принялись оживленно болтать. Раздался стук в дверь. Шарлотта не произносила ни слова, пока в комнату не влетела, как хищная птица, мисс Пеппертри, и следом за ней еще одна учительница.

— Мисс Эймс, отведите девочек наверх на несколько минут, — приказала мисс Пеппертри тоном французского генерала, принявшего командование армией.

— Девочки! Соберитесь, — постучала пальцами по книжке Шарлотта. — Я повторять не буду, умный услышит: завтра мы продолжим наши занятия греческой мифологией. Темой будет Арахна.

— Наши что? — перебила Верити с наглой улыбкой.

Шарлотта стиснула зубы.

— Арахна была знаменитой ткачихой, ее ковер разгневал Афины Палладу. — Шарлотта замолчала, на мгновение ей стало жаль себя. — Вам нужно пересказать судьбу Арахны своими словами. Это все.

Она вылетела из комнаты, мисс Дафна Пеппертри побежала за ней, оставив класс шептаться и пересмеиваться.

— Мисс Боскасл! — крикнула Дафна. — Мисс... О Господи! Шарлотта, ты от меня не убежишь! Вот уж не думала, что ты способна на подобное озорство.

Озорство! Шарлотта вздрогнула, представив себе Гидеона.

— Как ты узнала? Откуда узнали девочки? Я даже со своими родственниками не говорила.

Мисс Пеппертри загнала ее в столовую.

— Девочки знают.

— Я поняла, что они знают, но не понимаю, каким образом они узнали так быстро.

Мисс Пеппертри закрыла дверь, заперла замок и метнулась к окнам задвинуть шторы.

— Что ты делаешь? — спросила Шарлотта, уверенная, что слышит на улице шаги своей гибельной судьбы.

— Шш.. — Мисс Пеппертри приложила палец к губам и, подойдя к камину, потянулась к стоявшей на каминной полке вазе.

— Ты внезапно сделалась шпионом, или мы разыгрываем пантомиму? Потому что я...

Она замолчала, когда мисс Пеппертри повернулась и, схватив ее за руку, прошептала:

— Я положила кусочки сюда.

— Кусочки чего? Куда положила?

— В вазу, похожую на греческую урну. Вспомни, мы принесли ее в эту комнату, когда одна из девочек нашла в библиотеке книгу о практике кремации в древней Греции.

Шарлотта высвободила руку из хватки Дафны.

— Сомневаюсь, что у тебя была возможность засунуть кого-нибудь в эту вазу на вечный покой, и требую, чтобы ты прекратила эту чепуху.

— Бульварные газеты. Я их сожгла, как только они появились. Конечно, будут другие, и тебе придется мне помочь быстро обнаружить их.

Шарлотта потеряла висок.

— Лучше я велю принести чай, а ты пока сядь. Честно говоря, ты меня пугаешь.

— Вот и хорошо, что пугаю! — воскликнула мисс Пеппертри. Обе обернулись на властный стук в парадную дверь. — Ох! Этого не скроешь. Твой скандал уже в газетах. — Она подвинула к камину скамеечку для ног, приподняла голубую муслиновую юбку и потянулась к вазе.

Шарлотта бросилась вперед, намереваясь выхватить вазу из ее рук. Мисс Пеппертри спрыгнула на пол.

— Теперь ты поняла? Я оставила уцелевшие кусочки, чтобы ты посмотрела.

Шарлотта судорожно сглотнула, приготовившись к шоку, и всматривалась в пыльные глубины вазы. Она сморщила нос.

— Вся эта суматоха из-за...

— ...из-за герцога. — Сунув руку в вазу, Дафна вытащила бумагу, немилосердно изрезанную ножницами. — Прочитай. Только не вслух, пожалуйста.

Шарлотта с нарастающим волнением смотрела, как мисс Пеппертри выкладывает кусочки бумаги на столик. Конечно, было куда проще сохранить целый кусок, решила она, но мисс Пеппертри нравилась эта драма. Жизнь бедняжки, возможно, совсем лишена событий. И опосредованное удовольствие, которое она получала, сунув нос в чужие дела, слабая замена пустоте.

Но Шарлотта не в том положении, чтобы высказываться.

Ее воображение подсовывало картинки позора Дафны. Ведь они с помощницей друг другу под статью.

— Вот, — с победным видом прошептала мисс Пеппертри, отступив от стола.

Шарлотта слышала доносившийся из холла шум.

— Дафна, я знаю, что ты склонна преувеличивать. Как и я. Но скажи мне, это действительно ужасно?

— Да. На этом столе пепел твоей репутации.

Шарлотта взглянула на сложенные обрывки бумаги.

Жирный шрифт оглушил ее, как рожок извозчика. Оказалось, это подпись к карикатуре Джорджа Крукшенка[1 — Джордж Крукшенк (1792–1878) — английский иллюстратор и

карикатурист, ведущий мастер книжной иллюстрации и сатирико-политической карикатуры XIX века.]

«Главу академии поймали с любвеобильным герцогом! Один из самых распутных светских холостяков имел двух любовниц за одну ночь».

Охнув, Шарлотта опустилась в кресло, к горлу подступала дурнота.

— Хорошо, что я не видела картинки. Неудивительно, что девочки сегодня утром так возбуждены.

— Будет удивительно, если у нас вообще останутся ученицы, когда их родители узнают, чем запахло.

Шарлотта встревожилась.

— Большинство людей не верят этим презренным скандальным листкам.

Мисс Пеппертри, не выпуская из руки вазу, стребла обрывки бумаги и вернулась к камину, чтобы бросить обличающие улики на угли.

— Большинство людей, — прошептала она, — чувствуют, есть в слухах доля правды или нет.

— Возможно, люди потеряют интерес, если будет объявлено о помолвке.

По крайней мере она надеялась на это. У Гидеона наверняка другое мнение.

Мисс Пеппертри снова забралась на скамеечку, чтобы вернуть вазу на место.

— Очень в этом сомневаюсь. Думаю, скоро ты столкнешься с обратным. Герцог рангом лишь немного ниже принца, как ты понимаешь. Его помолвка и последующий брак поднимут такое волнение, что оно лишь немного затушет твой позор, пока он не умрет естественной смертью.

Волнение, которое Гидеон поднимет в ее сердце, если женится на ней, будет жить вечно.

— Ничего с этим не поделаешь, Дафна. Я себе постелила постель и теперь должна лечь в нее.

Мисс Пеппертри подбоченилась.

— Надеюсь, ты понимаешь, что не будешь в этой постели единственной.

— Полагаю, да, — произнесла Шарлотта. — Это жертва, которую мне придется принести.

— Мисс Боскасл, — сказал из-за двери дворецкий Огден. — Маркиз прислал за вами карету.

— Если бы я плохо тебя знала, то решила бы, что ты умышленно учинила этот скандал.

— Я этого не делала, — возразила Шарлотта.

Но она мечтала об этом.

Рано или поздно мисс Пеппертри, если не весь мир, узнает, насколько скандальны были ее грезы.

— Что будет с академией? — Мисс Пеппертри потянула Шарлотту к двери, потом в холл, где в тишине ждал дворецкий. — Я не смогу найти другое место. Леди Клипстоун меня даже в полумойки не возьмет, если в этом скандале есть хоть крупица правды.

— Еще не время покидать корабль.

— Возможно. — Глаза мисс Пеппертри за стеклами очков блестели от слез. — Но может быть, пора подхлестнуть себя и отделаться благополучно.

Глава 13

Гидеон приехал в Грейсон-Мэншн на Парк-лейн за три минуты до полудня на следующий день после пережитого позора. Всю ночь он сочинял речи, смягчающие ситуацию. Но оказалось, что собравшимся не до него, он прибыл в разгар семейного спора. Грейсон стоял в углу, как всегда, элегантно одетый. Хит сидел в кресле, а Дрейк и Девон вели словесную перепалку.

Устроившись в предложенном кресле, Гидеон откинулся на спинку и разглядывал лепного Юпитера на потолке.

— Подождем, пока эти малыши выговорятся и начнут вести себя прилично, — вздохнул Хит.

— Я признаю, — сказал стоявший у окна Девон, — что подтолкнул Гидеона поговорить с Шарлоттой на балу. Она выглядела такой одинокой и унылой. Это моя вина...

— Как обычно, — бросил, не открывая глаз, растянувшийся на софе Дрейк.

Девон запустил руку в волосы.

— Я не думал, что простая доброта приведет к такому.

— В том-то и проблема, — проворчал Дрейк и сложил ладони, словно возносил молитву. — Ты никогда не думаешь.

— И кто это меня критикует? — фыркнул Девон. — Человек, который годами пил так, что по утрам своего имени вспомнить не мог.

— Было дело, — с улыбкой признал Дрейк. — Мы ведь теперь стали старше?

— Ты, а не я, — парировал Девон. — Я до сих пор дитя.

— Именно так я и думаю.

Прислонившийся к стене широкоплечий мужчина выпрямился.

— Прекратите, вы оба! — крикнул он.

Дрейк улыбнулся Девону.

— Маркиз говорит. Давай помолчим.

Гидеон выжидательно поднял взгляд. Он был лишь поверхностно знаком с Грейсоном, но ситуация, как он понимал, скоро изменится. Как гласила молва, маркиз без особой радости стал патриархом лондонской ветви знаменитого скандалами семейства, когда его отец Ройден Боскасл умер. Грейсон слыл благородным, справедливым и добродушным.

Но с другой стороны, трудно судить о характере Грейсона, ведь Гидеон никогда прежде не совершал какой-нибудь неосторожности по отношению к его родственникам. Сегодня утром маркиз был отнюдь недобродушен. Без улыбки, с тяжелым взглядом, он выглядел столь же раздраженным и рассерженным, как и Гидеон.

Хит, однако, казался сердечным, когда высказывал свое мнение.

— Если мы будем ссориться как школьники, это никому не поможет. Почему не дать Гидеону возможность объяснить, что произошло?

— Девон попросил меня оказать ему любезность и подойти на балу к Шарлотте.

— Так это из любезности вы пригласили ее в свой дом? — нахмурился Грейсон.

Гидеон заколебался. Солгать в ее защиту, взяв на себя роль ловеласа? Нет, Шарлотта уже могла сказать правду. Да. Правда предпочтительнее, не важно, какую боль она может причинить.

— Она сама пришла в мой дом. — Он спрятал улыбку, вспомнив, в какой позе обнаружил Шарлотту в своей спальне. — Точнее, тайно проникла в поисках дневника. И залезла ко мне...

— Что?!

— В гардероб.

— Прежде всего скажи, зачем ты взял ее дневник? — спросил Девон. — Странный поступок, особенно для человека, который идет на встречу с любовницей.

«Какая любовница?» — подумал Гидеон. Габриэль уже на весь свет раззвонила, что она снова свободна и что он бессердечная свинья. Его экономка явно разделяла ее мнение и продемонстрировала это, подав ему на завтрак холодный кофе и черствый пирог.

— Я нашел дневник в своей карете после бала, — сказал он. — И думал, что могу уберечь собственность вашей кухни от попадания в чужие руки.

— Все это хорошо и прекрасно, — сказал Грейсон. — Но почему вас обоих застали в компрометирующей позе в темноте?

Гидеон слабо улыбнулся:

— Я сам хотел бы найти этому объяснение. Я действительно не могу дать вам никакого ответа. Одно привело к другому. Разве причина имеет значение?

— Нет, — покачал головой Хит, — если результатом будет свадьба. Такое возможно?

Гидеон позволил себе пропустить это мимо ушей.

— Я часто радовался хорошей дуэли. Но в этом случае стычка ничего не решит.

— Я надеялся, что вы скажете это, ваша светлость, — с видимым облегчением произнес Хит. — Я не имею желаний убивать вас.

— А я вас, — признал Гидеон.

Девон прочистил горло.

— А мне хочется его убить.

— Тебя никто не спрашивает, малыш, — сказал Дрейк.

— Детки, перестаньте ссориться, — сказал Хит.

Грейсон тяжело вздохнул:

— Эту проклятую свадьбу нужно устроить как можно скорее. Сплетни растут как грибы.

— Мне нужно специальное разрешение.

— Не согласен с тобой, Грейсон, — откинулся в кресле Хит. — Перед свадьбой должен быть короткий роман. Хотя бы недели две. Публичное ухаживание предотвратит скандал.

Обдумав предложение, Грейсон кивнул:

— Признаю, это настоящее искусство — ухаживать за молодой леди, которую никто не любит, и убедить мир в обратном.

— За две недели? — не скрывал своего скептицизма Гидеон.

— Да, — подтвердил Грейсон. — Человеку с вашим опытом не нужно объяснять, как действовать. Работа хоть и не простая, но не лишена награды.

Гидеон отвел взгляд.

— Этим вы предлагаете мне заняться во время скоропалительного романа?

— Вас застали с ней в темноте, Уинфилд, — сказал Дрейк. — Полагаю, вы способны оценить результат.

— Преследуй я ее так же безжалостно, как других женщин, она бы где-нибудь спряталась.

— Тогда вы выкурили бы ее из укрытия, — пожал плечами Грейсон. — Заставьте ее воспылать к вам чувством. Если вы собираетесь поступить благородно, это окажется весьма полезным. Надеюсь, вы сумеете хотя бы притвориться влюбленным.

— Любовь? — шевельнулся в кресле Гидеон. — Вам следовало быть откровеннее в своем совете.

— Не искушай его, — широко улыбнулся Дрейк.

Грейсон взглянул на Гидеона:

— Если вы собираетесь жениться, могли бы воспользоваться ситуацией.

— Публично или приватно?

— Вам решать, пока вы на дороге к алтарю. Краткое объявление немедленно появится в газетах. Официальное празднование может подождать.

— Вам чертовски повезло, что вас не застали ее братья, — рассмеялся Дрейк.

— Все это теперь не имеет значения, — великодушно произнес Грейсон. — Уинфилд поступает благородно. — Он хмуро посмотрел на Гидеона. — Со всей искренностью скажу, что сочувствую вам, поскольку вы угодили в эту заваруху, и восхищен вашим решением.

— Но ущерб нанесен. Хотя я и не заманивал Шарлотту в свой дом. И могу чем угодно поклясться, что был изумлен, когда она призналась, что пробралась в мой дом искать пропавший дневник. То, что произошло потом, невозможно объяснить.

— Печальнее всего то, что я верю каждому вашему слову. — Дрейк пристально смотрел на него. — Но в защиту Шарлотты должен добавить, что до этой выходки она не создавала семье проблем.

— Это лишь вопрос времени, — пожал плечами Дрейк. — Она не могла оставаться невинной вечно.

— Уверен, что она до сих пор невинна, — нахмурившись, сказал Гидеон. — А вот ее дневник — нет. То, что я прочел... весьма пылко. Нам следует позаботиться о том, чтобы он не попал в другие руки.

— Его нужно найти, — согласился Хит. — Вы уверены, что оставили его в своей карете?

— Да. Мой кучер и слуги все вверх дном перевернули, но безрезультатно.

Девон прислонился к подоконнику.

— Что такого могла написать Шарлотта, что кто-то потрудился украсть дневник?

Хит взял перо со стола Грейсона.

— У меня такое ощущение, что сначала надо найти дневник, а потом задавать вопросы. Я скажу сэру Дэниелу Мэллори, чтобы начал поиски. — Он поднялся и протянул руку Гидеону. — А пока позвольте пригласить вас в семью. И да будет Господь милосерден к вашей отважной душе.

Гидеон рассмеялся.

Соглашение было достигнуто, и древняя машина пришла в движение. Грейсона будет принимать окружение Гидеона, и наоборот. Два дома, которые могли закончить враждой, соединились. Связь была установлена без единого возражения.

Глава 14

Дамы собрались вокруг Шарлотты в просторной спальне Джейн. Маркиза руководила

встречей, на которой присутствовали Джулия — жена Хита, супруга Девона Джоселин и Элоиза, которая была гувернанткой, пока Дрейк не влюбил ее в себя. Была здесь и Хлоя, урожденная Боскасл и унаследовавшая фамильный характер, поэтому в свое время никого в семье не шокировало, что она укрывала возлюбленного в кладовой, когда он охотился за убийцей.

— Кого не хватает? — Джейн с бутылкой шампанского в руках стояла среди разнообразной обуви.

Пробираясь среди разбросанных по полу элегантных туфель, Джулия направилась к Джейн, чтобы снова наполнить бокал.

— Элинор и Себастьян в Шотландии. Алетея и Гейбриел никогда не покидают провинции и не расстаются друг с другом. Эмма и Эйдриан отправятся в дорогу, как только узнают новости. Я кого-то еще забыла...

— Где Харриет? — Джейн наполнила бокал Джулии, не пролив ни единой капли.

Хлоя отвернулась от зеркала, у которого взбивала подстриженные черные кудри.

— Она сказала Уиду, что найдет дневник Шарлотты во что бы то ни стало.

— Не нравится мне это, — заметила Джейн.

— А мне нравится, — улыбнулась Хлоя. — Жалею, что она не пригласила меня поучаствовать в приключении.

— Приключение, — нахмурилась Джейн, — это лишь одна сторона ситуации.

— Как я могла допустить, чтобы это случилось? — прошептала Шарлотта.

Она съежилась в голубом бархатном кресле у секретера Джейн. Уронив голову на руку, она являла собой классическую картину страдания, но понимание вызывала только у Джоселин, которая, ожидая второго ребенка, была склонна сочувствовать всем.

— Нет смысла рыдать над чернилами, — рассудительно произнесла Джейн. — Мы должны видеть в этом благословение. Грейсон убедит Гидеона, какой замечательной женой ты будешь, и делу конец.

Подняв голову, Шарлотта скептически взглянула на маркизу:

— Благословение? Или ты слишком много шампанского выпила, или я мало. Герцог до конца жизни будет на меня обижен. Он был моей мечтой. А я стану его кошмаром.

— Но если уж тебе довелось попасться, то по крайней мере с герцогом. — Джулия наклонилась подсунуть подушку под ноги Джоселин. — Кроме того, тебе рано или поздно пришлось бы покинуть академию.

— Почему? — мрачно спросила Шарлотта, снова уронив голову на руку. — Почему я это писала? Почему я не следовала собственным советам? Сколько раз я предупреждала девочек не доверять бумаге порочных мыслей!

— Доминик читал мой дневник, когда его застали в моей спальне, — задумчиво произнесла Хлоя. — Его, насколько я помню, дневник тоже разозлил. Доминик дразнил меня. А потом соблазнил. Или я его. Мы поженились, и наши прежние грехи по отношению друг к другу померкли.

— Но у тебя по крайней мере был выбор. — Джулия расхаживала перед окном, как юрист в суде.

— Нет, — возразила Хлоя. — Доминик грозил мне всяческими карами, если я откажусь от него. Он упрямый и отчаянный, если помнишь. Он изматывал меня, пока я не согласилась.

— Но он тебя обожает. — Джейн заботливо посмотрела на Джоселин. — Тебе удобно?

Ты так сидишь, что похожа на свернувшегося ежика, я вижу только твой нос и клубок коричневой тафты.

— Девон родился очень крупным, — с намеком сказала Хлоя.

— Он и сейчас такой. — Джоселин выпрямила ноги с такой улыбкой, что все разговоры на полминуты стихли.

— Я ценю все ваши доводы и старания, — сказала Шарлотта. — Я даже ценю усилия Харриет, несмотря на тот факт, что ее небрежность вкупе с моей вольностью привели к этому несчастью. И...

Она замолчала, ее отвлек вид Джейн, которая разглядывала горлышко пустой бутылки.

— И что? — подгоняла ее Джейн, взмахнув столь же пустым бокалом.

— И... Ох, вы не понимаете. У вас были совершенно другие ситуации.

Джоселин, потрепыхавшись в кресле, оставила попытки сесть прямо.

— Если это как-то утешит, Шарлотта, скажу, что Девон женился на мне не по доброй воле.

— Я это знаю, — ответила Шарлотта. — Но кому-нибудь из присутствующих пришлось ждать решения мужчины, который оказался между дуэлью и браком? Подумайте об этом. Он вынужден выбирать между смертью и мной.

В комнате воцарилось неловкое молчание, потом все взгляды обратились к той единственной, которая обычно не рисковала высказываться. Элоиза, как бывшая гувернантка, хорошо знала, что лучше держать свое мнение при себе.

— А ты лично хочешь, чтобы этот брак состоялся, Шарлотта? — спросила она.

— Не стану лгать, — вздохнула Шарлотта. — Я...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Раздался властный стук, и все взгляды устремились на дверь. Шарлотта скрестила пальцы. И, затаив дыхание, надеялась...

Джейн пошла открыть дверь. В холле стоял ее муж Грейсон.

— Он согласился на наши условия... Джейн, почему у тебя в руках пустая бутылка в такое время дня?

Шарлотта чувствовала себя тающей на солнце снежинкой. Он согласился!

— Согласился на условия? — фыркнула Джейн. — Ты говоришь так, будто они две воюющие нации. — Вручив Грейсону пустую бутылку, она с улыбкой оглянулась на Шарлотту. — Давайте спустимся вниз и выпьем за счастливую пару.

Парки решили дело в пользу Шарлотты. Она выйдет за мужчину, которого желала с того момента, как впервые увидела. Когда Гидеон сегодня подъехал к дому Грейсона, Шарлотта сдержала порыв броситься вниз поприветствовать его и наблюдала его появление из окна спальни Джейн с тем же трепетом, что и слуги внизу. Она уже выдала, что сражена им. И если ей выпало стать причиной гибели его беззаботной жизни, нужно максимально использовать ситуацию и держаться с уверенностью.

Увы, вся ее решимость развеялась как дым, когда она спустилась с вежливым безразличием на лице и герцог повернулся к ней.

Не потребовалось никакого усилия, чтобы воздействовать на ее самообладание. Ни единого слова. Ни жеста. Обещание возмездия в его глазах, в изгибе губ уничтожило ее. Но она не сломается, когда половина слуг в доме смотрит на нее. Она...

— Что-то не так?

Глубокий голос, в котором сквозила насмешка, оторвал ее от размышлений. В этот миг

Шарлотта поняла, что все в ее жизни переменится. Какое-то время она дурачила себя мыслями, что сможет манипулировать этим мужчиной с помощью своего пера. Теперь властный герцог казался ей грозным духом, который реял над ней, поджидая момент слабости, чтобы воспользоваться преимуществом. Если не считать того, что на самом деле это она заманила его в ловушку.

Шарлотта тряхнула головой. И поймала его задумчивый взгляд.

— Я в порядке, — сказала она, жалея, что не властна над собой и тает от жара в его глазах. — А вы...

— Я предстал перед судом инквизиции.

— Теперь моя очередь.

— Уверен, вы это переживете.

— Как любезно с вашей стороны желать добра своей погубительнице.

— У меня много желаний, — сказал герцог и подал ей руку с мрачной улыбкой, напомнившей, что хоть он и согласился на брак, но отнюдь не намерен быть любезным.

В гостиной, где маленькая компания собралась отметить вынужденное событие, вдоль стен стояли римские статуи. Гидеон решил, что на первый взгляд Шарлотту можно спутать с холодным мрамором. К счастью, после минувшей ночи он знал, что может пробудить ее к жизни. В этом браке найдутся радости. Он наблюдал, как она подносит к губам бокал шампанского. Ее рот создан для поцелуев.

Она перехватила его взгляд и улыбнулась. В его крови вспыхнули знакомые инстинкты, вспыхнули прежде, чем Гидеон отвернулся, чтобы собраться с мыслями. Завоевание. Обладание. Но к этим желаниям, не требующим объяснения, примешивалось иное чувство. Он на миг задумался, пытаясь определить, что это.

Волнение от брошенного судьбой вызова? Повернувшись к Шарлотте, Гидеон почувствовал укол любопытства.

— Не могу гарантировать, что, став моей женой, вы обретете любовь и счастье, поскольку не знаю, способен ли я дать это.

— Не могу ожидать, что вы меня полюбите... — Ее голос дрогнул.

— Это означает, что мне не следует ждать того же от вас?

— Я этого не сказала, ваша светлость.

Гидеон заколебался. Они с Шарлоттой стояли в стороне от остальных: насколько он понимал, это умысел ее семьи, с целью подтолкнуть их друг к другу.

— Я предупреждаю вас, только и всего, — сказал он. — В реальности я могу не соответствовать вашим ожиданиям. Некоторые леди ищут моего общества. Другие шарахаются и клянутся, что я дьявольское отродье.

— Да, — ответила Шарлотта. — Я могу их понять. Я надеюсь найти компромисс в вашем характере.

Гидеон наклонился к ней.

— А я надеюсь скоро переспать с вами. По моему опыту, секс — отличная прелюдия к союзу.

— Как глубокомысленно! — произнесла она.

Он отстранился, обрадованный проявлением ее пыла. Сейчас она больше походила на несдержанную леди, написавшую о нем чувственную ложь.

— Пока я вынужден вести себя пристойно.

Ее глаза блеснули.

— Это мудро, особенно если вы собираетесь стать членом нашей семьи.

— А вы — членом моей.

Они разошлись, когда к ним направился маркиз.

По крайней мере, размышлял Гидеон, если не прошлой ночью, то сегодня днем он действовал с честью. Шарлотта, похоже, открыла, что он сам решился на брак. Он мог дать ей свое имя. Мог предложить удовольствия. Если она ждет большего, то со временем узнает, что прошлое украло у него способность надеяться. Он не видел смысла строить планы, которые, как он знал из печального опыта, могут никогда не исполниться.

Шарлотта вздохнула, когда Гидеон, откланявшись, уехал. Он согласился жениться на ней, но она должна смотреть правде в глаза. Помолвка не переполняет его энтузиазмом. Он принял это решение из-за чести, а не из-за любви. Шарлотта бродила по комнате и вдруг остановилась перед Джейн.

— Шарлотта, — сказала та. — Он вернется.

— А если он сбежит?

— Мы погонимся за ним.

Она не видела в лице Джейн ни следа жалости, только сильную волю женщины, которая укротила зверя и заставила его поклоняться себе.

— Он твой, — сказала Джейн. — Ты ведь хочешь его? Для меня это очевидно.

— Да. Но я хочу, чтобы он... пылал ко мне так же, как я к нему.

Улыбка Джейн свидетельствовала о том, что она все понимает.

— Тогда будь «огонь с огнем».

— Это из Шекспира[2 — У. Шекспир «Король Иоанн» (акт V, сцена I, пер. Н. Рыковой)]. — Шарлотта чувствовала странное утешение. — Конечно. Я не забуду эти слова.

— Пусти их в дело, — шепнула Джейн, потом взглянула на подходившего с поклоном Уида.

— Хозяин хочет, чтобы мисс Боскасл пришла к нему в кабинет для конфиденциальной беседы, — понизив голос, произнес он.

— Нотация, — сказала Джейн. — Это неизбежно. Держись, Шарлотта. Грейсон больше рычит, чем кусается.

Глава 15

Шарлотта подготовилась к долгой нравоучительной лекции. У Грейсона вечно полно забот о родственниках, знаменитых своими любовными скандалами. Но ее никогда прежде не вызывали пред его очи.

— Садись, Шарлотта. — Он проводил ее к креслу. — Прежде всего поздравляю с предстоящим бракосочетанием.

— Грейсон, мне стыдно...

— Все произошло в обычном стиле Боскаслов, — отмахнулся он от ее извинений. — Ты намерена выйти за Уинфилда?

Намерена?!

— Больше, чем могу выразить.

— Он человек светских привычек, — нахмурился Грейсон.

— Да.

— А ты... — он покачал головой, — не столь искушенная. Ты понимаешь, что я пытаюсь сказать?

Она кивнула. Грейсон предупреждает, что она свалилась в опасный колодец... А она надеялась увидеть на дне Гидеона, который подхватит ее.

Грейсон присмотрелся к ней.

— Должен признать, ты замечательно держишься. Впрочем, у тебя нет выбора, не так ли? Следующая наша проблема — это найти твой дневник. Зная тебя, сомневаюсь, что в нем есть что-то такое, что может вызвать тревогу.

Шарлотта съежилась в кресле.

— Боюсь, что есть.

— А именно?

— Личные переживания.

— Можешь привести хоть один пример? — поднял бровь Грейсон.

— Нет.

Он поднялся и озабоченно нахмурился:

— Кажется, говорили, что ты пишешь историю семьи.

— Я писала. А потом... я... я... Во всяком случае, я никогда не предназначала это для чужих глаз.

— Что это значит? — встревожился Грейсон.

— Я... боюсь, на страницах дневника я открыла свои тайные желания.

— О Господи!

Он пересек комнату и дернул шнурок колокольчика.

— Спасибо, что сказала правду. Я справлюсь с этим как должно. Я в таких делах не эксперт, как Джейн, но полагаю, ты потратишь свободное время на покупку приданого и подготовку к свадьбе, вместо того чтобы изливать свои чувства. Хроники — это прекрасно, но некоторые тайны должны остаться похороненными.

— Грейсон...

— Шарлотта, помни, что тебе предстоит занять место в высшем свете. Исправляй свои ошибки не извинениями, а поступками.

— Спасибо, Грейсон.

— Вскоре Гидеон станет одним из нас. О помолвке будет объявлено в вечерних газетах с примечанием, что официальный праздничный прием по поводу этого события состоится позднее.

Она скрыла улыбку. Мало кто посмотрит на этот союз глазами Грейсона. Мужчины из рода Боскаслов привыкли брать верх над любыми ситуациями.

— И еще одно, Шарлотта. Сэр Дэниел Мэллори ждет в приемной, чтобы задать тебе несколько вопросов о дневнике. Он у меня на службе. Я бы посоветовал тебе быть более... Хоть мне и не хочется этого говорить, но думаю, тебе следует быть с ним более откровенной, чем ты была со мной. Детали могут оказаться полезными в поисках пропавшего дневника.

Сэр Дэниел Мэллори вздохнул. Разговор смущал и его, и мисс Боскасл. Возможно, он плохо с этим справился. Наверное, он был бесцеремонен с благородной леди с ее

утонченной чувствительностью.

— Вы можете описать эту книжку, мисс Боскасл? — снова спросил он, готовый записать обычные данные.

— Конечно.

Наступило молчание.

Он повел пером.

— И содержание?

Она судорожно сглотнула и повернулась к окну.

— Мне следовало бы подумать, что его содержание может стать яввю, тогда всей этой неразберихи не было бы.

— Мисс Боскасл, в мире бесчисленное количество книг, и если я должен найти этот дневник, то вам надлежит дать мне честное описание...

Он замолчал. Она, казалось, увлеченно следила за мальчишкой на улице, который катил обруч за повозкой. Затем повернулась к нему, избегая его взгляда.

— В моих записях есть эротические эпизоды, — прошептала она так тихо, что ему пришлось напрячь слух.

Наверное, он все-таки не расслышал. Этого не может быть. Не «эротические». Должно быть, она сказала «экзотические». Или «эгоистические»...

— Простите. Я не расслышал. Вы сказали...

— Эротические. — Повернув голову, она посмотрела ему в глаза. — Да, именно это я и сказала. Уверена, что мне не нужно объяснять значение этого слова человеку вашей профессии.

Сэр Дэниел смотрел в ее голубые глаза. Он думал, что хорошо разбирается в людях. Она казалась скромной и сдержанной.

— Это правда, — сказал он самым безразличным тоном, на какой только был способен, — я исследовал многие аспекты поро... я хотел сказать, жизни. Но это не сделало меня экспертом в эротическом искусстве.

— И меня тоже, сэр, — выпалила она. — В неприятное положение меня загнали фантазии и неосторожные желания, а не практический опыт.

— Ясно. — Но он ничего не понимал. — Я пытаюсь понять. Вы вели дневник, в котором делали записи сексуального содержания?

— Вам придется точно сказать, что вы имеете в виду, чтобы я могла ответить на ваш вопрос.

Он бы сказал, черт побери. Только не молодой школьной учительнице, которая, похоже, никогда не повышала голоса и писала... что-то эротическое в своем дневнике.

— При всем уважении к вам, мисс Боскасл, я не совсем понимаю, что вы мне говорите.

— Ох, это действительно имеет значение?

— Если говорить честно...

— Другого я от вас не жду, кроме того, мы вынуждены быть честными и доверять друг другу.

— Да, совершенно верно. Есть в дневнике что-то, обвиняющее конкретных персон?

— Придется тюрьму построить, если можно обвинять за любовные деяния.

— При определенных обстоятельствах можно. Не собираюсь быть невежливым, но позволю себе сказать, что ваше семейство, вероятно, можно обвинить в больших проступках, чем вы можете сочинить.

— Возможно. — Она сложила руки на коленях, ее взгляд был полон раскаяния. — Но они никогда не были так живо описаны.

Он шумно выдохнул.

— Если только вы не оклеветали в своих писаниях герцогиню Веллингтон, например, или...

— Герцога Уинфилда, — мрачно кивнула она.

— В самом деле? — усмехнулся сэр Дэниел. — Я уверен, что он привык быть темой пересудов.

Шарлотта молчала.

— Хорошо. А теперь описание самого дневника...

Потянувшись за кресло, Шарлотта вытащила красивую книгу в кожаном переплете и с золотым обрезом.

— Надеюсь, она пуста? По крайней мере пока.

— Навечно, — вздохнула Шарлотта.

Сэр Дэниел покинул дом на Парк-лейн с пустым дневником и с огромным куском ветчины, который маркиза велела передать его экономке.

— Она сделает вкусные бутерброды вам и детям. У вас измученный вид, сэр Дэниел.

— Извините, мадам.

Маркиза Седжкрофт понизила голос:

— Вы сможете найти дневник?

— Возможно, мадам. Проблема в том, чтобы выследить его раньше, чем публика узнает о его пропаже.

Шарлотта вернулась в академию и остаток дня провела словно в тумане, занимаясь рутинными делами. Судя по лукавым улыбкам, девочкам уже известны новости о ее помолвке, и мисс Пеппертри наверняка предупредила их, что это не тема для обсуждения.

Но во время общего чаепития, когда Шарлотта получила записку от Грейсона, извещавшую о том, что он, Джейн и Гидеон приглашают ее сегодня вечером в театр, разразилась анархия.

— Театр? — вслух сказала она, с запиской в одной руке и чашкой в другой. — Это будет мое первое появление на публике в качестве нареченной герцога, а мне нечего надеть. Придется отказаться.

— Вы не можете отказаться, — сказала мисс Пеппертри. — Это неприлично.

— Но это так неожиданно, — возразила Шарлотта.

— Как и ваша помолвка, — поджала губы мисс Пеппертри.

— Но я не могу появиться в театре одетая как...

— ...учительница? — договорила мисс Пеппертри.

— Наденьте платье, в котором вы были на балу, мисс Боскасл, — предложила одна из девочек.

— Но я не могу второй раз на этой неделе появиться в том же платье.

— Герцог не заметит, — сказала девочка с такой уверенностью, которую Шарлотта хотела бы разделить.

Поставив чашку, Шарлотта покусывала губы. Герцог заметит. Он определенно помнит платье.

— У меня есть платье, оно мне длинно, и лиф у него очень смелый, — сказала Люси

Мартаут.

Шарлотта прикусила нижнюю губу.

— Это не то платье, в котором я запретила тебе выходить из комнаты?

— Оно, — поднялась из-за стола Люси. — Мы постараемся, чтобы вы выглядели как королева, мисс Боскасл.

— Герцогини будет вполне достаточно, — заметила мисс Пеппертри.

— И это совершенно правильно, девочки, — сказала Шарлотта. — Мне не следует выглядеть слишком нарядной.

Следующее заявление мисс Пеппертри изумило Шарлотту, но всех остальных привело в восторг.

— Однако леди не должна пренебрегать последней модой. Будущая герцогиня должна выглядеть стильно.

Шарлотта с благодарностью посмотрела на нее. Как сможет она покинуть эту тихую гавань рафинированности?

— Мисс...

— Вам нужно надеть корсет получше, — заявила Верити, отличавшаяся грубоватой прямолинейностью. — Ничто джентльмены так не любят, как пару тугих барабанчиков.

— Верити Крессуэлл, — в отчаянии повернулась к ней Шарлотта, — тебе за это надо рот уксусом полоскать.

Мисс Пеппертри хмыкнула и вытащила из кармана носовой платок.

— Почему? Это горестная правда, и она справедлива с начала времен. Так что обрученной женщине не надо прятать ни свою грудь, ни свой внутренний свет.

Свет? Три часа до прибытия кареты Гидеона, вся академия, сговорившись, стремилась зажечь в Шарлотте внутренний огонь уверенности. Расчесывали, взбивали и закалывали волосы так, что они свободными локонами падали на плечи. Задрапировали изгибы тела в мерцающий розовый шелк. Она чувствовала себя элегантной, когда лакей Ранкин проводил ее из дома.

Гидеон стоял спиной к ней, положив руку на дверцу кареты. Он потрясающе выглядел в черном цилиндре и вечернем фраке. Но они совсем разные. И они фактически незнакомцы, которые скоро будут принуждены к близости.

Он повернулся и нетерпеливо хмурился, пока она не попала под свет фонаря. Его темные глаза прошли по всем деталям ее внешности. Шарлотта не могла решить — то ли он приятно удивлен, то ли ему не понравилось, то ли что-то еще. Но его задумчивый взгляд приковал ее к месту. Она задавалась вопросом, не будут ли они стоять так вечно, охваченные колебаниями, пока в окне не появилась мисс Пеппертри с девочками, чтобы поглазеть на них.

— Шарлотта. — Он подал ей руку. Оба не обращали внимания на зрителей в окне.

«Огонь с огнем».

— Шарлотта, — донесся из кареты веселый голос Джейн, и очарование момента лопнуло как натянутая нить. — Ты сегодня ослепительна. Правда, Гидеон?

— Да. — Он чуть сильнее сжал ее руку. И, посадив в карету, добавил: — У меня с собой накидка. — Возможно, следует одолжить ее сегодня вам.

— Это способ сказать, что вы не одобряете мое платье?

— Вовсе нет. Это способ сообщить, что я не собираюсь делиться со всем Лондоном тем, что лично мне стоило так дорого.

Шарлотта стояла неподвижно, пока он надевал накидку на ее голые плечи.

— У меня с собой шаль. Ваша накидка не очень подходит к моему платью.

— Мы тоже друг другу не подходим. — Он снова подал ей руку. — Но все-таки женимся. И на случай если я недостаточно ясно выразился, добавлю: я согласен с Джейн, вы сегодня выглядите фаса вицей.

Глава 16

Ухаживание началось. Как и ожидалось, появление в театре герцога с нареченной в обществе знаменитого маркиза и его жены прекратило разговоры. Все головы повернулись к ним. Всем своим существом Шарлотта испытывала перед Гидеоном такой же благоговейный трепет, как и публика.

Она понятия не имела, какую будут играть пьесу. Ее это не волновало. Она не могла сосредоточиться на сцене, когда рядом сидел Гидеон, такой красивый и элегантный. Он положил ладонь на ее руку, и Шарлотта не знала, то ли это амурный жест, то ли Гидеон демонстративно сделал это для Грейсона.

В любом случае ее радовало прикосновение Гидеона, и она жалела, что не знает способа отплатить ему тем же.

В антракте Грейсон и Джейн отправились в ложу друзей. Шарлотта ждала, что Гидеон уберет руку. Вместо этого он повернулся и обнял ее. Его руки сомкнулись между ее лопатками, прижимая к твердой груди. Его рот опустился к ее губам.

Это был глубокий страстный поцелуй. Суровая насмешка над всеми ее чувствами. Герцог отстранился, лишь когда у нее перехватило дыхание. Внутренний голос предупреждал ее, что, возможно, это игра. Но она-то не играла. Уинфилд зажег в ней тлеющую боль чувственности, которая заставляла Шарлотту сознавать свою уязвимость всякий раз, когда он оказывался рядом.

— Вы оделись, чтобы доставить мне удовольствие? — прошептал Гидеон. Его глаза потемнели.

— Кому же еще?

Он наклонился мимолетно коснуться ее губ. Его рот жег ее как сладкий огонь. Шарлотта закрыла глаза, потерянная, закипавшая от наслаждения.

— Скоро вы будете раздеваться, чтобы доставить мне удовольствие.

— Но не в театральной ложе... — Шарлотта мгновенно открыла глаза.

Подняв голову, Гидеон отпустил ее и небрежно устроился в кресле за миг до того, как вернулись Джейн и Грейсон. «Он слишком опытен», — думала Шарлотта, краем глаза поглядывая на него. В его влекущей элегантной повадке не было и намека на то, что мгновение назад он целовал ее. Он казался отстраненным от своего окружения, если не от всего вообще.

Конечно, невозможно полностью обмануть леди с таким чутьем, как у Джейн. Усевшись, она посмотрела на сцену и спросила:

— Мы много пропустили, пока отсутствовали?

Шарлотте пойти бы по стопам Гидеона с его огромным опытом и дать уклончивый ответ.

Но вместо того чтобы следовать его примеру, она выдала себя, затараторив:

— Нет-нет. Занавес еще закрыт. Мы не слышали сигнала. Наверное, персонал просит молодых людей из публики вернуться в зал, так что не думаю, что вы что-то пропустили.

Джейн повернулась к ней с ангельской улыбкой:

— Я говорю не о сцене, дорогая.

— Ох.

После этого Шарлотта даже притвориться не могла, что сосредоточилась на спектакле. Даже если бы на сцене вместо актеров появились дрессированные обезьянки, она бы не заметила. Она хотела, чтобы этот вечер продолжался вечно. Но наконец занавес опустился. Гидеон поднялся, на миг окутав ее смущающим теплом своей тени.

У ложи стояла небольшая толпа, друзья приветствовали Гидеона и Грейсона, другие оттеснили Джейн к лестнице. Шарлотта почувствовала, как чья-то рука тяжело легла ей на плечо. Мужской голос произнес ее имя. Она повернулась в толчее, запах дегтя, опилок, духов ошеломлял. Помолвлены они или нет, но она посоветовала бы Гидеону приберечь нежные жесты до того времени, когда они останутся наедине.

А он тянул ее к себе с такой решительностью, что Шарлотту так и подмывало как следует стукнуть его веером. Но оказывается, Гидеон в углу фойе увлекся разговором с Грейсоном и тремя джентльменами. Она подняла глаза и увидела улыбающееся лицо, которое в свое время изо всех сил старалась забыть.

— Шарлотта, я тебя едва узнал. — Глаза Филиппа Морленда блестели от волнения. — Мы прибыли в Лондон несколько часов назад, и я умирал от желания увидеть тебя. Я знал, что следовало подождать, пока пьеса кончится, но не мог. И не стал бы. Мы с Калебом приехали вместе.

Она повернулась, сопротивляясь болезненной хватке Филиппа. Рядом стоял Калеб, ее средний брат. Где Гидеон? Куда он ушел? Она оглядывала фойе в поисках герцога или любого, кто пришел бы ей на помощь.

— Шарлотта? — рассмеялся Филипп. — Почему ты молчишь? Я надеялся тебя удивить, а не напугать. Что это за чепуху болтает старая дева в твоей школе про твою помолвку с герцогом?

— Это правда.

— Нет.

— Да. Отпусти мою руку.

— И не подумаю. Я тебя однажды потерял. Этого больше не случится.

— Я еще раз предупреждаю. Отпусти меня.

Филипп сжал ее крепче.

Шарлотта подняла свободную руку. Он проследил за ней взглядом. Веер резко опустился.

— О Господи! — воскликнул Филипп, подняв руку, то ли чтобы защититься от нового удара, то ли проверить, не появилась ли на лбу шишка. — У меня наутро синяк будет. Как я его объясню?

— Возможно, стоило об этом подумать прежде, чем ты напал на меня.

— Напал? — прищурился он. — Лондон изменил тебя, Шарлотта, и не в лучшую сторону. Буду рад забрать тебя обратно, туда, где тебе место.

Шарлотта отпрянула. Где ей место? Она знала, где ее место. Оно здесь, с Гидеоном, а не с этим навязчивым претендентом из ее прошлого. Оказавшись в Лондоне, она, может быть, и тосковала по семье, по своему дому в провинции. Но она не скучала по Филиппу. И

не собирается позволить ему забрать ее у герцога.

Сэр Дэниел Мэллори частенько в одиночестве бродил по ночам без всякой цели. Сегодня он направлялся в самый эксклюзивный бордель Лондона. По делу. Стычка с хозяйкой была неизбежна. В прошлом году во время расследования одного дела у них возникла любовная связь. Нынче они встречались нечасто и всякий раз сталкивались, словно грозовые тучи.

Он вздохнул, перебирая в уме разговор с мисс Шарлоттой Боскасл. Она своим признанием выбила его из колеи.

Боскаслы хорошо платят за работу, это дало ему возможность проводить время с племянником и племянницей, которых он взял в дом после того, как убили его сестру.

Найти дневник — это не вершина его профессии, хотя он понимал, почему семья так переполошилась. Но поиски означают, что придется опрашивать свидетельницу, в чьем сердце кипит ненависть к нему.

Гидеон выпрямился. Возможно, ему просто показалось, что какой-то мужчина докучает Шарлотте в углу театрального фойе. Что этот шутник себе думает? Кто смеет лапать леди на публике? Гм, сам он это сделал, но это совсем другое. Женщину, которая бы избегала его внимания, когда он настроился соблазнить ее, еще надо поискать.

— Извините, джентльмены, — на полуслове оборвал он разговор. — Надвигаются неприятности, и я намерен их предотвратить.

Гидеон бесцеремонно протискивался сквозь толпу, не обращая внимания на шепот за спиной, пока не подошел к мужчине, которого Шарлотта только что стукнула веером.

Глава 17

Одри Уотсон сидела одна в гостиной наверху, где обычно принимала избранных гостей.

Она руководила элегантным, но хорошо охраняемым сералем. Любопытных, пробиравшихся в дом в надежде своими глазами увидеть знаменитое падение нравов, от крыши до погреба поджидали тайные ловушки. Но тем гостям, кто платил за визит, приватность была гарантирована.

Многие студенты университета считали, что риск попасться стоит шанса познакомиться со знаменитой миссис Уотсон. Случалось, она даже приглашала одного-двух отважных нарушителей составить ей компанию.

Естественно, у нее были любимые гости. Боскаслы имели право входа на любой вечер, ее симпатия к этому семейству не имела ничего общего с сексуальными предпочтениями и объяснялась исключительно дружбой.

И все-таки напрасно семья наняла сэра Дэниела Мэллори своим частным агентом и телохранителем.

Было уже далеко за полночь, дом оживал. Ее уже проинформировали, что сэр Дэниел прибыл поговорить с ней. Она ждала, пока слуга проводит к ней нежданного визитера. Ее Немезиду, как насмешливо она называла сэра Дэниела. Он бросал вызов всем аспектам ее необычной жизни всякий раз, когда ему представлялась такая возможность. Со времен их короткой связи он, похоже, взял на себя роль ее персонального полицейского, о чем его

никто не просил.

Ее сердце, казалось, билось в такт его шагам по ковру. Одри видела, что он с презрением ждет, пока она заметит его присутствие. С провокационной улыбкой она посмотрела мимо него на своего охранника.

— Можете идти. Не думаю, что наш герой столицы причинит мне какой-нибудь вред. Не так ли, сэр Дэниел?

— Не больше, чем вы его сами себе причиняете, — сухо улыбнулся он и указал на кресло напротив нее: — Позвольте?

— Пожалуйста.

Поскольку она не отказывала себе ни в каких удовольствиях, миссис Уотсон открыто разглядывала его. Великолепное лицо. Вовсе не красивое, с упрямым подбородком и выступающими скулами, оно, возможно, вылеплено слезами, оброненными над грехами мира, который сэр Дэниел не мог спасти.

Потом она почувствовала в его глазах осуждение, которое он когда-то маскировал, и, защищаясь, оцетинилась.

— Чего вы от меня хотите?

— Приличной жизни. Но мы оба знаем, что это невозможно.

— Пока будут существовать такие люди, как вы, чтобы выдвигать обвинения. Почему вы не сняли плащ? Как всегда, боитесь искушения?

Сжав губы, сэр Дэниел вертел в руках шляпу.

— Я пришел не для того, чтобы ссориться.

— Ради удовольствия?

— Семья, которую мы оба уважаем, попросила меня помочь в поисках личного дневника, который исчез ночью. Последний раз он был в руках герцога Уинфилда.

Одри уставилась на него:

— Единственное правило, которое я неукоснительно соблюдаю, заключается в том, что все тайны в этом доме в безопасности.

Именно поэтому у нее была верная клиентура, состоявшая из политиков и сановников, обедневших поэтов и процветающих лордов.

Он выругался сквозь зубы.

— Я знаю, что Уинфилд был здесь. Я бы хотел поговорить с женщиной, с которой он встречался. Насколько я знаю, ее зовут Габриэль.

Одри поднялась.

— В таком случае, сэр Дэниел, вам нужно договориться о встрече. Но уверяю вас, что дневника в доме нет.

Он встал и шагнул вперед, преградив ей дорогу.

— Черт побери, я вас сломаю, Одри.

— Ценой, за которую я угождаю всем непристойным желаниям, но такие дела делаются в приватном порядке. Я уверена, вы помните, что у меня работает много охранников. И по малейшему моему знаку вас выпровадят отсюда.

Она с улыбкой отпустила его, когда открылась дверь и появился охранник.

— Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь найти дневник.

— Все охранники в мире не защитят тебя от самой себя.

— Меня ты не спасешь, — сказала Одри с улыбкой. — Лучше спаси себя.

— От чего?

— От своей властной правильности.

— Что заставляет тебя думать, что у меня бескорыстные мотивы?

— Если это деловое предложение, сомневаюсь, что ты можешь позволить себе меня.

Какой-то миг, показавшийся ей восхитительным, сэра Дэниел смотрел на нее с неуверенностью, потом вышел из комнаты. Одри последовала за ним в холл, но пошла по коридору в противоположном направлении, ни разу не оглянувшись.

— Вот колючка, — сказала она достаточно громко, чтобы он мог ее услышать, и услышала его тихий смех.

Точно так, как в ту ночь, когда он был с ней.

Когда он изменил ей?

Она могла спать с ним или не замечать его существования. Но она больше никогда не позволит себе ждать его.

* * *

Гидеон раздраженно повернулся к джентльмену, который пытался привлечь его внимание. Ему еще нужно разделаться с грубияном, который потирал шишку, вспухавшую на покрытом испариной лбу.

— Кто вы такой? Очередной ухажер? Так имейте в виду, я вас спущу с лестницы.

Шарлотта мягко тронула его веером.

— Ваша светлость...

Гидеон не слушал ее. Он только что заметил, как очередной джентльмен пробирается сквозь жидкую толпу к Шарлотте. Да, сегодня она выглядит красавицей, но три настойчивых дыхателя сразу?

— Назовите ваши имена, — надменно сказал он самому высокому из троицы. — Я вас лично лбами столкну, если кто-нибудь из вас снова обидит эту леди.

Высокий мужчина, чье лицо начинало казаться знакомым, сверкнул нахальной улыбкой.

— А вы кто такой, чтобы выступать ее защитником?

— Я герцог Уинфилд, — фыркнул он.

— Так и есть, — пробормотала Шарлотта, явно довольная этим фактом.

— Да? — Мужчина обратился к Шарлотте с такой фамильярностью, что Гидеон задумался, какие еще секреты скрывает эта леди. — Подумать только! Хит сказал, что ты помолвлена с герцогом, и мы всю дорогу смеялись. Будто ты выходишь за пэра, которого мы никогда не встречали.

Грубиян с шишкой натянуто рассмеялся:

— Как будто она может выйти за кого угодно без разрешения семьи.

Молчавший до сих пор мужчина задумчиво переводил взгляд с Гидеона на Шарлотту. Гидеон подумал, что если не считать разницы в цвете волос, этот задумчивый тип похож... черт побери, он, должно быть, ее брат. Гидеон оценивающе посмотрел на высокого. Его голубые глаза выдавали общую родословную.

Он перевел взгляд на Шарлотту.

— Это ваши...

— ...братья, — договорила она. — Невероятно, но правда мы похожи как капли воды? А это мистер Филипп Морленд, мой старый... друг.

Филипп. Смутные воспоминания всплыли в голове Гидеона.

Где он слышал это имя раньше? Определенно не от Шарлотты. Но ее дневник... ода. Гидеон фыркнул. Филипп был предметом ее безумного увлечения в юности. И разбил ей сердце. Стоит ли об этом беспокоиться? Стоит. Если Филипп вернет ее симпатию, ему, Гидеону, не придется стоять у края пропасти под названием «супружество».

И все-таки никто не может безнаказанно вмешиваться в его дела, даже если он потерял контроль над своей судьбой. Гидеон чувствовал себя глупцом, оказавшись в этой ситуации. И чтобы усугубить ее, ему ничья помощь не нужна.

Он угрожающе шагнул вперед. словно предвкушая стычку, группа проходивших, мимо зрителей остановилась поглазеть.

Герцог в обществе неизвестной леди — уже одного этого достаточно, чтобы возбудить интерес.

Но если герцог вызовет на дуэль человека в театре, это более волнующе, чем та пьеса, которую они только что посмотрели.

— Что дает вам право приближаться к этой леди?

Нахал выпрямился, поравнявшись с его подбородком.

— Вы, безусловно, не знаете, кто я, иначе вы не посмели бы задавать этот вопрос.

Гидеон усмехнулся:

— А вы наверняка не знаете, что я сделаю все, что пожелаю. И не распускайте свои липкие руки.

— Липкие? Липкие?!

Гидеон с энтузиазмом кивнул:

— Именно. Слизняк оставляет липкий след всюду, где ползет.

— О Господи. — Шарлотта резко развернула веер и принялась обмахиваться, словно намереваясь охладить пыл. — Джентльмены, остановитесь, пожалуйста, это зашло слишком далеко.

Гидеон отступил на безопасное расстояние, признавая, что Шарлотта со своим единственным, на вид пустяковым и бесполезным аксессуаром опаснее, чем можно судить по ее деликатной внешности. Фактически все в Шарлотте вводит в заблуждение. Как еще он мог объяснить то, что стоит в театральном фойе, кипя гневом, и готов защищать ее, если даже это будет стоить ему жизни?

Потом Шарлотта улыбнулась ему, и уже не имело значения, обманом она заманила его в брачную ловушку или нет. В каких-то незапятнанных уголках своего сердца Гидеон знал, что ее намерения чистые и страстные, и ему следует охранять ее ради себя самого.

— Прочь от нее, — добавил он. — Или я сам вас отодвину.

По выражению лица Филиппа видно было, что Гидеон говорит серьезно.

— Вы этого не сделаете.

— Думаю, сделает, — раздался из разраставшейся толпы веселый голос. — Сделайте это, ваша светлость!

Не успел Гидеон предпринять дальнейшие действия, чтобы осадить этого прохвоста, как совершенно не вовремя появились Грейсон и Джейн, и все заговорили одновременно. В этой неразберихе два брата Шарлотты ухитрились представиться Гидеону, а он — им. Но ее бывший возлюбленный молча смотрел на Шарлотту с тоской, которая искушала Гидеона довершить кулаками то, что она начала веером.

К несчастью, Грейсон расстроил эту возможность, предложив всем семерым отправиться в одной карете перекусить отбивными.

— Я умираю от голода, — объявил маркиз, забыв о витающей в воздухе напряженности.

— Я не стану есть отбивные в новом вечернем платье от мадам Дивайн, — с негодованием заявила Джейн. — Повара могли бы приготовить их дома, если бы ты выразил такое желание. Идемте, джентльмены, Шарлотта. На случай если никто из вас не заметил, на лестнице стоит какой-то противный человек и рисует нас, карикатура, вероятно, появится в утренних газетах. Я не намерена обеспечивать его существование, позируя ему.

Глава 18

Шарлотта вздохнула с облегчением, когда ее братья с Филиппом укатили в своей карете. Начался дождь. Она могла только вообразить, каким напряженным окажется возвращение в академию, когда Гидеон в таком настроении. До сих пор Шарлотта считала слухи о его гордости преувеличенными. Однако не могла ошибиться в оценке его поведения сегодня. Он явно принял роль ее жениха близко к сердцу.

Она могла ошибиться в нем, когда он провел ее сквозь парадный вход в холл академии. Там было тихо, но Шарлотта мгновенно уловила шепот любопытных девочек наверху, на лестнице.

— Ваша светлость, я не могу выразить своей благодарности...

— Можете.

Он заключил ее в объятия.

Очевидно, он намеревался продолжить демонстрацию страсти, которую начал в театре.

— Мисс Боскасл! — нарушил тишину чей-то голос. — Ваша светлость! Тут леди!

Гидеон с глубоким вздохом отпустил Шарлотту и взглянул на скрывавшуюся в тени женщину в очках.

— Приятного вечера, мисс Боскасл. — С горящим взглядом он направился к двери. — И вам, мисс Пеппертри... — Он послал ей воздушный поцелуй. — Пристойных сновидений.

Вернувшись домой, Гидеон вошел в гостиную за бренди и почувствовал чье-то присутствие. Он отреагировал быстрее, чем незваный гость успел подняться с повернутого к камину кресла с высокой спинкой. Проглотив ругательство, Гидеон метнулся за тростью, которую оставил у двери.

Скрытый в ней клинок сверкнул в воздухе. Мужчина повернулся, презрительно глядя на оружие.

— Ни с места, — сказал Гидеон, задаваясь вопросом, не сбились ли сегодня вечером планеты с круга. — Я тренировался в школе Фентона.

— И я тоже. Мы с вами тренировались вместе. И не один день.

— Черт! Сэр Дэниел, я вас едва не проткнул. — Гидеон с досадой спрятал клинок. — Зачем вы вломились в мой дом? Только не говорите, что охотитесь за сокровищами. Я не желаю вас видеть!

Сэр Дэниел ждал, пока Гидеон отставит трость.

— Для начала, я к вам не вламывался. Меня впустил ваш дворецкий.

— Мог бы оказать любезность и проинформировать меня. Кстати, где он?

— В кухне, утешает экономку.

Гидеон снял перчатки.

— Она никогда не бодрствует в такой час. Полагаю, ее напугало ваше появление.

— Нет, ваша светлость. Сегодня вечером мужчина бродил возле кухни.

— Какой мужчина?

— Понятия не имею. Но для вора обычное дело возвращаться в дом, где ему удалось пожить.

— Садитесь, сэр Дэниел, пожалуйста. И расскажите, почему вы решили, что дневник украден из моей кареты.

— Предмет довольно громоздкий, чтобы вы уронили его, не заметив.

Гидеон нахмурился.

— Да. Но Харриет выронила его и в спешке не заметила. — Гидеон, однако, не спешил признаваться в посещении дома миссис Уотсон. Казалось, что в ту минуту, когда он коснулся дневника, его жизнь пошла наперекосяк.

Сэр Дэниел прочистил горло.

— Извините. Я бы не стал называть герцогиню по имени. А теперь вернемся к дневнику. Я знаю, что беспокойство возникло из-за его содержания.

Гидеон натянул на лицо маску бесстрастности. Он далек от того, чтобы выдавать секреты Шарлотты, которые до сих пор хранил.

— Я вас не понимаю.

Сэр Дэниел покачал головой:

— А я думал, вы сможете меня просветить.

— Нет. Я тоже пребываю во мраке неведения. Однако постараюсь помочь вам.

— У вас есть враги?

— Единственный, кто приходит на ум, это Габриэль Спенсер. Она работает у...

— ...у миссис Уотсон. Да, мне придется с пристрастием расспросить ее. Пожалуй, и вам следовало бы это сделать.

Гидеон поднял бровь.

— Разве вы не слышали новости? Я помолвлен. Было бы довольно неделикатно с моей стороны посещать любовницу, когда со скоростью метеора приближается день моей свадьбы.

И брачная ночь. Почему кажется, что она приближается ползком? И что куда важнее, почему его греет мысль о браке с Шарлоттой? Потому что он испытывает страстное желание, которое нужно удовлетворить? Потому что порой ловит себя на том, что очарован ею и ждет их общего будущего сильнее, чем страшится брака?

— Будет более чем неделикатно, если кто-нибудь использует дневник, чтобы погубить ваше бракосочетание, — сказал сэр Дэниел, нарушив сосредоточенность Гидеона.

— Вы догадываетесь, кто может совершить такой поступок?

— Пока нет.

Это не мог быть Филипп Морленд, как бы ни хотелось Гидеону иметь еще один повод не любить его. Морленд только что прибыл в Лондон. Ясно, что он надеялся вернуть себе симпатию Шарлотты. Судя по ее сегодняшней реакции, она не собиралась этого делать.

Гидеон поставил себя на его место. Будь он Морлендом, он бы не отказался от женщины, которую желал. Возможно, в этот самый момент Морленд у двери Шарлотты.

Эта мысль провоцировала Гидеона. Человек настолько глупый, чтобы накинуться на женщину в театральной толчее, наверняка не колеблясь отправится к ней с ночным визитом.

Гидеон напомнил себе, что его это не волнует. Цель ухаживания — удовлетворить

знаменитое скандальными выходками семейство Шарлотты. Хотя ближайшие родственники — ее родные братья. И они привезли в Лондон Филиппа Морленда, возможно, чтобы устроить брак.

Брак, которого, как Шарлотта ясно дала понять сегодня вечером, она больше не желает.

— Что-то не так, ваша светлость? — спросил сэр Дэниел, явно почувствовав, что потерял внимание Гидеона.

— Не уверен, — ответил Гидеон, раздраженный тем, что его неспособность сосредоточиться на разговоре заметна. — Я лишь знаю, что жил понятной, если не пустой жизнью. А потом, без всяких усилий с моей стороны, она завязалась в такой узел, который я не могу развязать.

Сэр Дэниел улыбнулся:

— Думаю, такие неожиданные повороты делают жизнь интересной.

— И сводят с ума.

— У меня такое чувство, что вы немного больше контролируете свои дела, чем сами думаете, ваша светлость.

Соглашаясь, Гидеон небрежно пожал плечами. Сэр Дэниел, разумеется, прав. Гидеон пока хозяин своей жизни. Но непонятно, почему он планирует нанести неприличный визит в академию, как только его гость уйдет.

Шарлотта смотрела, как лист бумаги корчится и чернеет в маленьком пламени, горевшем в камине. Никто не прочтет, что она написала сегодня. «Когда я с Гидеоном, я могу думать только о нем. Вдали от него...»

Она подняла глаза. Капли дождя забрызгали окно. Но этот настойчивый стук — не дождь. Поднявшись, она пошла к окну. Отодвинула штору, и крик застрял у нее в горле, когда она увидела улыбающееся ей за стеклом лицо.

— Гидеон!

Натянув пальто на голову, он одними губами сказал:

— Впусти меня. Я промокну.

Она поспешила в холл открыть дверь. От Гидеона пахло хорошим бренди и мокрой шерстяной тканью.

— Гидеон, ради всего святого, что ты делаешь под дождем в такое время? Ведь уже час ночи.

— Я увидел свет в окне.

— И? — спросила она, ясно представляя себе его мотивы.

— И я подумал, что нужно убедиться, что с тобой все в порядке.

— Когда мы расставались, по мне было заметно, что мне нехорошо?

— Нет, — ответил он. — Ты была эталоном здоровья.

— Иди в гостиную, и тихо, пожалуйста. Почему ты здесь? — прошептала она, когда они шли через холл. — У меня чуть сердце из груди не выскочило, когда я тебя увидела.

Оказавшись в комнате, он сбросил пальто и сюртук. Влага, должно быть, пропитала его рубашку. Накрахмаленное полотно немного липло к его мускулистой груди и плечам. Шарлотта вздохнула, когда он закрыл дверь.

— Я хотел убедиться, что у тебя нет нежеланных гостей.

Поджав губы, она забрала у него пальто и сюртук.

— А ты считаешь себя желанным гостем в любое время?

— Да, считаю. — Он посмотрел на огонек в камине и снял перчатки. — Насколько я помню, ты вдруг решила нанести мне визит до нашей помолвки.

— Дело было неотложное.

Обманчивая улыбка мелькнула на его лице.

— Как и это.

Она забрала у него перчатки и вздрогнула от тревоги.

— У тебя руки холодные.

— Согрей их. — В его глазах был дерзкий вызов.

— Подойди ближе к огню.

— Я не это имел в виду.

Шарлотта положила пальто и сюртук на спинку дивана, чувствуя на себе взгляд Гидеона.

— Я поняла, что ты имел в виду. И предпочла пропустить намек мимо ушей.

— Ты предпочла впустить меня в дом, — напомнил он. — И я заметил, что ты заперла дверь, когда мы вошли.

Шарлотта разрывалась между двумя решениями. Настоять на том, чтобы Гидеон ушел, или поощрить его остаться? Она знала, чего хочет. И прекрасно понимала, чего хочет он. Он не колеблясь проявил свои желания. И удовлетворение их скоро падет на нее.

Он поймал ее за локоть и прижал к своему сильному влажному торсу.

— Позволь спросить, почему ты бодрствуешь так поздно?

— Я порой засиживаюсь допоздна, чтобы подумать.

— О чем? — Он взял в ладонь ее подбородок. — О чем ты думаешь?

— О дневнике, о последствиях для школы, о кашле младшей мисс Мартаут, о нашей свадьбе, о моих братьях. О том, что нужно поговорить с претендентками на мою должность...

— А Филипп? Его появление в театре заставило тебя беспокоиться?

— Не настолько, как, похоже, тебя. Вы такую шумиху вдвоем подняли.

— Я до сих пор расстроен. — Подушечкой большого пальца Гидеон кружил по ее щеке. — Ты знаешь способ успокоить меня?

Нетерпение закипало в ее крови. Сердце стучало, ожидая и предупреждая. Гидеон коснулся ее, словно она уже принадлежала ему, и ее тело мгновенно ответило. Шарлотта и представить себе не могла, что ей придется бороться с собственными желаниями. Причудливый соблазн, который она описывала в своем дневнике, похоже, подходит к грани реальности.

— Шарлотта, — мягко произнес Гидеон. — Что у тебя надето под халатом?

— Ночная сорочка.

— А под ней?

Она заколебалась, пульс пустился вскачь.

— Ничего.

— Так я и думал.

Он обнял ее за талию и потянул вниз, в круг света на ковре перед камином.

— Гидеон, — прошептала она, округлив глаза. — Ты ведешь себя в высшей степени неприлично.

— Да, разве не так?

— Я удивлена, что ты это признаешь, — вздохнула она.

Он притворно нахмурился:

— Я не намерен забывать о манерах. Позволь мне сделать это пристойным способом.

Она с подозрением посмотрела на него:

— Пристойным?

— Извини, я развяжу твой халат. — Он потянул пояс.

Шарлотта замерла.

— Ты демон. Я не верю в твою смелость.

— Прошу простить, но я развяжу завязки твоей ночной сорочки. — Что он с легкостью и сделал.

Шарлотта ахнула, и вырвавшийся у нее возглас привлек внимание Гидеона к ее губам.

— Ты крайне...

— И прости, что я рассматриваю твои скрытые прелести в свете огня.

Ее глаза открывались все шире, когда его рука скользнула по ее горлу, потом Шарлотта зажмурилась.

— Говоря о манерах, я имела в виду совсем другое, — прошептала она.

— Тогда...

Гидеон потерял нить мысли, отвлеченный нежной плотью, которую лишил покровов. Шарлотта запрокинула голову и лишь тихо застонала, когда он наклонился и поцеловал ее. Его язык двигался вперед и назад в скандальном акте искушения. Он легко приподнял и халат, и ночную сорочку, чтобы открыть взгляду нижнюю часть ее тела.

— Гидеон, — простонала она, пытаясь прикрыться рукой. — Я... это неприлично.

— Нет, милая. — Он перехватил ее запястье, его взгляд был прикован к влекущей впадинке между ее бедрами. — Ты совершенство.

— Но ты...

— Мне нравится смотреть, — сказал он. — Я могу достичь финала, если буду смотреть на тебя достаточно долго.

— Я чувствую себя распушенной. — Шарлотта задрожала, когда его вторая рука прошлась по ее колену и двинулась выше.

— А знаешь, что мне нравится даже больше, чем смотреть?

Открыв глаза, она уставилась на него. Шарлотту била дрожь.

— Нет.

— Это. — Гидеон мягко раскрыл складки ее лона и прижал пальцы к зовущей мягкости. — Еще больше я люблю касаться.

Интимно касаться ее ему нравилось больше всего другого, что он мог припомнить из своей недавней истории. Возможно, за всю жизнь. Ее ответ был таким естественным и непринужденным, что казалось, это она куда более сведуща в искусстве соблазна.

Шарлотта повернула голову, крик застрял в ее горле, когда Гидеон дразнил ее, растягивал до предела, который оба они едва могли выдержать. Он знал, что может потерять контроль над собой в любую минуту. Знал, что, несмотря на требования своего тела, может дать ей лишь относительное облегчение и постараться извлечь из этого собственное удовольствие.

Искушение темным туманом дурманило разум. Уговаривай он Шарлотту чуть дольше, он мог бы лишить ее девственности и утолить собственную страсть в ее прекрасном теле. Он мог уничтожить остатки ее сдержанности губами, руками, пульсирующей плотью. Он мог наполнить ее тугим жаром. Он мог бы двигаться в ней энергично и быстро, вел бы к таким

вершинам, что она лишилась бы чувств в лихорадке ощущений.

Его тело ныло, когда она достигла кульминации, орошая его влагой желания. Он обхватил ее ягодицы и смаковал дрожь наслаждения, которую она не могла подавить.

Гидеон сделал медленный вдох, надеясь утихомирить соблазн утолить в ней свой голод. Но мог лишь наблюдать, как Шарлотта медленно приходит в себя. Со вздохом сожаления он одернул ее ночную сорочку и халат, прикрывая плоть, и не мог дожидаться, когда наконец овладеет ею.

— Вот. — Он отвел руку. — Надеюсь, ты удовлетворена, что я не нарушил правил приличия.

Шарлотта улыбнулась, ее голубые глаза затуманились.

— Ты получил то, за чем пришел? — тихо спросила она. — Ты всегда бродишь по ночам?

— Ты жалуешься на удовольствие, которое только что испытала, дорогая?

— Вовсе нет. Но это действительно все, чего ты хотел?

Он отвел глаза. Его челюсти сжались в решительном ответе.

— Гидеон, — прошептала Шарлотта с тревогой в голосе. — Только страсть привела тебя сюда?

Даже теперь она выбивала его из колеи нежной заботой, которую не пыталась скрыть. Это заставляло его страдать от желания, чувства вины и других коварных эмоций, которым он не готов противостоять. Но он не дрогнет и больше не откроет свое сердце боли. С него хватит. Шарлотта счастлива носить его имя и делить с ним постель, она не требует от него никаких других обещаний, которые он не намерен давать.

— Отвечая на твой предыдущий вопрос, скажу «да». — Гидеон не смотрел на нее. — Я брожу по ночам, но не в одиночестве.

— Разве это не отговорка?

Гидеон криво улыбнулся:

— Хорошо. Буду честным. Я боялся, что твой прежний воздыхатель создаст серьезные проблемы, посетив тебя ночью.

— Вряд ли мои братья позволили бы это.

— Но я здесь, — заметил Гидеон. — И я не видел у дверей стражи.

Он почувствовал, как ее ладонь легла на его руку. Он тосковал по ее прикосновению.

— Возможно, то, чему они стали свидетелями в театре, — прошептала она, — убедило их, что ты принял свою роль.

Глава 19

Шарлотта прислушивалась к стуку дождя по оконному стеклу. Пульсирующее наслаждение отступало и блекло, сменяясь легкой болью. Она прижалась бы к сильному телу Гидеона, не отстранись он от нее.

И если бы не выглядел таким довольным собой.

— Бесспорно, ты самый заносчивый мужчина, которого я встречала.

— Спасибо. — Он встал и улыбнулся ей, будто она его похвалила. — Что-то еще? — Гидеон подал руку, поднимая ее со сцены ее недостойной капитуляции.

— Да, ты слишком видный, нам повезло, что никто не заметил, как ты входил в

академию. Ты бы так не улыбался, если бы мисс Пеппертри нас слышала.

— Мисс Пеппертри нужен хороший...

— Гидеон!

Он пошел к дивану за пальто и сюртуком.

— Мое почтение к мисс Пеппертри не простирается за пределы воздушного поцелуя.

— Память о котором, я уверена, останется у нее навечно.

Гидеон сунул руку в рукав сюртука.

— Давно ли ты знаешь этого прохвоста?

— Кого?

— Ты знаешь, кого я имею в виду. Морленда. Твою первую любовь.

Шарлотта завязала пояс.

— Сколько из моего дневника ты прочел?

— Не так много, как следовало бы.

— Я знаю Филиппа всю жизнь. А теперь твоя очередь отвечать.

— Я прочел несколько недавних эпизодов, касавшихся меня. И частично об этом прохвосте.

— И это все? — скептически спросила она.

— Учитывая короткое время, которое дневник находился у меня, и дела, требовавшие моего внимания, думаю, я прочел достаточно.

Шарлотта замерла, почувствовав, что что-то упустила.

— Я думала, ты оставил дневник в карете и не брал его в тот дом.

Гидеон покачал головой:

— Я... я читал его в карете.

— И ты взял его... Не может быть! Неужто ты взял его в тот дом с дурной репутацией?

Он отвернулся, чтобы сунуть вторую руку в болтающийся рукав сюртука. Шарлотта огорченно прищурилась.

— Только не говори, что мой дневник стал невольным свидетелем какого-нибудь похотливого акта.

— Конечно, нет, — не раздумывая ответил Гидеон. — Разве я выгляжу законченным повесой?

— Да. Именно так ты и выглядишь!

Он взял ее лицо в свои ладони.

— То, что сейчас произошло между нами, самое дерзкое мое приближение к похотливому акту за долгое время.

— А я так близко никогда не подходила, — прошептала Шарлотта.

— Как тому и следовало быть.

Подняв ее лицо, Гидеон поцеловал ее в губы. Она инстинктивно вздрогнула.

— Тебе не следовало быть здесь.

— Как еще нам узнать что-то друг о друге за слишком короткое ухаживание?

— Я предлагаю долгие прогулки в парке.

— Не слишком приватное место для...

— Как и этот дом, ваша светлость, — сказала Шарлотта, снова обретя здравомыслие. —

Вы должны уйти.

Гидеон с глубоким вздохом отпустил ее. Прежде чем он смог снова сбить ее с толку очередной очаровательной уловкой, Шарлотта потянулась за его пальто. Взяв его, Гидеон

повернулся к двери.

— Не провожай меня. — Он обернулся, и от его взгляда ее бросило в дрожь. — И держись подальше от окна. В такую пору бродят опасные личности.

Выскользнув из дома, Гидеон торопливо зашагал под морозящим дождем. Он толком не понимал, что с ним произошло, его мысли, казалось, завязались в узлы, как и его тело.

Оглянувшись, он увидел, что Шарлотта смотрит на него сквозь шторы. Он предупреждающе качнул головой. Она исчезла. Какой-нибудь прохожий мог заметить ее, если укрылся за растущими под окном кустами. Эта мысль расстроила Гидеона. И когда он повернулся, то увидел спешившего через улицу мужчину в плаще с капюшоном.

Гидеон смотрел на него сквозь сырой туман.

— Сэр Дэниел! Это опять вы?

— Господи! Ваша светлость, я сначала вас не узнал. И собирался продемонстрировать вам острый конец моей трости. Я думал, под окнами академии может притаиться человек с нездоровым любопытством.

Гидеон заколебался. Чертовски повезло, что сэр Дэниел не заглянул в окно несколько минут назад.

— Вы когда-нибудь спите? — спросил он, жестом велел кучеру подогнать стоявшую поодаль карету.

— Я урывками сплю днем.

— Подвезти вас домой?

— Нет, спасибо. Дождь слабый, и мне предстоит кое с кем встретиться на углу.

Гидеон оглядел улицу:

— Я никого не вижу. Какого сорта этот человек?

— Ненадежный, — сердито проворчал сэр Дэниел. — Мне следовало бы знать, что он не появится вовремя.

— Ведь эта встреча Шарлотты не касается?

Сэр Дэниел покачал головой:

— Сомневаюсь, но хотелось бы знать, как весть о возникшей проблеме проникла на улицу. Скорее всего вместо того чтобы поделиться полезной информацией, эта персона попытается извлечь выгоду из ситуации.

— Насколько я понимаю, это не женщина. Вы знаете его имя и адрес?

— Его зовут Ник Риделл, это самый беспринципный тип, с которым мне только приходилось сталкиваться. Что до мест его обитания, могу сказать, что когда его хочешь найти, это почти невозможно. И кажется, он будет всюду, где вы не желаете его видеть.

— Почему вы для встречи выбрали это место?

— Выбирал не я, ваша светлость, а он. А теперь я позволю себе смелость попросить вас удалиться: если он вас заметил, то не подойдет, пока я не останусь один.

В сложившихся обстоятельствах Гидеону оставалось лишь уважить эту просьбу. Понятно, что он не может торчать у дверей школы благородных девиц, не вызвав очередного скандала. Но нельзя не предпринимать никаких мер, пока побывавший у него дневник, возможно, переходит из рук в руки. На карте репутация его будущей жены.

Ему нужно начать собственное расследование. И будет ли это доказательством его чести самому себе или Боскаслам, казалось, имело значение меньше минуты.

Ник бродил по улице, не обращая внимания на суматоху очередного лондонского утра.

Он рассчитывал, что будет несколько претендентов на дневник, который он сначала держал под подушкой, рядом с пистолетом, а затем, поняв его ценность, спрятал под половицей. Он полночи читал избранные пассажи чувственного тома. Щекотливые эпизоды шокировали и производили впечатление. Он порой спотыкался на незнакомом слове, но понял суть отрывков, описывающих встречи мисс Боскасл с герцогом. Ну и дела. Она орудовала словами, как он — ножом. Дерзкая девица. Он подумал, что влюбился в нее.

И все же дело есть дело. Кто больше всего хочет получить этот дневник? Та особа, которая наняла его на кражу? Издатель с Флит-стрит, который уже имел неудовольствие вести с Ником дела? Модная куртизанка, которую герцог бросил ради леди с бойким пером?

Труднее предсказать, поддастся ли герцог на шантаж или придет в ярость и придушит его. Ник видел, как герцог фехтует в школе Фентона. Герцог прирожденный боец, и если Фентон натренировал его, то с этим нужно считаться.

Остается еще леди, написавшая дневник.

Неудивительно, что герцог женится на ней. Нику было любопытно, как она выглядит, и сегодня он наконец мельком увидел ее, когда она со своими ученицами отправилась за покупками на Стренд. Светлые волосы, милое лицо, белый муслин.

— Кто бы мог подумать? — пробормотал он уличному торговцу, который отступил, пропуская карету леди. — Самая тихая из всех, кого доводилось видеть.

— Так вы будете покупать или нет? — сварливо сказал тот, забрав яблоко из ловких пальцев Ника. — Я свою повозку сюда не для благотворительности привез.

— Нет, старина, сегодня не куплю. Через пару дней. Я недавно на клад наткнулся, так что после некоторых переговоров вернусь с увесистым кошельком.

— Держу пари, что шансы на это призрачные.

Однако Ник не обратил на это внимания.

У него под половицей целое состояние.

Гидеон удивился, когда Одри Уотсон согласилась встретиться с ним на следующее утро. Он послал ей записку с вопросом, смогут ли они поговорить не у нее дома, и Одри предложила встретиться у книжного магазина на Бонд-стрит.

Ее карета не привлекала внимания на многолюдной улице. Как и она сама в шляпке из итальянской соломки и в серо-зеленом платье с глухим воротом, которое делало ее больше похожей на матрону, отправившуюся по домашним делам, чем на аббатису процветающего публичного дома.

— Ваша светлость, — сказала она с искренней теплотой, которой Гидеон не ожидал, — это правда? Я должна оплакивать потерю очередного повесы?

Он не мог удержаться и рассмеялся над ее искренностью. Но с другой стороны, Одри, популярная дама полусвета, может похвастаться сетью влиятельных друзей и сведуща в светских делах не меньше, чем в искусстве любви.

— Правда, — признался он.

— Тогда я должна вас поздравить и надеюсь, что эта внезапная помолвка результат любви, а не того, что произошло в моем доме.

Гидеон покачал головой:

— Не думаю, что могу это объяснить.

— Понятно, — пробормотала Одри, и он предположил, что ей известно больше, чем она хочет открыть. — Невинность часто влечет сильнее, чем искушенность. Я могла бы

предложить вам другую куртизанку, но сомневаюсь, что нашла бы кого-нибудь с достоинствами вашей невесты.

Гидеон заколебался. Можно ей доверять? Он решил, что нужно воспользоваться этим шансом.

— Я хотел лично просить вас о помощи. Я привез дневник своей нареченной в ваш дом. Если Габриэль решила в отместку украсть его, когда позже заехала ко мне, то я предложу щедрую сумму за его возвращение, и дело будет закончено.

— Сомневаюсь, что у Габриэль хватит ума на что-либо подобное. Она уже ищет другого покровителя. Но если вы хотите видеть ее, должна все же предупредить, что она очень расстроена и злится на вас.

— Я это понимаю, — усмехнулся Гидеон. — Я окажусь в неловком положении не только перед кузенами Шарлотты, но и двумя ее братьями, которые только что прибыли в город.

— Братья? — Глаза Одри вспыхнули. — Они женаты?

— Вы, вероятно, знаете это семейство лучше меня. — Гидеон снова рассмеялся. — Я не верю в романы.

— Но вы верите в честь?

Он кивнул.

— Что еще остается джентльмену?

Карета вернулась к Бонд-стрит. Гидеон сделал то, что намеревался, и временно должен оставить это дело.

— Мы встретимся снова, ваша светлость, — с уверенностью сказала Одри. — Если не здесь, так на каком-нибудь вечере.

Он потянулся к дверце. Шелест бумаги в ее руках остановил его.

Гидеон неохотно повернул голову, надеясь, что это страница из признаний Шарлотты. Миссис Уотсон вытащила из своей сумочки сатирический бульварный листок, из тех, что замусоривают сточные канавы Лондона.

— Не знаю, видели ли вы это, — сказала она. — Если не видели, вы должны быть готовы к тому, что вас ждет.

Взяв из ее руки листок, Гидеон уставился на карикатуру, которую не сразу понял. Он был изображен в театральном фойе в виде огнедышащего дракона, Морленд — в измятом железном шлеме, Шарлотта держала между мужчинами раскрытый веер, как средневековый щит.

Джейн тоже предупреждала его, что пресса почуяла скандал в театральном фойе. Он тогда был слишком разъярен, чтобы слушать.

— Грязные слухи всегда витают в воздухе, — сказала Одри с ободряющей улыбкой. — Это вас не коснется.

— Нет.

— И все-таки чем скорее вы женитесь, тем лучше.

Глава 20

Записка прибыла вскоре после того, как Шарлотта, сделав покупки, вернулась вместе с ученицами. Герцог приглашал ее и ее братьев в парк, компанию ей составит маркиза

Седжкрофт. Шарлотта немедленно передала через посыльного герцога согласие. Возможно, его поспешное ухаживание никого не обманет, но это не означает, что она не могла получить от этого удовольствия.

Когда Гидеон заехал за ней, небо было пасмурное, но он вопреки мрачной погоде был полон жизни, великолепен и владел ситуацией. И Шарлотта явно не единственная женщина, которая в этом убеждена. Она заметила, что у всех горничных академии вдруг нашлись дела в холле.

Вдобавок ее братья Калев и Джек, болтавшие у кареты герцога, заинтересовали и привлекли к двери даже лакеев. Шарлотте казалось, что весь мир желает пережить ее роман во всех подробностях.

Они приехали в парк в модный час, карета Гидеона замедлила ход в параде элегантных фаэтонов, колясок, экипажей, чьи владельцы явились себя показать и других посмотреть. Шарлотта сознавала, что Гидеон принадлежит к этому кругу и что появление в Лондоне ее холостяков братьев уже вызвало шумиху.

У Грейсона и Джейн, разумеется, был свой круг поклонников, как и у Хлои, сестры Грейсона. Но большинство женщин, от гувернанток и дам полусвета до аристократок, бросали жадные взгляды, словно стрелы Купидона, в сторону прекрасного герцога. Шарлотта крепко держала Гидеона за руку, пока высокий привлекательный джентльмен, который у воды демонстрировал приемы фехтования, не окликнул его.

Это сэр Кристофер Фентон, сообщила Шарлотта, лихой мастер клинка, которого Грейсон и Джейн просили позаниматься с их сыном Роуэном. Говорили, что Фентон ближайший друг Гидеона.

— Извините, я сегодня ухаживаю за дамой, — с лукавой улыбкой ответил Гидеон.

— Слабая отговорка, — мрачно произнес Грейсон.

Гидеон оглянулся на Шарлотту:

— Ты не возражаешь, если я им займусь?

— Вовсе нет.

Это было короткое, но впечатляющее фехтовальное шоу. Мужчины начали с пяти позиций салюта и немедленно перешли к жаркому соревнованию.

— Почему на них нет защиты? — громко поинтересовалась Джейн.

Губы Хлои изогнулись в понимающей улыбке.

— Считается, что это не по-мужски, когда противники равны в мастерстве.

Шарлотта с восхищением наблюдала за Гидеоном и его другом. Она так и не смогла бы отвести от них взгляд, если бы не встревоживший ее разговор рядом.

— Не хотел бы я встретиться с этими двумя в темном переулке, — сказал стоявший рядом с Грейсоном джентльмен.

— А я бы встретилась, — заявила какая-то дама под веселый смех своих друзей. — И была бы счастлива оказать гостеприимство каждому из них или им обоим.

Шарлотта напомнила себе, что подслушивать неприлично, но по следующему беспечному заявлению дамы поняла, что речь идет о ней.

— Я бы предпочла герцога, несмотря на то что он оказался втянутым в скандал с какой-то школьной учительницей, когда мы почти пришли к соглашению.

— Правда? — Ее спутница подняла глаза на Шарлотту. — Я уверена, она чудесная особа.

— А я уверена, что она испорченная особа, он потеряет к ней интерес через неделю

после свадьбы. Хотела бы я сказать ей это в лицо.

— Габриэль, — шепнула другая женщина, кивнув на Шарлотту, — думаю, ты уже это сделала.

Джейн повернулась, вскинув изящный носик.

— Пожалуйста, собирайте свой кислый виноград в другом винограднике. Нареченная его светлости хочет получить удовольствие от соревнования. Как и я.

В этот момент к ним размашистым шагом подошел Калев, за ним следовал Джек.

— О, я вижу, тут состязание. Кто побеждает?

— Шарлотта, — улыбнулась Джейн.

— Шарлотта? — удивленно повернулся Грейсон и остановил взгляд на Габриэль. — Я вас знаю, — сказал он. — Я встречал вас на рауте на прошлой неделе. Вы не та женщина, которую Уинфилд...

— ...не знает, — договорила за него Джейн. — Это ты хотел сказать, дорогой?

Сдвинув назад цилиндр, Грейсон смотрел вверх голов на фехтующих мужчин.

— Если ты так говоришь, Джейн, значит, так и есть.

К тому времени, когда затянувшееся состязание закончилось, Габриэль уже умчалась в другой конец парка с трио компаньенок на буксире.

— Ты бы хотел, чтобы я оставила тебя одного? — тихо спросила Шарлотта, когда Гидеон зашагал рядом с ней. — Я знаю, что ты надеялся быть с ней сейчас.

Нечего и говорить, он мог содержать Габриэль в любовницах после свадьбы, они оба знали, что это не только возможно, это обычная практика в свете.

Но Гидеон всего раз взглянул в сторону женщины, о которой они говорили, и решительно покачал головой.

— Я хочу побыть с тобой наедине, — заявил он. — Можем мы прогуляться, чтобы у света был еще один повод поговорить?

— Не знаю, хорошая ли это идея. — Шарлотта оглянулась и увидела, что Джейн кивнула, соглашаясь, если не подбадривая ее подчиниться.

Поэтому Шарлотта взяла его руку и позволила вести себя по утоптанной тропинке. Мир любовниц и фехтовальных поединков отхлынул как волна.

Это очередное событие в ее жизни, подумала она, гулять с Гидеоном в спокойном дружеском молчании.

Она чувствовала себя непринужденно, наверное, потому, что между ними больше не было секретов. Она встретила Габриэль. Он столкнулся с Филиппом в театральном фойе.

Как хорошо, что правда выяснилась. И ей придется оберегать только те тайны, которые соединят их при свете дня и в брачной постели. Ее сердце пело в ожидании этого.

Вдруг Гидеон повернулся к ней с мрачной решимостью. На его лице не было и следа того радостного удивления, которое испытывала она. Вместо этого на нем отражалось недовольство, заставившее ее с опаской ждать того, что Гидеон собирался сказать.

— Шарлотта, мне нужно тебе кое-что сказать. — Он старался поймать ее взгляд. — Мне следовало сделать это раньше, но все произошло слишком быстро.

Шарлотта приготовилась к худшему.

«Я совсем его не знаю, — с недовольством сообразила она. — И придумала его таким, каким хотела».

— Если ты передумал насчет брака, Гидеон, я постараюсь убедить родственников дать тебе свободу. Я справлюсь с последствиями. Ответственность за эту путаницу на мне.

— Ты не поняла. То, что я собираюсь сказать и должен был сказать раньше, может заставить передумать тебя. Идем. Мы можем еще немного прогуляться.

Мрачное предчувствие переполняло ее.

— Я такая, какая есть, и не могу измениться, — оборонялась Шарлотта. — Я знаю, какого сорта красоту мужчина ищет в возлюбленной.

— Откуда ты знаешь? Стандартов красоты нет. Твоя красота...

— ...скромная.

— Я не согласен, — нахмурился Гидеон. — Могу я закончить?

— Да. Конечно.

— Я должен быть честным с тобой, — сказал он. — После смерти жены я больше не планировал жениться. Мы оба были молоды. И я ожидал, что у меня будет наследник мужского пола.

— Соболезную, Гидеон. Как ее звали?

— Эмили. — Он все еще держал Шарлотту за руку. — Она умерла от рака четыре года назад. — Они остановились под навесом ветвей. — Когда она умерла, все в моей жизни пошло наперекосяк. Брак наш был сговоренный, и мы оба стеснялись друг друга. Нам обоим не было и двадцати. Но потом она заболела, и я ничего не мог сделать. Она была милая. Ты бы ей понравилась.

— Ох, Гидеон.

— Я ничего не мог сделать, только смотрел, как она уходит. И потом я потерял мужество. Все подгоняли меня снова жениться. Но казалось, что поиски невесты требуют слишком больших усилий. В конце концов, Эмили я не искал. И поэтому я пил и куролесил два года после ее смерти.

Шарлотта чувствовала болезненную печаль, которую боялась показать. Она не желала смущать Гидеона своим сочувствием. Хотя и желала, чтобы он знал, что ее волнует его горе.

— Моя дочь совсем ее не помнит, — помолчав, сказал Гидеон. — А меня помнит еще меньше. Фактически она одновременно потеряла нас обоих.

Выдернув руку, Шарлотта недоверчиво уставилась на него:

— Дочь? Я не была уверена, что ее существование не слухи. У тебя есть дочь, и ты ни разу не упомянул о ней?

— Да, пятилетняя девочка, — кивнул Гидеон.

— Я не понимаю. Почему она не с тобой в Лондоне? Куда ты ее отправил? Одно дело держать в секрете любовницу, но свою собственную плоть и кровь? Ее угрожали убить?

— Она немного диковата, — признался он. — Никогда не сидит спокойно и... ты, наверное, ужаснешься, когда увидишь, как она карабкается на дерево.

— Нет, не ужаснусь.

— И еще она плюется. Ей нравится плевать в ничего не подозревающих прохожих.

— Похоже, за ней нет должного контроля.

И это, к радости Шарлотты, напомнило ей собственное детство. Она никогда не жалела, что братья вовлекали ее во всяческие приключения или вооружали луком и стрелами, чтобы играть в Робин Гуда. Но у их четверки были безумно любящие родители и роскошь общения друг с другом. Гидеон взглянул на нее. Впервые с момента их знакомства он показался Шарлотте неуверенным в себе.

— Можем мы подождать еще несколько дней со свадьбой, пока она не придет?

Шарлотта растаяла.

— Ох, Гидеон, я все время боялась, что ты тоскуешь о другой непристойной женщине, имя которой не упоминалось. Я понятия не имела, что ты скучаешь по своей дочери.

— Я бы хотел, чтобы ты думала о ней как о нашей дочери.

— Я люблю девочек.

— Предупреждаю, она немного прямолинейна для своего возраста.

— Видел бы ты некоторых девочек, которые прошли академию. Подумай о Харриет. Не хочу хвастаться, но я воспитала целую армаду юных леди.

— Судя по всему, у тебя также есть талант держать в рамках джентльменов.

— Это еще неизвестно. Куда ты ни повернешься, всюду искушения.

— Для тебя или для меня?

— Я, разумеется, имела в виду тебя.

— Разве Филипп не искушение?

— Ни в малейшей степени.

— Иди сюда на минуточку. — Его темные глаза вспыхнули. — За дерево, где нас никто не увидит.

— Как ее зовут, Гидеон?

— Сара, — ответил он и потянул ее к себе.

— Сара. — Шарлотта вздохнула и не сопротивлялась, когда он наклонился, чтобы поцеловать ее. — Должно быть, ей одиноко.

— Это ненадолго, — проговорил он, почти касаясь ее губ.

— Да. Я так хочу познакомиться с ней. Ох, Гидеон, я так на тебя сержусь.

— Как и все, — сказал он.

— Похоже, тебя это не волнует.

— А что я могу сделать?

— Взять на себя определенную ответственность как отец, я полагаю.

— Да, — сказал он, стойко выдержав ее критику. — Но дело в том, что ее бабушка перед смертью взяла с меня слово, что я не покажу ребенку жизнь, которую веду в Лондоне. Она сказала, что мне нужно или переменить образ жизни, или отдать Сару на попечение ответственных опекунов.

— Это я могу понять, — заметила Шарлотта. — Наверное, я бы тоже так поступила. Прислонившись к дереву, Гидеон задумчиво смотрел вверх сквозь сплетение ветвей.

— Я думал, что лучше оставить ее заботам достойных доверия слуг и позволить ей жить в сельской атмосфере, которую она всегда знала.

Шарлотта нахмурилась:

— Когда ты в последний раз видел ее?

— Не помню. Думаю, девять или десять месяцев назад. Я провел с ней Рождество. Весь день. Мы играли в куклы и объелись пудингом.

— Целая вечность прошла, — озабоченно покачала головой Шарлотта. — Не знаю, что с тобой делать.

— Делать из меня хорошего мужа и лучшего отца, полагаю. Хотя не рассчитывай на это. Я приучил себя жить ради удовольствий, как ты учила других жить в светском обществе. У меня не было намерения становиться лучше.

Джейн и Хлоя направились к тропинке, по которой ушли Гидеон и Шарлотта.

— Куда они пошли? — спросила Джейн.

Хлоя пожала плечами:

— Может быть, он забрал ее в свою карету. Я знаю одну девушку, которую отправили в провинцию за поцелуй с мужчиной в парке.

— И я ее знаю, — сказала Джейн. — А кто этот мужчина?

— Не помню.

Джейн покачала головой:

— Ты думаешь, что он... Нет, не в парке, где любой может вмешаться. Шарлотта никогда бы этого не позволила.

— Ты видела, как она на него смотрит? — спросила Хлоя. — Она сияет. Она влюблена, и что бы мы ни сказали, это ничего не изменит.

— Да, — вздохнула Джейн. — Но Шарлотта не специалист в тех играх, в которые герцог играет так виртуозно. Его потенциальная любовница явно не рада помолвке.

Глаза Хлои затуманились.

— Говоря о...

Они замолчали, когда впереди показались Габриэль Спенсер и немолодой джентльмен, который изо всех сил старался подстроиться к ее шагу.

— Не ходи по скользкой дорожке и распрями спину, Габриэль, — сказала ей вслед Хлоя. — Будет досадно видеть твое падение.

Габриэль разинула рот.

— И кто это мне советует? Не та леди, которая заперла мужчину в кладовке, чтобы добиться от него предложения руки и сердца?

— Ты выставишь себя дурочкой, если будешь гоняться за Гидеоном после свадьбы, — резко сказала Джейн.

— Возможно, это он станет гоняться за мной, — повела плечом Габриэль. — Он знает, где меня найти.

— И я тоже, — сказала Хлоя.

— Ему нужен наследник, и как только дело будет сделано, он покончит со своим долгом.

— Сомневаюсь, — едва сдерживалась Джейн.

— Я знаю его дольше, чем вы, — возразила Габриэль. — Он не из тех мужчин, кто лишает себя удовольствий.

Хлоя улыбнулась:

— Твоя беда в том, что удовольствия, которые ты можешь дать, можно купить на любом углу.

— Нет, — улыбнулась в ответ Габриэль. — У него изысканный вкус. Школьная учительница тут беспомощна.

— Он за весь день на тебя ни разу не взглянул, — сказала Джейн тоном, свидетельствующим о том, что Габриэль ждет от ворот поворот. — И даже если бы ты шагнула в озеро, вряд ли он это заметил бы.

Ранним вечером, когда Шарлотта обдумывала признание Гидеона, ее братья нанесли ей визит. Огден, дворецкий академии, соизволив улыбнуться, проводил двух повес в гостиную.

Джек, взглянув на Шарлотту, заметил у нее на коленях носовой платок и вздохнул.

— Я думал, ты счастлива, хотя помолвка, насколько я понимаю, была нетипичной.

Господи! Шарлотта, как ты во все это угодила?

— О чем ты плачешь? — Калев плюхнулся на кушетку рядом с сестрой. — Разве невесте не полагается поберечь слезы до свадьбы?

Джек уселся на кушетку с другой стороны.

— Ты все еще можешь выйти за Фил...

— Нет, — перебила его Шарлотта. — Не могу.

— Он уверяет, что перевернул новую страницу, — заметил Калев.

— А я скорее переверну камень и выйду за то существо, что прячется под ним, чем за него, — вспыхнула она.

Джек кашлянул.

— Разве Уинфилд не назвал Филиппа в театре слизняком?

Шарлотта заметила, как братья переглянулись.

— Уинфилд что-нибудь сделал, ты из-за этого плачешь? — помолчав, спросил Калев.

Она не хотела нарушать доверие Гидеона и рассказывать братьям о том, что скоро у нее появится дочь, прямолинейная девочка, которая плюет в прохожих и которую оставили на произвол судьбы. У Шарлотты сердце сжималось при мысли, что малышка росла без родителей.

Братья не поймут, что она плачет не о себе, а о Гидеоне и Саре, о молодой женщине, которую судьба забрала у них. Никто не может заменить мать. Что же удивительного в том, что ребенок плохо себя ведет?

Шарлотта раздраженно подалась вперед:

— Не наседай на меня с вопросами.

— Думаю, нам следует подготовиться, — сказал Калев.

— К чему? — прошептала она.

— Все началось с дневника, который исчез и неизвестно, найдется ли. Если это произойдет, нам будет нужно держаться и пережить это.

— Тебе легко говорить, — пробормотала Шарлотта.

— Дело сделано, — без сантиментов сказал Джек. — Наш дом пережил массу грандиозных скандалов, с тех пор как на свет появился первый Боскасл. Без сомнения, мы учиним и переживем их еще множество.

— Это самая длинная речь, которую я от тебя слышала...

Джек натянуто улыбнулся:

— Тогда пусть она будет последней, по крайней мере касательно твоей вины. Ты леди. И скандал, которого ты ждешь, не случится. Ты не могла написать в своем дневнике чего-то такого, что причинит тебе большие затруднения, чем мы навлекли на себя.

— Я бы за это не поручилась, — прошептала Шарлотта.

Джек вытащил из длинного сюртука чистый носовой платок и подал ей.

— Шарлотта, посмотри на меня. Разве репутация Хита погибла из-за того, что его жена рискованно изобразила его... гм... мужские части, а рисунок был напечатан и разошелся по Лондону?

Шарлотта прижала к лицу его носовой платок.

— Ну? — сказал Джек, ожидая ее реакции.

Она кусала губы, но, не сдержавшись, разразилась смехом.

— Не хочу быть непочтительной к Хиту, но... для мужчин все по-другому.

— Хорошо, — кивнул Джек. — Я сумел заставить тебя хоть на минуту отвлечься. А теперь о твоём предстоящем замужестве. Я так понимаю, что ты против этого брака не возражаешь.

— Нет, — сказала она, ее непристойное хихиканье стихло.

Калев поднял бровь.

— Тогда не все потеряно. И еще одно, Шарлотта.

— Да?

— Пусть это будут твои последние слезы.

Она проводила братьев к двери и вернулась в гостиную налить маленький стаканчик шерри и погасить лампу. Время было позднее, давно надо было проверить девочек и лечь спать. Но братья поддержали ее, к тому же подобные невеселые визиты не в мужской натуре, Шарлотта это хорошо знала.

Ничто не решено. Но все-таки она чувствовала себя лучше. Гидеон защитит ее от скандала, а дневник, наверное, бросил в Темзу какой-нибудь бродячий торговец. Но пока не найдется дневник, она не успокоится.

Уж кому, как не ей, знать...

Шум у окна прервал ее размышления. Он походил на легкий стук Гидеона. Шарлотта повернулась и, поколебавшись, поспешила отодвинуть шторы. Сначала она увидела только прижатую к окну руку. Он смотрел на улицу, потом, словно почувствовав ее взгляд, повернул голову. Ее поразила странность его поведения. Он ждал, когда ее братья уйдут? Она не могла толком разглядеть лицо в темноте. Это Гидеон? Или один из братьев забыл сказать ей что-то важное, что не может подождать до завтра?

Сэр Кристофер Фентон, войдя в свою фехтовальную школу, приказал помощнику откупорить бутылку портера и увидел, что Гидеон отрабатывает выпады в галерее.

— Ты здесь? Что случилось? — весело окликнул он его. — Не мог придумать причины навестить мисс Боскасл?

Гидеон мрачно взглянул на друга:

— Давай сегодня тренироваться без защиты. Тогда я смогу ранить тебя и притвориться, будто это случайность.

— Я тоже так думаю, — ответил Кит. — Только это я собираюсь ранить тебя, тогда у тебя появятся подлинные основания для сочувствия Шарлотты. Женщины любят заботиться о безрассудных мужчинах вроде нас.

— Не думаю, что нам нужно заходить так далеко.

Кит расплылся в улыбке.

— Ты пропустил несколько тренировок. Я бы встревожился, если бы мы не встретились в парке. Кое-кто из парней думает, что ты отказался от шпаги.

— Чему ты улыбаешься? — поднялся из выпада Гидеон. — После женитьбы я откажусь от большего, чем фехтование.

— Не вижу, чтобы к твоей голове приставили пистолет, — парировал Кит.

— И то, что ты работаешь на кузена моей невесты, не влияет на твоё мнение?

— Ну...

— И тот факт, — продолжал Гидеон, — что благодаря влиятельности Грейсона простолюдин вроде тебя теперь сэр Кристофер, а не просто Кит, не поколебал твою точку

зрения?

Кит прислонился к стене.

— Если ты так себя ведешь вдали от леди, не думаю, что хотел бы видеть вас вместе.

Гидеон пропустил сказанное мимо ушей. Он не собирался признаваться... что поддался бы искушению снова навестить Шарлотту, если бы смог придумать причину для визита.

Кита Фентона трудно было одурачить. Он с рождения был сиротой и рос в работном доме, где жил своим умом, пока его не взял к себе вышедший в отставку кавалерийский капитан. Именно капитан Фентон обратил фехтовальное мастерство Кита ему во благо.

Гидеон подозревал что мало есть на свете такого, чего не видел Кит за свою жизнь. Он изменил многих молодых людей, которых влекли губительные приключения. Он требовал от своих учеников, чтобы они серьезно тренировались и следовали кодексу чести.

Гидеон не сомневается в том, что сам был бы другим без влияния Кита.

Даже сейчас Кит видел его насквозь.

— Ты думаешь не о шпаге, Гидеон. Если не можешь сосредоточиться, отправляйся на прогулку.

— Не знаю, где я ендова окажусь.

— Тогда, ради Бога, отправляйся к ней.

— Нет, — покачал головой Гидеон. — Я не могу снова это сделать. Могут продумать, что я в отчаянии. — Они оба знали, что так и есть. — Я тебе рассказывал об инциденте в театре?

— Я видел бульварные газеты.

— Этот мужчина ее первая любовь. В свое время он не ответил на ее чувства.

— А теперь отвечает?

— К несчастью, да.

— И давно? День? Три?

— Что он может сделать? — сказал Гидеон с присущей ему аристократической небрежностью.

— Вызвать тебя.

— Меня бы это обрадовало.

Кит нахмурился, подтягивая рукава.

— Дуэль прямо перед свадьбой — это неприятно. Кровопролитие и бракосочетание несовместимы.

— Если мне не изменяет память, ты дрался на дуэли в день собственной свадьбы.

— У меня не было выбора, — поморщился Кит. — И не скромничай. Сомневаюсь, что смог бы сосредоточиться, не приглядывая ты за моей невестой.

— А что еще я мог делать? — пожал плечами Гидеон. — Ведь если бы мне пришлось драться, ты был бы моим секундантом.

— Как и любой в этом салоне. Но это не означает, что я поощряю тебя к дуэли.

Гидеон покачал головой, прислушиваясь к болтовне учеников и лязгу оружия внизу.

— Бывают времена, когда честь — слишком горькое варено, чтобы его проглотить.

— Любовь гораздо хуже, Гидеон. По крайней мере когда дело касается чести, человек получает предупреждение.

Гидеон насмешливо поклонился:

— Спасибо тебе, о мудрый король, за запоздалый совет, который не принесет мне ни капли пользы.

Он выпрямился, и его улыбка быстро исчезла, когда он заметил, что на галерею поднимается Девон Боскасл.

— А вот и моя фея-крестная. Думаю, он ждет, что я буду благодарить его за свою пропавшую жизнь.

Девон поднялся к ним по лестнице.

— Это способ поприветствовать родственника?

— Извини. Мне следовало назвать тебя злой феей.

Девона было невозможно обидеть.

— Кто-нибудь хочет попрактиковаться?

— Да, — сказал Гидеон, — стой на месте, пока я найду дротики.

Девон с одобрением присмотрелся к нему.

— Ты отлично выглядишь в последние дни, Гидеон. Бросил пить?

— Я выгляжу точно так же, как два дня назад. Чего ты теперь от меня хочешь, прохвост?

— Прежде всего я хочу извиниться за то, что называл тебя безнадежным бабником.

— Я этого не знал, — сказал Гидеон. — Но теперь мне действительно нравятся дротики. Или набор цыганских ножей.

Кит встал между ними, качая головой:

— Джентльмены, либо выясняйте отношения на улице, либо воздержитесь. А если жаждете действий, то лучше сдвиньте свои упрямые головы и сосредоточьтесь на поисках пропавших эпистол некой леди, чем снова устраивать скандал.

— Мир? — обратился Девон к Гидеону.

— Почему бы нет, черт побери? — протянул руку Гидеон.

— Чего ты ждешь? — спросил Кит Гидеона, спускаясь с галереи в салон. — Почему не идешь к ней? Когда ты в таком состоянии, пользы от тебя никакой. Мне доводилось встречаться со швеями, которые иглой орудовали опаснее, чем ты — шпагой.

Гидеон взглянул на Девона, который, пожав плечами, покачал головой и сказал:

— Не смотри на меня. У тебя есть брачная лицензия. Помнится, меня было не удержать вдали от леди, которую я желал.

— Иди, — сказал Кит. — Это неизбежно.

— Идиоты, — пробормотал Гидеон и вышел на улицу, где его ждала карета.

Он бы не посмел посетить академию ночью. Но с другой стороны, ему было неловко появляться там и днем. Компромисс? Да. Он просто проедет мимо дома.

И если повезет, мельком увидит в окне Шарлотту, этим придется ограничиться, пока не начнется следующая фаза ухаживания.

Женский визг пробрал Ника до костей. У него кровь застыла в жилах. Бедные соседи, ну и легкие у этой леди. Он бы не удивился, если бы от этого визга стекла в окне полопались. Споткнувшись, Ник отступил на клумбу, радуясь, что трезв, иначе обмочился бы со страху. Перепрыгнув через стену, он метнулся на улицу, отгоняя увязавшуюся за ним собаку.

— Прочь с дороги! — рявкнул кучер.

Ник не слышал стука копыт и колес подъезжавшей кареты. Он готов был поклясться, что его барабанным перепонкам здорово досталось.

Как и сердцу, которое грохочет в груди, как барабан на военном параде.

Кто бы мог предположить, что прекрасная леди, написавшая игривые страницы, способна испустить такой адский вопль? Ник так и не решил, кто предложит ему больше

монет за дневник и станет ли он вообще его продавать. Все, что он хотел, — это посмотреть на нее, увидеть лицо и формы леди, написавшей пылкие признания. Он представить себе не мог, как поступил бы, издай она такой вопль, оказавшись с ним под одним одеялом.

Ник остановился, упер руки в колени и медленно втягивал воздух, чтобы успокоить пульс. Она заметила его лицо? Он в этом сомневался. Сам он лишь мельком ее увидел, прежде чем она лишилась чувств.

Он, сплюнув в сточную канаву, пошел, обдумывая свое будущее. И очнулся, лишь когда банда юнцов выстроилась перед ним, спрашивая, что он запланировал на эту ночь и что им предстоит делать. Он смотрел на них и размышлял. Ник никогда не мог сосредоточиться на одной мысли. Пора ввязаться в добрую схватку на ножах и произвести впечатление на бездомных мальчишек, считавших его героем.

Глава 22

— Мисс Боскасл! Мисс Боскасл! — На Шарлотту с тревогой смотрела Дафна Пеппертри. — Шарлотта, скажи что-нибудь! Что случилось? Герцог вломился сюда и воспользовался...

— Больше ни слова! — ответила Шарлотта с кушетки, на которую Огден с лакеями перенесли ее, ворвавшись в комнату. — Лицо за окном.

— Лицо герцога? — самодовольным тоном допытывалась мисс Пеппертри.

— Нет, — ответила Шарлотта, стараясь сесть прямо. — Это было ухмыляющееся лицо с...

Мисс Пеппертри подозрительно принялась:

— Пахнет алкоголем?

— Ты уж...

Шарлотта недовольно оглядела юбку. Должно быть, в панике она опрокинула на себя стаканчик шерри. Как назло две или три девочки стояли, прислушиваясь, у двери.

— Где он? — прошептала мисс Пеппертри, сделав еще шаг. — Он прячется в этой комнате?

Шарлотта откинулась на подушки, нахмурившись от нелепого вопроса.

— Где ему тут спрятаться, Дафна? Есть тут хоть один предмет мебели, за которым может укрыться человек?

Мисс Пеппертри прищурилась. Без очков она дальше своего носа не видела, не говоря уже о том, что не могла отличить Гидеона от горгульи.

— Человек? — ахнула она, прижав руку к груди, туда, где полагалось трепетать от испуга невинному девичьему сердцу. — В окно смотрел незнакомый человек?

Шарлотта едва заметно кивнула, объяснения измучили ее почти так же, как само происшествие.

— Настоящий бродяга? Шарлотта, ты уверена?

— Да, — мрачно ответила она. — Его лицо... Ох, Дафна. Это выражение... не знаю, как его описать. У тебя бы на всю жизнь шок остался, если бы ты его увидела.

— Мне хватило шока, когда я услышала твой крик.

— Я была потрясена, — заикаясь, сказала Шарлотта.

— Это нас роднит. И я потрясена человеком, которого никогда не встречала. — Дафна с сочувствием смотрела на нее. — Ранкин отправился искать сэра Дэниела. Обычно он ночью

патрулирует. Вероятно, он в пабе. И говоря о... — Придвинувшись к Шарлотте, она снова принялась. — Шерри? Это от тебя алкоголем пахнет?

Шарлотта разглядывала темно-коричневое пятно на юбке.

— Пожалуй, что да.

Позор.

Она потеряла дневник, поймала герцога, а теперь выпила и устроила истерику из-за незнакомца за окном.

— Трентон, — сказала мисс Пеппертри лакею, беспомощно стоявшему у чайного столика, — осмотрите дом. И дубинку возьмите.

— Мне нехорошо, — сказала Шарлотта.

— Мне бы тоже было нехорошо, выпей я в такое позднее время. Вот уж не знала, что ты любишь приложиться.

— На меня столько всего обрушилось.

— Это всем известно. — Мисс Пеппертри подняла глаза. — Карета подъехала. Должно быть, это сэр Дэниел.

— Быстро он приехал, — сказала Шарлотта. — Дафна, найди стакан, который я уронила, и, пожалуйста, никому не рассказывай о том, что я пьяница. Поскольку я не успела даже глотка сделать.

— Возьми. — Мисс Пеппертри протянула ей подушку. — Прикрой пятно, чтобы сэр Дэниел не заметил. Мы же не хотим, чтобы он подумал, будто ты выпиваешь.

— Только этого не хватало.

Толпившиеся у двери девочки вдруг отступили в холл, чтобы дать дорогу прибывшему. У Шарлотты сердце подпрыгнуло, когда Гидеон уверенно и властно направился к кушетке. Она не знала, как и почему он появился здесь, но никогда в своей жизни не была так рада кого-либо видеть.

— Я заметил мчавшегося по улице Трентона. — Его резкий тон странно успокаивал. — Что случилось?

— Бродяга, ваша светлость, — пояснила мисс Пеппертри, прежде чем Шарлотта смогла ответить. — Как повезло, что вы оказались рядом.

— Ох, Гидеон, — прошептала Шарлотта, глядя в его встревоженное лицо. — Я в порядке.

Он опустился на колени у ее ног.

— Из-за чего вся эта суматоха?

— Мужчина... Он смотрел на меня в окно.

— Он ушел? — Гидеон поднялся, так разъярившись, что готов был кинуться в драку.

— Да. Я закричала, когда увидела его.

— Закричала? — вмешалась мисс Пеппертри. — Скорее завопила. Этот вопль был слышен в соседних домах и, возможно, даже в коридорах Уайтхолла.

— Как он выглядел? — спросил Гидеон.

Шарлотта прикрыла глаза.

— Ужасный, мерзкий, противный.

— Я имел в виду черты лица, Шарлотта.

— Оно было прижато к окну, Гидеон.

— Постарайся его описать. Какого цвета у него волосы?

— На нем была шапка.

— Какая?

— Не знаю. Темная. Шерстяная.

— А глаза?

— У него их два.

У двери возникло волнение, и вошел сэр Дэниел, торопливо поклонившись Гидеону.

— Что она сказала?

— Ужасный, мерзкий, противный мужчина в темной шерстяной шапке смотрел на нее в окно. Это все, в остальном от нее мало пользы.

— Ох, Гидеон, прости, меня это совершенно выбило из колеи.

Он сел рядом с ней на кушетку. Мисс Пеппертри неодобрительно поджала губы.

— Все хорошо, Шарлотта. Я здесь.

Он обнял ее. Очередное нарушение этикета, но ее это не волновало.

— Гидеон, — сказала она, уткнувшись в его теплое плечо. — Я думала, это снова ты. Пошла прямо к окну и отодвинула шторы как дурочка. Но это был не ты, а он. Я не знаю, как долго он наблюдал за мной.

— Что ты делала? — тихо спросил Гидеон.

— Я собиралась погасить лампу.

— Он что-нибудь сказал? — спросил сэр Дэниел, осматривая оконную раму.

— Наверное, что-то вроде «Черт побери!», но я не расслышала. — Шарлотта нахмурилась. — Он стучал в окно, видимо, чтобы привлечь мое внимание.

— А потом? — спросил сэр Дэниел.

— Я потеряла сознание. Я рада, что ты здесь, Гидеон. Мне теперь лучше. Напрасно я кричала. Нужно было выскользнуть из комнаты за подмогой. Но он меня напугал.

— Было в нем что-нибудь необычное, мисс Боскасл?

— Ничего. За исключением...

— Чего?

Она покачала головой:

— Я его только мельком видела.

Сэр Дэниел поднял глаза от своей записной книжки.

— Молодой или старый?

— Думаю, молодой.

— Высокий или низкий?

Шарлотта судорожно сглотнула.

— Высокий. Но он мог встать на кирпич на клумбе. Садовник будет в ярости.

— Подумайте хорошенько. Не торопитесь. Как он выглядел?

Она закрыла лицо руками.

— Ужасный, мерзкий, противный.

Гидеон терпеливо кивнул, забирая у нее с коленей подушку. Шарлотта потянула ее назад.

— Это мы уже выяснили. А его черты...

— Он ухмылялся.

— Ухмылялся? У него большие зубы? Желтые? Не хватает зубов?

— Я не рассматривала его зубы, Гидеон. Он застал меня врасплох, как ты прошлой ночью. Я бы к окну не подошла, если бы знала, что это не ты.

— Но я не ухмылялся.

— Это правда. Теперь я думаю, что он не показывал зубы.

— Хорошо, — спокойным тоном произнес Гидеон, — тогда что он показывал?

— Ничего из того, на что ты, похоже, намекаешь.

— Я понимаю, что это бестактный вопрос, — кашлянул сэр Дэниел, — но это важно.

Вы, случайно, здесь не раздевались?

— Это гостиная, сэр Дэниел.

Гидеон улыбнулся.

Шарлотта почувствовала, как у нее вспыхнули щеки.

— Я не раздеваюсь в гостиной, сэр. Я тут просматриваю счета. Читаю и пишу.

Сэр Дэниел с досадой покачал головой.

— Мой помощник опрашивает людей, которые могли проходить мимо, когда все это случилось. Если вы что-то вспомните, что может оказаться полезным, пожалуйста, пошлите за мной.

— Что, если он опасен? — вслух рассуждала Шарлотта. — Как вам известно, в прошлом году здесь похитили девочку. Это было ужасно.

— Я могу это засвидетельствовать, — вздрогнула мисс Пеппертри. — Теперь в этот дом входят лишь те, кого хотят впустить. — Она многозначительно посмотрела на Гидеона. — Возможно, нам следует ставить на страже лакея с пистолетом.

Шарлотта побледнела от такого предложения.

— Мы не можем допустить случайной стрельбы в доме, полном девочек.

Гидеон, нахмутив брови, поднялся.

— Те, кто тренируется со мной в фехтовальном салоне, часто добровольно охраняют благотворительные школы. Нужно предупредить сторожа, и пусть ночной патруль следит внимательнее, пока этого любителя подглядывать не найдут.

— Зачем кому-то подглядывать за мной? — изумилась Шарлотта.

Мисс Пеппертри надула губы.

— Для меня ответ очевиден. Ты в последние дни привлекла к себе внимание.

— Он мог подглядывать за тобой, — с негодованием ответила Шарлотта.

— Сомневаюсь, — возразила мисс Пеппертри, и Шарлотта услышала, как Гидеон пробормотал себе под нос «и я тоже».

— Ты могла бы остановиться у одного из своих кузенов, — сказал Гидеон и замолчал, приоткрыв шторы.

— Что там? — вскрикнула Шарлотта. — Он вернулся?

— Нет. Это всего лишь человек сэра Дэниела. Пожалуй, мне следует поговорить с ним.

Шарлотта встала. Теперь, когда первый шок от увиденного за окном лица прошел, она начала собираться с мыслями.

— Возможно, он проходил мимо, — признала она. — Просто...

Гидеон задвинул шторы.

— Мы можем передвинуть сюда шкаф в качестве временной меры. Что ты сказала, Шарлотта?

— Его лицо... оно показалось мне знакомым.

Гидеон резко повернулся.

— Ты уверена, что этот человек не из твоего прошлого?

— Абсолютно.

— Какой человек? — спросила мисс Пеппертри. — Вы хотите сказать, что еще кто-то

был?

— Я бы не закричала, будь это Филипп, — настаивала Шарлотта.

— Нет? А что бы ты сделала? — поинтересовался Гидеон.

— Я бы дождалась утра и известила своих братьев.

— И?

— И тебя.

Гидеона, похоже, не удовлетворил ее ответ. Шарлотта сочла везением, что сэр Дэниел вошел в гостиную раньше, чем Гидеон взвинул себя.

— Мисс Боскасл, кроме нескольких затоптанных роз, я не смог найти ничего, что помогло бы опознать этого человека.

— Есть еще кое-что, — сказала она, — но это звучит глупо.

— Возможно, ты будешь лучше соображать, когда выпьешь, — решил Гидеон.

— Я понимаю, это не имеет смысла. — Она мяла в руках подушку. — Но он смотрел так, будто знает меня.

— Мы найдем его, Шарлотта. А пока я не хочу, чтобы ты оставалась в этой комнате одна.

Глава 23

Отношения между герцогом Уинфилдом и мисс Шарлоттой Боскасл совершенно очаровали общество. Их приглашали на празднества, читали о них в газетах, глазели и сплетничали, когда они попадались на глаза.

Свадьбы членов двух благородных домов не каждый день случаются. Аристократия привлекает внимание. Где-то на земном шаре гибнет королевство. Рушится схема инвестиций. Война бушует на дальних землях.

Обо всех этих печальных событиях можно забыть ради нескольких часов светской свадьбы.

Составленный Джейн график мероприятий измотал бы прусскую армию. Все хотели видеть у себя романтическую пару, Шарлотта и Гидеон начали подумывать, что не доживут до свадьбы.

Обязанности в академии, попытки нанять новую начальницу школы, подготовка к свадьбе, встречи с портнихой, заказ полотенец и постельного белья с монограммой — все это так изматывало, что случались моменты, когда Шарлотте хотелось, чтобы Гидеон отменил какое-нибудь мероприятие. Тогда она просто рухнула бы в кресло и поспала.

Однажды вечером, когда Гидеон заехал за ней, чтобы отвезти на званый ужин, Шарлотта обнаружила, что он так крепко дремлет на сиденье, что у нее возникло искушение не только не будить его, но и самой вздремнуть. Присутствие Джейн удержало ее.

— Держитесь, оба. Что это за флирт, если вы будете выглядеть полумертвыми.

Гидеон шевельнулся и посмотрел на Шарлотту из-под полуопущенных век. Внезапно она почувствовала прилив сил.

— Куда мы снова едем? — потянулся он.

— На званый ужин к графу Стэнвуду, — с упреком покачала головой Джейн.

— Надеюсь, это не затянется на долгие часы, — заметил Гидеон. — Я завтра до полудня просплю.

— Не получится, — возразила Джейн. — Завтра рано утром мы присутствуем на благотворительной акции. А потом концерт на открытом воздухе и обед у Палтни.

В промежутках Шарлотта занималась академией, беседовала и изучала характеры претенденток на место руководительницы школы.

Образ появившегося за окном человека начал блекнуть. Она испытывала смущение, что учинила такой переполох. Стало легче поверить, что это был просто случайный прохожий, решивший удовлетворить свое любопытство, а не человек, намеревавшийся причинить ей вред, незнакомец, чьи глаза намекали на... Шарлотта могла подобрать только одно слово — интимность.

Но это невозможно.

Нет причин думать, что они когда-то встречались. Всю свою жизнь Шарлотта провела в укрытии. Что вызвало у нее впечатление прежнего знакомства? Невозможно, чтобы подобный человек нашел и прочитал ее дневник. То, что это сделал Гидеон, достаточно скверно. Мысль, что в ее тайный мир вторгся незнакомец, расстраивала, и Шарлотта гнала ее прочь.

Шарлотта почти жалела этого человека. Если он снова соберется потревожить дом, в атаку ринется целая армия слуг. Мисс Пеппертри взялась лично проверять окна каждый вечер.

Как-то Гидеон сопровождал Шарлотту, мисс Пеппертри и двух юных леди из академии в магазин.

— Бедняга заверещит, если вместо тебя увидит ее лицо, — сказал он.

— Это грубо.

— Она меня не любит, — сказал Гидеон, рассматривая филигранной работы серебряный сундук.

— Чепуха. Она вообще мужчин не любит.

— А как насчет тебя?

— Мне приходится их любить. У меня три родных брата и бесчисленное число кузенов.

Шарлотта притворно заинтересовалась выставленным в стеклянной витрине охотничьим рогом из слоновой кости.

— Интересная вещь, правда?

— Интересная? Да. Необходимая? Нет. — Гидеон оперся локтем на витрину. — Мне кажется, моя охотница, что ты уже загнала в угол свою дичь.

— Люди смотрят, Гидеон.

— Меня это не волнует.

— А как насчет девочек?

— Они притворяются, будто не замечают юнцов, которые заигрывают с ними.

— Где? — вытянула шею Шарлотта.

— С девочками все в порядке. Мисс Пеппертри контролирует ситуацию.

— Она контролирует тебя.

— Ты любишь меня так, как писала обо мне в своем дневнике?

— Нет.

— Нет?

— Я люблю тебя больше. Ты это хотел от меня услышать?

— Да. А теперь выбирай, что твое сердце пожелает.

Владелец магазина, сэр Годфри Мейтленд, узнав герцога, мгновенно возник перед ним

с любезной улыбкой.

— Мисс Боскасл. Ваша светлость. Как приятно видеть вас без шпаги, направленной в мою сторону.

— Простите, что? — заморгала Шарлотта.

— Разве ваш нареченный вам не рассказывал? Мы тренируемся в одной школе. Но бизнес так стремительно развивается, что у меня не хватает времени на спорт.

— Какой позор, — сказал Гидеон, прекрасно зная, что Фентон выставил напыщенного торговца из школы из-за личного дела.

— Я слышал, сами вы тренируетесь. Поздравляю вас с помолвкой, — ликовал сэр Годфри. — Надеюсь, вы не забудете этот магазин, планируя покупки. У нас есть серебряные сервизы, скатерти и часы. Веджвудский фарфор и сундуки из камфорного дерева с медными замками.

— Моя невеста интересуется охотничьим рогом, — сказал Гидеон.

— Нет, — взглянула на него Шарлотта.

— Рог чудесный, — сказал сэр Годфри. — Но он довольно тяжелый для такой изящной ручки. Возможно, леди заинтересуется нашей коллекцией «любовных» ложек из Уэльса[3 — Резная деревянная ложка с символами любви, верности и т. д., традиционный романтический подарок.].

— Как, милая? — улыбнулся Гидеон.

— Спасибо, не сегодня. Я ищу веер.

— Зачем? — спросил Гидеон. — Я в жизни не видел такого количества вееров, как у тебя.

— Леди нужен не один веер, если она намерена иметь полный гардероб, — пояснила Шарлотта.

— Разве они не все одинаковые? — удивился Гидеон.

— Господи! Конечно, нет, ваша светлость, — поспешил просветить его сэр Годфри.

— В конце недели у меня урок языка веера, — сказала Шарлотта. — Возможно, тебе захочется посмотреть, Гидеон.

— Не думаю, — поморщился Гидеон.

— Это искусство, — сказал сэр Годфри. — Следует знать, что леди разговаривает своим веером, если вы меня понимаете.

— Искусство? — недоверчиво протянул Гидеон.

— Ничто так не кружит джентльмену голову, как леди, сведущая в языке веера.

— Не знаю, как насчет вскружить голову, но она определенно может стукнуть веером по голове, чтобы ее поняли, — возразил Гидеон.

Шарлотта натянуто улыбнулась:

— В тот вечер положение было беспрецедентным.

— Игре веером учатся так же, как фехтованию, — сказал сэр Годфри. — В руках умелой женщины веер может сказать многое.

Гидеон уставился на Шарлотту.

Сэр Годфри подошел к прилавку и достал два разных веера.

— Этот, — он раскрыл черный веер, уперев руку в бедро как тореадор, — для траура. — Сэр Годфри поднял веер к глазам. — Можно спрятать слезы и все-таки выразить горе.

— А это, — Шарлотта взяла с прилавка кружевной, с перламутровыми планками, веер, — свадебный.

Сэр Годфри согласно качнул своим веером.

— Видите, ваша светлость, между невестой и женихом нарисован купидон?

— Хм. А я думал, это родившийся до свадьбы младенец.

— Мне нужен этот веер, — сказала Шарлотта.

— Безусловно, — согласился сэр Годфри.

— Он выглядит точно также, как тот, который у тебя есть, — заметил Гидеон.

— Каждый день и каждый вечер я использую другой веер, разве ты не заметил?

— Не это в женщине первым делом привлекает мой взгляд.

Шарлотта и сэр Годфри переглянулись, никто из них не отважился попросить Гидеона уточнить.

— Леди вряд ли может учить этикету, не имея под рукой целого ассортимента вееров, — помолчав, сказал сэр Годфри. — Чтобы продвигаться в обществе, нужно выучить секретный код.

— Код? — усмехнулся Гидеон. — Вы хотите, чтобы я поверил, будто дамы своими веерами передают сигналы, словно военные барабанщики?

— Без крайней необходимости леди этого не сделает; — сказала Шарлотта. — Учитывая ваш огромный опыт, ваша светлость, я полагаю, вы были предметом многих тайных разговоров.

— Может быть, — пожал он плечами. — Откуда мне было знать?

— Покажем ему? — взглянул на Шарлотту сэр Годфри.

— Непременно.

Легким движением сэр Годфри наполовину раскрыл черный веер и несколько раз легко коснулся лба.

— Это значит «Мои мысли всегда с вами».

— А это, — Шарлотта открытым веером дотронулась до левого уха, — «Будьте осторожны, за нами следят».

В ответ сэр Годфри несколько раз махнул открытым веером в свою сторону.

— Это «Я хочу с вами танцевать».

Шарлотта, держа закрытый веер в правой руке, указала на сердце.

— А это — «Я вас люблю». Чтобы показать, что разговор закончен, веер полностью раскрывают.

Сэр Годфри и Шарлотта продолжали урок. Гидеон, не проронив ни слова, стоял между трепещущими веерами, пока Шарлотта не шепнула:

— Ваша светлость, грубо не высказать комментарий.

— Извините, — покачал головой Гидеон. — Я так ошеломлен, что дар речи потерял. Подумать только, эти тайные разговоры велись всю мою жизнь, а я об этом и понятия не имел. Возможно, надо мной смеялись, танцуя менуэт, а я ни о чем не подозревал.

Надув губы, Шарлотта аккуратно положила веер на прилавок.

— Я бы хотела свадебный веер, сэр Годфри. И еще мне нужно по меньшей мере шесть вееров для церкви. Мыс его светлостью будем каждое воскресенье присутствовать на службе.

— Да? — спросил Гидеон.

— И дюжину тюлевых вееров с пасторальными сценами.

— Дюжину? — улыбнулся ей Гидеон. — Дорогая, у тебя только две руки, и у меня сотня идей, какое им найти применение.

— Остальные веера для академии, — улыбнулась сэру Годфри Шарлотта.

— До чего же я глупый, — сказал Гидеон.

Шарлотта притворилась, будто не слышит его.

— Пожалуй, дюжины мало. Пластинки часто ломаются во время занятий. На всякий случай давайте двадцать. О, и леди Сара... мне нужны подходящие веера для маленькой девочки.

Сэр Годфри сиял от удовольствия.

— Мудрое вложение, мисс Боскасл, его светлости повезло, что он нашел такую проницательную леди. Кстати, я получил новую партию дневников в кожаном переплете.

— Для чего? — поинтересовался Гидеон.

— Человек вашего происхождения, ваша светлость, должен сознавать значительность своей жизни и записывать все подробности в собрании элегантных дневников.

— В собрании?

— Историю следует фиксировать для потомства, — возвысил голос сэр Годфри. — Вообразите трепет своих потомков, когда через сто лет они прочитают размышления предков, которые без этого были бы всего лишь пылящимися на стене портретами.

Гидеон уставился на Шарлотту. Если потомки прочтут ее размышления, то ста лет не хватит, чтобы оправиться от шока.

— Восхитительная мысль, — сказал он. — Запишите веера на мой счет. А дневники пока подождут.

Сэр Годфри просиял.

— Все трепещут в ожидании герцогской свадьбы.

— В самом деле? — Гидеон взял Шарлотту за руку и потянул от прилавка. Краем глаза он заметил, что мисс Пеппертри и две юные леди живо прислушиваются к разговору. — Всего доброго, сэр Годфри...

— Насколько я понимаю, столик для игры в триктрак вас в медовый месяц не заинтересует?

— Благодарю, но у меня на уме другие игры с невестой.

Сэр Годфри поклонился.

— Всего наилучшего вам обоим. Почту за честь служить вам и впредь.

На следующее утро, спустившись вниз, Шарлотта обнаружила пакет, доставленный частным курьером. На миг ее переполнила надежда, что какой-то добросердечный незнакомец нашел и без лишнего шума переправил ей потерянный дневник.

Но когда, оставшись одна, она села за стол и развернула пакет, его содержимое оказалось куда более скандальным, чем ее неразумные «признания» в дневнике. Красной шелковой лентой было перевязано собрание детальных рисунков разнообразных эротических актов.

Подсунутая под ленту краткая записка гласила:

«Справочник для просвещенной жены, составленный Одри Уотсон.

С нежностью, Джейн».

— Ох! — Шарлотта, прижав руку ко рту, разглядывала рисунок, изображавший что-то, походившее на... Ракету? Направленную куда? — Ох!

Это хуже, чем любые ее писания. Или нет? Странно, но осознание, что она не единственная женщина на свете, которая скрывает запретные желания, успокаивало.

И все-таки она не оставит здесь эти рисунки, ведь кто-нибудь может их найти. Дафна умчится из академии как гончая, если узнает их содержание.

Шарлотта намеревалась вернуть их Джейн в тот же вечер. Грейсон устраивает в своем доме прием, чтобы официально отпраздновать помолвку.

Но у нее еще будет сегодня возможность несколько часов изучать рисунки в тиши своей спальни. А до этого времени она не посмеет выпустить их из виду.

Шарлотта знала, что ей предстоит, но из собрания миссис Уотсон следовало, что ей еще есть чему поучиться.

Глава 24

Шарлотта восхищалась греческими фресками, украшавшими стены Грейсон-Мэншн. Многочисленные зеркала добавляли блеска холлу. Можно прожить в этом доме всю жизнь и пропустить массу деталей вроде истории Одиссея, изображенной на коринфских колоннах, или рубинов, вделанных в трехъярусные канделябры.

Гости обедали за столом из черного дуба, под ногами у них лежал персидский ковер.

Французский повар Грейсона приготовил суп из зеленого горошка, приправленный зеленью, запеченную форель с трюфелями и французскими бобами. Армия лакеев подавала на десерт ананасовое желе и выдержанную в бренди клубнику со сливками.

Девон заметил, что позолоченный сервиз напоминает ему оркестровые тарелки.

— К вашему сведению, его вынули из хранилища в честь герцога, — возразила Джейн. — Потребовалось два дня, чтобы накрыть этот стол.

— Почему? — спросил Девон. — Так трудно бросить на него ножи и вилки?

— Разве ты не видишь, что все устроено по точным пропорциям? — нахмурилась Шарлотта. — И каждая тарелка и каждый бокал соразмерны со всем остальным на столе?

— И напиток, который вы осушаете, — добавила Джейн, — это старинное вино, а не дешевый эль.

Гидеон был готов согласиться с Девоном. Его не интересовало, что он ест и как это сервировано. Он ждал весь ужин, чтобы побыть с Шарлоттой.

Он посмотрел на нее.

Рассматривал ожерелье на ее изящной шее. Казалось, это безопасное место для взгляда — между ее лицом и искушающим декольте. Нет. Не безопасное. Гидеон почти слышал, как бьется ее пульс. И когда Шарлотта встречалась с ним взглядом, надеялся, что не сделает ничего, чтобы затуманить мечтательное сияние ее глаз.

Он ждал, пока кончится пьеска, разыгранная в амфитеатре актерами театра «Друри-Лейн». Ждал, пока гости отправятся за карточные столы или в беседку выпить шампанского и поговорить о подешевевшем фунте и влиянии иностранных рынков на процветание Англии. Война закончилась, но истощила экономику. Многие потеряли дома, доход, последнюю надежду. Безработные солдаты заполонили улицы. Фабрики закрывались одна за другой.

Вскоре голоса стихли.

Гости без Гидеона и Шарлотты явно не скучали.

— Это заговор оставить нас одних.

— А мы об этом просили? — сказал Гидеон, когда они неторопливо подошли к винтовой лестнице. — Что там, наверху?

— Итальянская галерея.

— Я о ней слышал. Посмотрим?

— Да. — Шарлотта начала подниматься по ступенькам, легко касаясь пальцами перил, и он, конечно, последовал за ней. Джентльмену полагается идти позади дамы, чтобы поддержать ее, если она оступится.

Но когда они вошли в освещенную галерею, Гидеон отбросил всякое притворство и привлек Шарлотту к себе. Его губы искали ее губы, руки соскользнули с ее плеч к бедрам, прижимая ближе.

— Шарлотта, — прошептал он. — Я весь вечер думал только о тебе.

Шарлотту все больше и больше занимали мысли о том, что произойдет, когда он лишит ее девственности.

Насколько она понимала, все это пока только прелюдия к страстному акту, откровенно проиллюстрированному в сборнике миссис Уотсон, который Шарлотта внимательно изучила, прежде чем отдать на хранение Джейн.

Шарлотта запустила пальцы в волосы Гидеона. «Огонь с огнем». Она стремилась следовать этому совету, но что произойдет, когда огонь превратится в пожарище? От поцелуев Гидеона она падала в адское пламя собственного желания. Они распалили в ней жажду других удовольствий, заставляя трепетать и молча молить его о прикосновениях.

— Ты сегодня в игривом настроении, — шепнул Гидеон, уткнувшись в ее волосы. — Жаль, что я этого раньше не знал, я бы позаботился.

— Ты заставляешь мои ноги слабеть, — в ответ прошептала она. — Думаю, ты уже знаешь это, но мы не одни в этом доме.

Она чувствовала тепло его тяжелых рук, их силу, когда, поглаживая, они словно налагали печать на то, что будет принадлежать только ему одному.

— Нам надо прилечь, — сказал Гидеон с улыбкой. — Только на случай если ты почувствуешь слабость.

Подхватив Шарлотту под ягодицы, он понес ее к ' кушетке и поцеловал, прежде чем опустить. Она приземлилась в изящном беспорядке серебристого газа и розового шелка. Ее пышная грудь поднималась и опадала в ритме затрудненного дыхания. Голубые глаза не отрывались от Гидеона, невинный взгляд сменился приглашением.

— Какой чудесный вид, — сказал Гидеон, сев рядом с ней.

Повернувшись, Шарлотта поняла, что оказалась в ловушке между его сильным торсом и подлокотником кушетки.

— Посмотри на меня.

Ее сердце затрепетало от незамаскированного намерения в его глазах. Гидеон медленно опустил голову. Дурманящее прикосновение его губ к ее губам приносило счастье. Было в этом мужчине что-то, от чего у нее голова шла кругом.

Его пальцы ласкали ее щеку, убаюкивая и уговаривая уступить. Его губы соблазняли ее душу, обещая преданность и действие. Волна ошеломляющего желания помчалась по ее венам.

Он устался на нее, полулежавшую, с задрожавшими на бедре юбками.

— Думаю, сегодня тебе нужно больше, чем несколько поцелуев.

— Правда? — Она смотрела ему в глаза.

— Я могу дать тебе все, что тебе нужно.

— Не сомневаюсь.

— И ты мне нужна.

Почему он сразу этого не понял? Он рад ее обществу днем. А ночью она будет чувственным вызовом, который потребует умения и чуткости. Лучшей кандидатки в жены он не найдет. Шарлотта заслуживает медленного знакомства с удовольствиями, которых прежде не знала.

Гидеон подсунул руку ей под плечо, придвигая к себе. Теперь она достаточно близко, чтобы другой рукой проникнуть под платье, погладить бедро и мучивший его воображение теплый треугольник между ног. Его мышцы напряглись в ожидании.

Лаская, он услышал ее судорожный вдох.

— Это я называю охотой за сокровищами, — прошептал он, зачарованно глядя ей в глаза. Его пальцы скользнули между складок и осторожно продвигались вверх.

Шарлотка закрыла глаза, захлебываясь собственным желанием.

— Вот что тебе нужно. — Его палец двигался все быстрее. — Просто позволь мне показать тебе. Раздвинь немного ноги, чтобы я мог порадоваться твоему финалу.

Его плечи напряглись. Он мог взять ее, даже когда они оба одеты. Но не хотел, чтобы она испытывала хоть какой-нибудь стыд и дискомфорт во время первого любовного соития. Сейчас не время и не место. Когда придет момент, он снимет с нее покровы, целуя и пробуя на вкус каждый дюйм ее тела. Он будет взвинчивать ее возбуждение, пока она не станет умолять его. Пока душевная боль, которую он отвергал, не станет нарастать и невыносимо искушать его.

— Гидеон, — стонала Шарлотта, закрыв лицо руками, — у меня сердце разорвется.

— У меня тоже, — шепнул он, ускоряя движения. — Отдайся чувству. — Положив голову на ее поднятое колено, он смотрел на ее лоно.

Ее бурная реакция взволновала его. Ее страсть с каждым разом становилась необузданнее. Шарлотта покачивала бедрами, как сирена. Она двигалась, как вел ее инстинкт, ее ответ был столь соблазнительным, что у Гидеона дыхание перехватило, и он сам был всего лишь в одном миге от того, чтобы погрузиться в ее прелестное тело.

Расстегнув корсаж, Гидеон наклонился к ее груди и посасывал набухшие соски.

— Гидеон, я не могу...

Он сел и хрипло вздохнул, когда ее тело стали сотрясать спазмы. Ее соски потемнели, глаза округлились и затуманились. Дрожая, она прильнула к нему.

— Гидеон! Это было... ох...

Он откинулся на кушетке, неохотно убрав руку с ее теплой плоти.

— Да уж.

Она с любопытством взглянула на него:

— Но я не доставила удовольствия тебе.

— Доставила. — Гидеон поднялся. — Ты даже не представляешь себе какое. Надеюсь, что ты быстро это поймешь.

Шарлотта смотрела на его руки, пока он поправлял ее платье.

— Это искусство, которому мне следует научиться?

— Научиться? У тебя врожденный талант к постельным утехам.

— В свете есть жены, которые отдают целые состояния за уроки миссис Уотсон, — поколебавшись, сказала Шарлотта.

Она выглядела взъерошенной и хрупкой.

— Ты достаточно искушаешь и без профессиональных наставлений, — улыбнулся он. — Мне нравится, что у меня есть преимущество. А теперь давай спустимся вниз, пока нас не начали искать.

— Прости, Гидеон, — со смехом прошептала она, когда он поднял ее на ноги.

— За что?

— За то, что тащу тебя к алтарю.

— Ты видишь на мне цепь с чугунным ядром? Перед тобой человек, который не имеет ни характера, ни средств выразить свои возражения? Я вступаю в этот союз не против воли, дорогая.

Шарлотта смотрела на него, обдумывая его слова, затем подняла руку и погладила ямочку на его подбородке.

— Я вижу человека, который скрывает свое сердце.

— И в тебе есть гораздо больше, чем видит глаз. — Гидеон улыбнулся. — Напомни мне, чтобы я больше никогда не доверял первому впечатлению.

Глава 25

Милли ссутулилась в углу перед треснувшим зеркалом, застегивая платье на спине.

— Я снова опаздываю, — пробормотала она. — Нет ничего хуже, чем джентльмен, которому отказали другие девушки. Я не возражала, когда за мной кто-нибудь присматривал, — сказала она своему отражению в зеркале. — А теперь я могу лишиться жизни за полсоверена. Ты меня слышишь, Ник? Эй, очнись!

Лежа на голом полу, он поднял глаза от раскрытого на случайной странице дневника.

— «Расчеши пальцами мои шелковистые локоны».

— Что? — лениво спросила Милли, подтягивая хлопковый чулок, сползший ниже колена. — Только не говори, что опять вшей наловил.

— Черт, — проворчал Ник. — Оказывается, это романтично.

— Ну уж нет, выбирать гнид я не считаю чудесной затеей. Ты окончательно помешался на своей болтливой леди, которая упала бы в обморок, коснись ты ее. Ты говорил, что эта книжка сделает нас богатыми. Пока она только сделала тебя дураком.

Ник никогда не читал таких слов. Как она так складно их подбирает? Как эта леди лишила вожделение отвратительности? Ник считал, что светские господа считают это чем-то низким.

Он никогда не предполагал, что женщина может так думать. Может, она ненормальная? Это ему понятно. Никогда в жизни он не встречал здравомыслящей женщины, включая и его мать.

И никогда в жизни не читал он таких красивых слов. Хотя лихо трещал на жаргоне в своей норе с приятелями или на углу улицы перед увлеченной аудиторией, когда бутылка идет по кругу.

Не было другого способа выжить на улицах, где он родился нежеланным и умрет неоплаканным.

Ник повернулся на спину и смотрел в окно.

— Сапфиры. Это цвет ее глаз.

— Тех самых, которые едва не выскочили из орбит, когда она увидела тебя в окно? Ты окончательно рехнулся, Ник. С тех пор как ты украл эту чертову книжку, ты мало занимался работой. Никогда не думала, что доживу до того дня, когда ты рассиропишься.

— Разве не я украл чулки, которые сейчас на тебе? — фыркнул он.

— Подумаешь, чулки! Мой четырехлетний племянник стянул на рынке дорогую шаль.

— Ну и заткни ею себе рот, — огрызнулся Ник, когда Милли поплелась к ступенькам, ведущим на улицу. — Оставь меня в покое.

Он стиснул зубы и закрыл глаза, ожидая, когда она с грохотом захлопнет дверь. Милли так и сделала. Штукатурка посыпалась ему на лицо и открытый дневник. Он выпрямился и сдул мусор со страниц. Только он спрятал дневник под половицу, как на ступенях подвала послышался стук каблуков.

— Что ты теперь забыла?

— Я забыла, как пахнет это место, — едко ответил голос от бесцеремонно распахнутой двери. — Ты что, даже горшок не вылил?

У него глаза округлились, когда на верхней ступеньке появилась стройная фигура.

— Ну и ну! Разрази меня гром, если это не герцогиня на чашечку чая пожаловала. Что привело тебя в трущобы, дорогуша? Скучаешь по старым приятелям?

Его старая подруга Харриет поднесла к носу кружевной платочек.

— Ты закапываешь свои жертвы под кроватью?

— Смотри, куда наступаешь, — приподнялся на локте Ник.

— Какая отвратительная дыра, — сквозь платок сказала Харриет.

— Я скоро перееду, — сказал Ник. — У меня есть кое-какой товар на продажу, и тогда я красиво заживу.

Харриет придвинула к кровати колченогий стул.

— Я ищу пропавший дневник, — без преамбулы объявила она.

Он присвистнул.

— Никогда не знал, что ты его ведешь. Должно быть, в нем шокирующие истории. О тебе и обо мне.

— Это важно, Ник. Дневник рано или поздно выплывет. Если я найду дневник раньше, чем кто-то узнает его содержание, будет награда и никаких вопросов.

Ник всматривался в ее лицо.

— Что это принесет?

— Пять тысяч фунтов из моего кошелька.

— Это все?

— Что ты хочешь этим сказать? Можно подумать, тебе такие деньги каждый день предлагают.

— Ты и я, — тихо произнес он, — какой отличной парой мы были.

— Ты знаешь, где он?

— За пять тысяч фунтов я даже не вспомню, о чем речь. Мы с тобой имели намного больше этой несерьезной суммы, проникая в дома. Я скучаю по тем временам. И никогда не забуду ночь...

— Я здесь не для воспоминаний. — Харриет отодвинула ногу, когда Ник хотел схватить ее за лодыжку.

— Кто больше всего хочет заполнить его?

— Особа, которая его написала, — ответила она. — Дневник важен только для... для владельца.

— Тогда зачем кому-то еще хранить его?

Харриет прищурилась:

— Больше я тебе ни слова не скажу, зная, как ловко у тебя голова устроена для дела и сердце для зла.

Он хохотнул:

— Я имею дело с драгоценностями. Серебром. Золотом. А не с книжками.

— Награда может возрасти, Ник.

— Значит, поднимется и цена, — ухмыльнулся он.

— Открой глаза.

Он откинул с лица волосы и пригладил их.

— Кто автор?

— Моя дальняя родня.

— Когда-то мы с тобой были семьей. Никогда не думал, что ты откажешься от этого ради красивого титула и замка на чужой земле.

— В Уэльсе, Ник. И мой муж не иностранец. Ты знаешь все, что происходит на улицах. Если дневник кто-то украл, новости об этом в конечном счете появятся.

— Кто станет красть книгу?

— Книги красивые, Ник.

— Дерьмо. Пардон за резкое выражение.

— Это приватный дневник. И содержит мысли, которые могут сильно смутить особ, которых я люблю.

— Ах, какая трагедия. Предвестие позора. В твоем распоряжении все лорды. А уладить кризис призван бедный Ник. Хочешь пойти со мной в паб?

— Нет, — нахмурилась Харриет.

— Почему? — Теперь он обиделся.

— Потому что от тебя разит дрянным джином, потому что у тебя дыра на рубашке и ты неотесанный чурбан, вот почему.

— Знаешь, я умею читать.

— Тогда почитай развешанные сегодня утром плакаты, объявляющие о награде за поимку одного вора. Тебя повесят, если ты не изменишь жизнь. И ты знаешь это не хуже меня. Может быть, если ты хоть раз сделаешь добро, кто-то во власти даст тебе еще шанс.

Ник посмотрел ей в глаза:

— Ты ловко говоришь, милая. У тебя всегда язык был хорошо подвешен. За тобой на столике Библия. Возьми ее. И осторожнее, не столкни бутылку джина.

Она заколебалась, затем поднялась, чтобы взять Библию.

— Ты собираешься поклясться на ней? — Харриет осторожно шагнула к нему.

Не поднимая глаз, он покачал головой:

— Нет. Не сегодня. Но сделай одолжение, уходя, сунь ее в щель, чтобы плотнее закрыть дверь. Меня в дремоту клонит, и я не хочу, чтобы сюда ввалилась еще одна женщина и своими разглагольствованиями нарушала мои грезы.

Подняв глаза, он сверкнул улыбкой, от которой обычно девушки слабели.

Харриет медленно опустила руку и положила Библию на кровать рядом с ним.

— Прогнило что-то в датском королевстве, Ник Риделл. Это так же верно, как то, что я стою перед тобой. Я еще не знаю, во что ты вляпался, но, клянусь, ты увяз уже по колено. И если я узнаю, что ты обманул мое доверие, я тебя найду и шкуру спущу, так что твоя улыбка окажется на заднице.

Почти смеркалось, когда Гидеон вышел из своего дома. Он ожидал визита сэра Дэниела и пока ждал, сообразил, что не спросил уличных торговцев, не находили ли они недавно что-нибудь интересное в сточных канавах. Торговка салатом покачала головой и поспешила прочь, даже не попытавшись продать свой увядший товар. Мясник проехал на старой лошади с корзиной свиных ножек. Гидеон поднял руку, чтобы остановить его, но тот притворился, будто не заметил. Люди вели себя так, будто опасались его.

Он был груб с представителями другого класса? Возможно, он кричал громче, чем следовало, когда продавец пряников встретился ему у порога.

Почему его должно волновать, что думают о нем незнакомцы? Если не считать того, что Шарлотта — совершенная незнакомка. Гидеон не понимал, что его поведение обижало людей, и не знал, как Шарлотте это удалось, но она заставила его ценить ее мнение о нем.

— Ваша светлость! Ваша светлость!

Он уставился на пожилого джентльмена, жестикулирующего тростью посреди улицы. Это был старый майор Болтон, вдовец, живший напротив Гидеона.

— Можно вас на минуточку?

— Да. Да, но не посреди улицы. Вас же переедут. Я думал, вы уехали.

Трость взлетела вверх.

— Мне чертовски повезло, что я уехал, иначе меня убили бы в собственной постели. Знаете, меня ведь ограбили. Вы не заметили каких-нибудь подозрительных личностей?

Гидеон увидел направлявшегося к ним сэра Дэниела.

— Нет, майор. Но есть кое-кто, кто способен вам помочь.

— Что случилось? — Сэр Дэниел уклонился от трости майора.

— Меня ограбили на прошлой неделе! — крикнул майор прямо ему в ухо. — Это случилось, когда меня не было в городе. Дворецкий даже не знал, что в дом проникли, все выяснилось утром, когда горничные проветривали верхние комнаты.

— Что пропало? — спросил сэр Дэниел.

— Сапфировое ожерелье моей жены. Несколько банкнот и моя серебряная табакерка. Это я точно знаю. Вор мог забрать еще что-то. Но все перечисленное хранилось в моем гардеробе. Видимо, вор спешил.

— Или он просто профессионал. — Сэр Дэниел смотрел через улицу. — Как он вошел в дом?

— Не знаю. Дверные замки целы. Думаю, он вскарабкался по стене, чтобы обойти дом сзади. Плющ на стене поврежден, но, возможно, это кот герцога снова гонялся за кошкой.

— Вам нужно подать официальное заявление, — сказал сэр Дэниел. — И поставьте рычажные замки, если вы еще этого не сделали.

— Замки в полном порядке, — настаивал майор.

— Это говорит о том, что пользовались отмычкой. А что до вас, ваша светлость, возможно, вы стали жертвой того же грабителя, который ошибочно решил, что раз в доме темно, то вас нет.

— Вы в это верите? — нахмурился Гидеон.

— Это логично.

— Я понятия не имел, что вас тоже ограбили, — сказал майор, опустив трость. — Хотя если быть совершенно откровенным, ваша светлость оказывает гостеприимство юным леди в темноте. Трудно сказать, дома ли вы и сколько людей гостит у вас одновременно.

Гидеон кашлянул.

— Дни или, точнее, ночи моих развлечений в темноте подошли к концу. Я вскоре женюсь, сэр.

Что не означало, что Гидеон не затеет какой-нибудь шалости в темноте, только это будет приватная игра с одной персоной.

— Жаль, что у меня нет информации, случились ли на этой площади другие ограбления, — после долгой паузы сказал сэр Дэниел. — Мне нужно навести справки. И полагаю, майор, вы и ваши слуги постараетесь припомнить подозрительных персон, которых вы могли заметить по соседству, возможно, даже месяц назад.

— Я сделаю это прямо сейчас. Сомневаюсь, что кто-нибудь из нас сможет спокойно спать, пока негодяя не схватят.

Как только майор ушел, Гидеон пригласил сэра Дэниела в дом.

— Вы что-нибудь узнали?

— Да.

— Что?

— Что дневник украл скорее всего профессиональный вор.

На Гидеона это не произвело впечатления.

— Это немалое открытие, ваша светлость. Оно сужает круг подозреваемых.

— Я могу понять кражу сапфирового ожерелья. Но украсть дамский дневник? Из моей кареты?

— Возможно, преступнику помешали, и он схватил дневник, не зная, что это. Он мог прятаться в вашей карете перед кражей или после нее. Ожерелье наверняка скоро появится в какой-нибудь лавке или ломбарде.

— А дневник?

— Будем надеяться, что он уничтожен.

Гидеон вздохнул:

— Вы в это верите?

— Разумеется, нет.

— Вот и я тоже, черт побери.

— Интересно... — Сэр Дэниел умолк.

— Что вам интересно? — спросил Гидеон, жестом подбадривая его. — Говорите, что у вас на уме. У меня нет терпения строить домыслы.

Сэр Дэниел смутился.

— Допустим, это была умышленная кража. Хотелось бы знать, что в этом дневнике такого, что человек пошел на преступление.

Гидеон заставил себя сдержать реакцию. Он не собирался рассказывать о том, что был объектом скандального содержания дневника.

— Могу лишь надеяться, что он будет возвращен раньше, чем появится ответ на этот вопрос.

— Гм!

— Что «гм»?

— Я говорю вам это потому, что юная леди — ваша невеста и, похоже, между вами нет секретов, но мисс Боскасл призналась мне...

Гидеон сурово посмотрел на него:

— Продолжайте. Нет причин ходить вокруг да около.

Сэр Дэниел покачал головой:

— Она дала мне понять, что содержание дневника можно считать двусмысленным. Но, учитывая ее безукоризненную репутацию, сомневаюсь, что ее писания могут вызвать переполох.

Гидеон про себя улыбнулся.

— Ваша светлость?

— Да, да. Я согласен. Она, должно быть, переутомилась, если призналась в этом.

— Переутомилась, — кивнул сэр Дэниел. — Но теперь мне интересно...

— Что именно? — спросил Гидеон.

— Это лицо в окне. Как вы полагаете, что-нибудь в ее дневнике могло привлечь нежелательное внимание?

— Да, — после паузы ответил Гидеон.

Что еще он мог сказать? Несколько отрывков, которые он прочел, привели его в восторг. Почему бы другому мужчине не отреагировать так же? Он не собирался сообщать это сэру Дэниелу, надеялся, что дневник без шума вернется к Шарлотте. А если этого не произойдет, он сделает все, что в его силах, чтобы защитить ее от всех неприятных последствий, с которыми она может столкнуться.

Глава 26

Извинившись перед гостями, Одри ускользнула в свои private покои. У нее сегодня целая толпа, включая молодого, с сильной мужской харизмой графа, чьи глаза мгновенно соблазнили ее. По его виду было понятно, что он хочет, чтобы сегодня ночью она была в его постели. Одри не помнила, когда в последний раз спала с гостем.

Она сняла украшения и подошла к окну. Ее Немезида сегодня вечером не появился, но Одри готова была поклясться, что чувствует его присутствие. Или она надеется, что он вернется? Это опасно. Нужно немедленно подавить это желание. Одри хорошо знала, что сэр Дэниел хочет, чтобы она была женщиной без прошлого, без голоса или самостоятельного выбора. Она никогда не откажется от обороны, выстроенной против любви. Однажды она попала в ловушку оскорбительного брака, сломленная мужчиной, который предал и ее, и свою страну. Сейчас это казалось чужой жизнью. Тогда она угрожала выдать мужа как предателя. В ответ он запер ее в винном погребе их лондонского дома.

Однажды ночью она узнала голос близкого друга, чье похищение и пытки однажды организовал ее муж.

Это был полковник, лорд Хит Боскасл.

Благородный, умный, прошедший испытания, о которых никогда не рассказывал, Хит спас Одри и положил конец жестокости и предательству ее мужа. Она уважала Хита, восхищалась и обожала его, но он не любил ее, и она не потеряла голову из-за мужчины, который не ответил ей взаимностью.

Она была решительно настроена сама распоряжаться своей жизнью. Радовалась

обильному и постоянному потоку друзей, деньгам и веселой профессии, которая, как это ни удивительно, принесла ей уважение. Когда женщина играет с мужчинами только ради удовольствия и прибыли, сумятицы эмоций не бывает.

Сэр Дэниел Мэллори был занозой в ее боку.

— Мадам. — В боковую дверь скользнула горничная со стопкой нагретых полотенец. — Вы сегодня развлекаетесь?

— Нет, Фанни. Я собираюсь почитать в постели.

— Он опять на углу?

— Нет, — ответила Одри, но ей померещилось, что из паба на углу появилась фигура в капюшоне. — По крайней мере я на это надеюсь.

— Сэр Дэниел постоянен. Он вернется.

— Представить себе не могу, почему он тут задерживается. У меня нет для него никакой информации. И он ненавидит этот дом.

— Ему ненавистно видеть вас здесь.

— Он думает, что моя профессия опасна. — Одри с горькой улыбкой откинулась на диване. — Он понятия не имеет, как опасно быть мужней женой.

— Не все мужчины монстры, мадам. — Фанни зашла за диван, чтобы вытащить шпильки из темно-рыжих волос Одри.

— Я знаю. Но в моем возрасте нормальные уже женаты.

— Сэр Дэниел не женат.

— Граф все еще в доме?

— Да. Правда, я не знаю где.

— Ах. Он не мог ждать.

Прикрыв глаза, Одри потягивала вино. Прошлой весной она отвергла предложение Дэниела, уверяя, что не может быть подходящей матерью для его племянника и племянницы, которых он взял под свое крыло. Она даже не смогла сохранить его ребенка, которого носила. А когда Дэниел высказал предположение, что выкидыш вызван ее порочными привычками, она положила конец их роману.

Он был вне себе от гнева, обвинял ее в неверности и аморальности, не дав шанса объяснить, что она никогда не могла выносить ребенка положенный срок. Он не простил ей эту потерю. А она не простила того, что он так и не понял, что и она горюет об этом. И того, что он не верил ей, когда она клялась, что была ему верна.

— Я уверен, что ребенок — это неудобство для женщины с вашим общественным положением, — заявил тогда он.

— Мы оба приняли меры, Дэниел, — ответила она, пряча собственную боль и гнев. — Я не желала беременности. Как и не искала способов прервать ее.

— Я сделал вам предложение, которое вы отвергли. Мне не следовало удивляться, что беременность моим ребенком вас обижала, поскольку в вашу постель стремились более влиятельные мужчины.

— Я знала, что это будет ошибкой, — ответила она ледяным тоном. — Потеря ребенка меня опустошила, но теперь у вас нет причин возвращаться.

Раненые, они оба ретировались, она — в прибыльную распущенность полусвета, он — к своей задаче очистить улицы города от криминала и наказать преступников.

— Пропавший дневник для него лишь оправдание, чтобы докучать мне, — сказала она, когда Фанни, приподняв волосы, положила ей на плечи теплое полотенце.

— Думаю, он все еще любит вас.

— Любит? Он грозил обнародовать список постоянных посетителей, которым я гарантировала конфиденциальность. Он назначил себя моим судьей, потому что я сделала ошибку, разделив с ним постель.

— Что мне сказать, если он снова захочет вас видеть? — озабоченно нахмурилась Фанни.

— Мимо охранников он не пройдет. А если станет упорствовать, мы уведомим власти.

— Никто его не арестует, мадам.

— Это верно. — Губы Одри изогнулись в насмешливой улыбке. — Но и меня никто не арестует. Однако это не означает, что он не может создать кучу неприятностей. Я тебя спрашиваю, это поведение человека, который меня любит?

— Может быть. Хотите переодеться перед сном?

— Нет. Достань мое темно-красное платье. Я не могу отправляться в постель так рано из-за того, что ловец воров не одобряет моей профессии.

— Шелковое или атласное?

— Шелковое. И, Фанни, если сэр Дэниел сегодня появится у дверей, пусть стражники объяснят ему, что впредь он должен договариваться о встрече.

Глава 27

Готовясь войти в класс, Шарлотта собиралась с силами, чтобы попрощаться. В последние дни в школе она держалась изо всех сил, чтобы не сломаться перед девочками. Она не признается им, что теперь, когда все сказано и сделано, она сомневается в том, что осведомленность в языке веера сильно повысит их шансы на ярмарке невест. Шаги, ведущие к предложению руки и сердца... Она не могла дать своим ученицам на этот счет ни полезного совета, ни рассказать свою собственную случайную стратегию. Шарлотта была решительно настроена оставить в академии впечатление достоинства и уверенности. К несчастью, сама она не оказалась столпом добропорядочности, когда ее благопристойный мир разбился вдребезги.

Девочки уважали ее. И она будет по ним скучать. Это счастье, что их невинные умы не могут понять запуганную ситуацию, которую она создала своими греховными хрониками. И счастье, что пока никакие отголоски скандала не достигли ушей их родителей.

Ее ученицы смотрели на нее как на образец. И она до последнего дыхания будет защищать их нежные иллюзии. Шарлотта приготовилась к всплеску эмоций и жалобным голосам, умоляющим ее остаться.

Собравшись с силами, она открыла дверь.

Ни одна голова не повернулась в ее сторону. Ни одна слезинка не упала из глаз шепчущихся у окна девочек.

— Он содержит женщину у миссис Уотсон.

— Он женится на ней лишь потому, что маркиз грозил убить его, если он этого не сделает.

— Во-первых, почему она пошла в его дом?

— А ты как думаешь, курица безмозглая?

— Не верю, что она пошла туда за тем, о чем ты подумала.

— Но за чем-то она туда пошла!

— Это все из-за ее дневника, и считается, что мы ничего не знаем.

— Правильно. Они с герцогом влюбились друг в друга и собираются пожениться. Она охотилась за герцогом.

— Они были вместе на балу.

— Жаль, что они не продолжили здесь, тогда мы смогли бы подсмотреть. Как мы узнаем что-нибудь о любви?

— Леди?! — сказала Шарлотта таким тоном, который, наверное, бывает только у демонов в самых глубинах ада. — Я не верю своим ушам. Вы так ничему и не научились в этой школе?

Виновато понурившись и не глядя на Шарлотту, девочки побрели к своим стульям. Не то чтобы ее собственная совесть была чиста. Но как сказал Грейсон, главное правило света состоит в том, что признаться в проступке хуже, чем его совершить.

Она ждала, пока затихнет последний шелест шелка.

— Так гораздо лучше. Сегодня, леди, мы продолжим изучать тонкий язык веера. Как вы знаете, соответствующий случаю веер — это важный модный аксессуар. Носить его и не знать, как им пользоваться, просто нелепо.

Шарлотта замолчала, внезапно охваченная искушением признаться, что веер оказался бессильным оружием против мощного обаяния Гидеона, но она не могла рассказать девочкам, как привлекла к себе внимание герцога. Правда состоит в том, что это она соблазнила его, как это ни противоречит всем правилам, и что она нисколько не жалеет об этом.

— Однажды, — сказала она самым спокойным тоном, на какой только была способна, — я, возможно, достаточно узнаю о любви, чтобы рассказать вам. А может случиться, я никогда не узнаю, что это такое. И кто-нибудь из вас объяснит это мне, когда вы повзрослеете. А пока займемся женским искусством, которое ускорит наши шаги по тропе, ведущей к браку.

Она смотрела на ангельские лица и улыбалась, и каждая девочка улыбалась ей в ответ с пониманием.

— Откройте веер.

После минутной тишины послышался тихий шелест одиннадцати вееров, потом двенадцатый шелкнул как пистолетный выстрел.

— Верити, так раскрывать веер можно только в исключительном случае. Представь себе, какой эффект это произведет на слух твоего поклонника?

— Я все время об этом забываю, мисс.

— Но никто не забудет тебя, если ты прервешь мероприятие таким шумом. Поднимите веер — изящно, леди! — ко лбу. — Шарлотта оглядела класс. — Очень хорошо. А теперь покажите мне сигнал «танцуйте со мной».

— Мисс Боскасл, Верити сказала грубость.

— Верити...

Девочка вскочила и указала веером в окно.

— Он вернулся! — взволнованно произнесла она. — Человек в окне, мисс. Я только что видела, как он подсматривает за нами. Давайте поймем его, девочки.

— Нет! — в ужасе воскликнула Шарлотта. — Во всяком случае, не вы.

Поспешив к шнурку звонка, она велела одной из старших девочек найти Огдена и лакея.

— Ты уверена, что кого-то видела, Верити?

Девочка энергично кивнула.

— Постройтесь, леди, и выходите в боковую дверь.

— А как же вы, мисс?

— Со мной все будет в порядке.

Шарлотта в этом не сомневалась. Вряд ли незнакомец станет угрожать ей среди бела дня, когда на улице полно свидетелей. Она не одна. На этот раз она подготовилась. И сможет дать лучшее описание.

Она поспешила в холл перехватить открывающую дверь Огдена.

— Стоп, — сказала она. — Не впускайте этого злодея в дом.

— Злодея, мисс? — смутился дворецкий, глядя на появившегося в поле зрения мужчину.

— Филипп? — изумленно сказала Шарлотта. — Это ты смотрел на нас в окно?

Он снял шляпу, его темно-рыжие, почти красные волосы были взъерошены, лицо мрачно.

— Я надеялся привлечь твое внимание.

— Ты определенно этого достиг, — поджала губы Шарлотта. — Ты переполошил всех в доме.

— Пытаясь добиться, чтобы ты меня заметила? Думаю, я не слишком шумел.

Она чувствовала, как в тени за ней собираются слуги.

— Это ведь не ты бродил у окна в ту ночь?

— Нет, конечно. И пожалуйста, воздержись от использования веера.

Шарлотта понизила голос:

— Что ты здесь делаешь?

— Можем мы поговорить наедине?

Она огляделась.

— Время неподходящее.

— Пожалуйста. — Филипп одарил ее неискренней улыбкой, от которой прежде таяло ее сердце. Теперь эта улыбка оскорбляла ее ум.

Что она тогда в нем увидела? Как ужасно было бы, если бы он ответил на ее чувства и она вышла бы за него, навсегда поверив, что она великанша с большими зубами, а не богиня, которой не мог сопротивляться Гидеон.

— Твои братья сказали, что мне не следует сюда приходить, — добавил он. — Я рискнул их дружбой ради того, чтобы увидеть тебя.

— Хорошо, — вздохнула Шарлотта. — Пойдем в гостиную. Ранкин. — Она повернулась к молодому лакею, который молча вошел в холл, сжимая в руке дубинку. — Положите это, — шепнула она. — Я хотела бы, чтобы вы составили нам компанию. Видит Бог, тут не нужен новый скандал, чтобы девочки разбежались.

— Я бы предпочел поговорить с тобой наедине, — настаивал Филипп, пока Шарлотта вела его в официальную гостиную.

— Этого не будет. — Она отклонила его предложение с уверенностью, которую обрела из-за... Гидеона. Возможно, он ее не любил, но уважал за ее чувство.

— Ты была наедине с Уинфилдом.

Резко повернувшись, Шарлотта подняла веер.

— Ты об этом хотел поговорить?

Филипп отступил подальше.

— Ты снова собираешься ударить меня по голове?

— Нет, если ты не дашь мне повода.

— Я чувствовал себя дураком, разгуливая по Лондону с шишкой размером с куриное яйцо.

— Об этом надо было думать до того, как ты набросился на меня в театре.

— Набросился? — недоверчиво переспросил он. — Как можно трусливо обвинять в подобном человека, который надеялся спасти тебя от прискорбного приключения с герцогом?

— Это ты вел себя как трус, — ответила Шарлотта. — Так что или иди со мной, или уходи.

Филипп вздохнул и последовал за ней. Лакей занял позицию между ними, словно садовая стена.

— Он должен так стоять между нами? — спросил он через плечо Ранкина.

— Боюсь, что да.

— Шарлотта, я здесь, чтобы предложить тебе шанс избежать ужасной неприятности.

— Чего избежать?

— Я знаю, что брак с Уинфилдом стал результатом невинной неосторожности.

— Да? — надула губы Шарлотта. Она, конечно, была неосторожна, но ее мысли о Гидеоне вовсе не были невинными.

Филипп стиснул зубы.

— Мне известна его репутация распутника. Он воспользовался тобой. Как иначе это могло произойти?

— Ох, Филипп, Филипп. — Она наклонилась к правому плечу Ранкина, чтобы ответить. — Все было совсем по-другому. Я поймала его в ловушку. Фактически я месяцами ее расставляла. Я сплела сеть, из которой никто из нас не может теперь вырваться.

Он натянуто улыбнулся:

— Не защищай его. Я видел, каким животным он был в театре. Заносчивый хулиган. Властный...

— ...герцог? — Шарлотта вздохнула. — Почему ты так спешишь жениться на мне сейчас, Филипп? Ты ждал, когда я влюблюсь, чтобы разрушить другую мою мечту?

— Другую мечту? — медленно спросил он. — Я был твоей мечтой?

Она кивнула:

— В свое время. Невероятно, правда?

— Думаю, ты стала слишком... — Нахмурившись, он умолк. — Хорошо, буду откровенным. — У моего кузена Ардмора нет других наследников мужского пола, кроме меня. Я наследую ему после его смерти.

— И?

— И... — Лицо Филиппа стало почти такого же цвета, как волосы. — Он отдаст мне половину наследства сейчас, если я женюсь на аристократке.

— Я должна была догадаться, — огорченно сказала Шарлотта. — В Англии аристократических семейств хватает. — Она указала на дверь: — Счастливой охоты.

Он изменил тактику.

— Ты бесхитростная, Шарлотта. Он пользуется этим.

— Я грешнее греха. Это факт. Прими это.

— Позволь мне жениться на тебе. Мы тайно бежим сегодня вечером.

— Бежим? Гидеон тебя на куски разорвет, прежде чем мы покинем Лондон.

Филипп с жалостью посмотрел на нее:

— Не разорвет. Он мне спасибо скажет, что я спас его от брака, к которому он никогда не стремился. Ты женщина не того типа, какой привлекает мужчин вроде него.

Шарлотта отвернулась.

Она не позволит мнению Филиппа ранить ее. Было бы чудесно, выбери ее Гидеон по собственной воле. Но если быть честной с самой собой, ей придется признать, что он намерен быть ее мужем только формально. Она знала его вкус к опытным девицам, прошедшим школу соблазна.

Но она не собирается уступать его без боя. Она могла быть самой вежливой леди на балу и сможет стать страстной подругой в спальне. Если Габриэль и ей подобные намерены украсть Гидеона у жены, Шарлотта снимет свои длинные перчатки и даст бой со всем пылом своих предков Боскаслов. И если Филипп думает, что может снова завоевать ее, то этого не случится. Она не хочет провести жизнь с человеком, которого переросла интеллектуально и эмоционально. Он вчерашняя новость. А герцог — завтрашний скандал.

— Шарлотта, — торопил Филипп. — Ты должна решить. Мы знаем друг друга долгие годы. Я и сам виноват, что потерял тебя. Но я изменился.

— И я тоже, — сказала она. — Тебе придется отпустить меня, поскольку если даже он меня и не любит, то я его люблю.

Она лучше состарится с мисс Пеппертри, чем выйдет за Филиппа. Две старые девы смогут ужиться вместе, вмешиваясь в жизнь других людей. Потому что если она не выйдет за Гидеона, она вообще никогда не выйдет замуж.

— Послушай разумные доводы, — сердито повысил голос Филипп. — Твой герцог только разобьет тебе сердце.

Глава 28

Гидеон провел утро с Девонем на фехтовальной выставке, которую Кит устроил в Найтсбридже. В другое время он вернулся бы с Китом в салон, чтобы отпраздновать событие. Но он не мог удержаться от мыслей о Шарлотте. Ему, как и ей, хотелось верить, что между потерянным дневником и лицом в окне нет никакой связи. Но слишком странно для случайного совпадения, что ее дневник пропал в ту самую ночь, когда ограбили дом майора. Гидеон пытался сложить вместе кусочки информации.

Друзья заметили его рассеянность.

— Хочешь, мы завезем тебя в академию к Шарлотте? — лукаво спросил Кит, развалившись в карете со шпагой на коленях.

— Нет. Мне сегодня надо потренироваться.

— Разве мы не рядом с академией? — выглянул в окно Кит.

— Совсем рядом, — посерьезнев, ответил Девон. — Возможно, нам следует остановиться, Гидеон. На случай если тот человек еще поблизости.

— Не знаю, — сказал Гидеон, глядя, как Кит мягкой тряпкой протирает клинок. — У нее, наверное, сейчас урок.

— Думаю, ты умираешь от желания ее увидеть, — сказал Кит. — И она значит для тебя больше, чем ты хочешь признать.

Гидеон откинулся на сиденье.

— Это действительно заметно?

Кит рассмеялся:

— Ты пытаешься убедить нас, что женишься на Шарлотте только потому, что так положено поступить?

— Она прелестна, — пожал плечами Гидеон, — я это признаю. И что-то в ней... сводит меня с ума. Вы должны мне помочь. Не знаю, что произошло. Я умираю от желания уложить ее в постель... Прости, Девон. Я говорю откровенно и забыл, что ты ее кузен.

— Все в порядке, — заверил Девон. — Я с удовольствием сплю со своей женой. А Шарлотта через несколько дней станет твоей.

Гидеон покачал головой:

— Она заставляет меня смеяться, когда у меня нет поводов для веселья. Взять хотя бы этот дневник, чепуху, которую она написала обо мне. Мне бы нужно злиться. Я и злился. А теперь сам не понимаю, что чувствую.

Шарлотта считает, что он достоин ее любви. В результате Гидеон поймал себя на том, что хочет соответствовать ее ожиданиям и мнению о нем. Даже не понимая, когда это произошло, он перестал играть роль. И женится на ней с открытым сердцем.

Ему бы сопротивляться. Но было слишком поздно. Шарлотта пробралась под его кожу, проникла в кровь. Он никогда не сможет жить двойной жизнью, как планировал.

— Когда она смотрит на меня, у меня появляется ощущение, будто я подхватил какую-то странную лихорадку.

— Может быть, у тебя проблемы со здоровьем? — взглянул на него Кит. — Не хочешь доктору показаться?

— Нет. Пусть лучше он проверит голову Девона.

— Он уже это сделал, — сказал Девон. — Достал какой-то инструмент, сунул мне прямо в ухо и смотрел.

— И что? — поинтересовался Гидеон.

— Сказал, что все чисто, — пожал плечами Девон.

Кит поднял бровь:

— Нет. Он сказал, что видит все насквозь.

Гидеон усмехнулся и стал размышлять, когда Кит и Девон начали подтрунивать друг над другом.

Возможно, он сумел научиться быть довольным. Возможно, он сейчас доволен. В свое время он не верил, что это возможно.

Он нужен Шарлотте. В смысле, выходящем за пределы физиологии.

Но видимо, ему она нужна больше, ему и его пребывавшей в небрежении дочери. Он так жалел о жизни Сары. Он не мог спасти то, что они потеряли. Но он не повторит ошибки. Ни с Сарой, ни с ее братом или сестрой, которые, как он надеялся, у нее скоро появятся. Он думал, что Эмили была бы довольна.

Он не смог бы выбрать женщину лучше Шарлотты, даже если бы до конца дней искал замену матери, которую потеряла его дочь. Теперь рядом будет кто-то, кроме его дворецкого и противной экономки, следивших, чтобы он не упился до смерти. Женившись на Шарлотте, он обретет больше, чем просто жену. У него будет семья.

— Ладно, — выпрямился он на сиденье. — Вы меня уговорили. Высадите меня на углу. Я прогуляюсь до академии пешком. Шарлотте, вероятно, не понравится мое появление там,

но это ее последний день в академии. Я задержусь на несколько минут. И подожду в комнате, где никому не помешаю.

Мисс Пеппертри буквально втащила его в дом и повлекла через холл к официальной гостиной.

— Хвала небу, вы здесь! — воскликнула она, ее очки съехали на кончик носа. — Торопитесь! Он с ней наедине. Конечно, там Ранкин, но он не та сила, что вы. Я слушала под дверью — исключительно для ее блага, вы понимаете, — и услышала про тайный побег. Это будет конец для нее. Для школы. Для меня.

— Успокойтесь, мисс Пеппертри, — сказал Гидеон, но мгла ярости захлестнула его. — Вы, должно быть, неправильно поняли. Кто с Шарлоттой? Сэр Дэниел? Ее брат или один из кузенов?

Гидеон подумал о Филиппе, но тот заигрывал бы со смертью, явившись к Шарлотте, когда ему велено было держаться подальше. Не может быть, что речь идет об этом проходимце.

— Вот, ваша светлость, — открыла дверь мисс Пеппертри. — Сами посмотрите.

Он застыл, прервав своим появлением весьма тревожный разговор, судя по облегчению на лице увидевшей его Шарлотты.

— Твой герцог разобьет тебе сердце, — услышал он последнюю фразу.

— Нет. — Гидеон ладонью так толкнул дверь, что мисс Пеппертри, ахнув, едва успела отскочить, чтобы не оказаться припечатанной к стене. — Вы ошибаетесь. Ее герцог всего лишь переломает вам кости.

— Только не в академии! — в ужасе воскликнула мисс Пеппертри. — Я этого не переживу!

Филипп повернулся с беспечной улыбкой.

— Вы застали меня врасплох в театре. Теперь я подготовился.

— Отлично. — Стащив перчатку, Гидеон изо всех сил хлестнул его по щеке.

Филипп не дрогнул, но его глаза потемнели, губы сжались, когда он посмотрел Гидеону в лицо.

— Нет! Не делай этого, — побледнела Шарлотта.

— Он уже сделал, — провел пальцем по щеке Филипп.

Гидеон раздраженно взглянул на нее:

— Пожалуйста, выйди из комнаты. Подобные дела при дамах не улаживают.

— Я...

— Сейчас же!

После недолгого колебания Шарлотта подхватила юбки и поспешила вон, переглянувшись с мисс Пеппертри. Ранкин двинулся к герцогу, сознавая, что он контролирует ситуацию.

Гидеон с негодованием смотрел на Филиппа, который, казалось, съежился, наконец сообразив, с каким врагом схлестнулся.

— Мы встретимся завтра утром, сэр, чтобы уладить это дело раз и навсегда. Какое оружие выбираете?

Филипп судорожно сглотнул.

— Я был бы дураком, предложив ученику Фентона что-то, кроме пистолетов.

— Вы были дураком, переступив порог этого дома, когда я дал вам шанс уйти

живым. — Гидеон оглянулся на звук шагов и с удивлением увидел, как в комнату входят Кит и Девон. — Что вы здесь делаете?

— Девон узнал у дома слугу Филиппа, — покачал головой Кит. — И подумал, что могут быть проблемы. Насколько я понимаю, они есть.

Гидеон кивнул:

— Мы встречаемся завтра на свежем воздухе. Я свяжусь с вами, сэр, уточнить детали.

— Болван, — без всякого сочувствия сказал Девон Филиппу, — вы заслуживаете всего, что он вам уготовил. У меня соблазн самому уладить дело. Она моя кузина.

Филипп, не ответив, вышел из комнаты. Если он и жалел, что разозлил Гидеона, то скрыл это. А если пока не жалеет, подумал Гидеон, то пожалеет об этом завтра.

Шарлотта остановилась посреди холла, рядом с мисс Пеппертри.

— Девочки не должны услышать об этом. Это не должно произойти. Мне нужно остановить это.

— Согласна, — сказала мисс Пеппертри. — Если ты этого не сделаешь, для нас это будет гибель. Появятся свидетели и начнутся пересуды в газетах. И если дуэль для кого-то из них кончится скверно... Мне даже страшно об этом думать.

— Я должна их остановить, — сказала Шарлотта, предчувствуя, что ей это не удастся.

— Как?

— Что ты предлагаешь? — спросила Шарлотта. — Я не могу думать. Почему мужчины так поступают? Пожалуйста, Дафна, дай мне совет. Что я могу сделать, чтобы помешать им?

Мисс Пеппертри прищурилась:

— Ты можешь пригласить герцога поужинать и угостить его вином.

— Ты снова читаешь про Борджиа? Почему тебя влечет к этим ужасным темам?

— Не знаю, — ответила Дафна. — Почему тебя тянет к опасным мужчинам?

Шарлотта не нашла, что ответить.

Действительно опасно влюбиться в мужчину, которого она создала в своем дневнике. Выдуманного мужчину, которым она могла распоряжаться как хотела. Но герцог Уинфилд не вымышленный возлюбленный. Он реальный.

Она сочинила столько счастливых финалов. Она выдумала, что темноволосый герцог заметит ее в толпе и больше никогда не взглянет на другую женщину. Теперь, когда этот роман стал реальностью, Шарлотта поняла, почему все Боскаслы действуют вопреки всякой логике, когда на их горизонте появляется правильный человек.

— Возможно, тебе следует привести его светлости разумные доводы.

— Это для меня предпочтительнее, но, боюсь, он не в том настроении, чтобы их выслушивать. Ты почувствовала его гнев? Думаешь, человек с его характером оценит нравоучительную лекцию? Он меня не простит.

Словно подтверждая ее слова, из гостиной появился Гидеон и широким шагом пересек холл, лишь коротким кивком показав, что заметил присутствие дам. На безопасном расстоянии за ним следовали Кит и Девон.

— Теперь понятно, что ты имела в виду, — пробормотала мисс Пеппертри. — Он грозный мужчина, когда возбужден. — Она прижала руку ко рту. — Я хотела сказать, когда его страсти... Ох, не того сорта страсти...

— Я поняла, — сказала Шарлотта. — Но я должна попытаться остановить его.

Мисс Пеппертри по-совиному захлопала глазами.

— Я знаю, что сделала бы в сложившихся обстоятельствах.

— Ты? — с неподдельным интересом уставилась на нее Шарлотта. — Сделала бы?

Мисс Пеппертри кивнула.

— Леди обязана использовать все имеющиеся у нее возможности, чтобы избежать неприятного результата дуэль со смертельным исходом.

— До смерти! — закусила губу Шарлотта. — И поводом стала я.

— Тогда ты должна стать и решением.

— Ох, Дафна. Я никогда не думала, что ты разбираешься в подобных делах.

— Понимать и одобрять — разные вещи. Все произошло из-за тебя. Возможно, ты сумеешь предотвратить худшее.

Шарлотта тяжело вздохнула:

— Я могу только попытаться.

Глава 29

Была почти полночь. Гидеон устроился в своем кабинете с графином бренди. Днем пришло письмо от гувернантки его дочери. Миссис Стернс занудно сообщала, что они с леди Сарой покинули Уинфилд-Хаус и не рассчитывают прибыть в Лондон к свадьбе из-за задержек в пути, но, учитывая, что погода пока хорошая, надеются приехать вскоре после события.

«Леди Сара вне себя от волнения, ваша светлость. Конечно, она желает снова увидеть вас. И буквально жаждет познакомиться со своей новой мамой, которая, я полагаю, окажется рафинированной леди...»

Гидеон вздохнул. Эта старомодная особа никогда не позволит ему забыть, что поймала его в постели с одной из соседок, вдовой, чье вожделение и отвращение к новому браку превышали его собственные. Что ж, он посмеется последним, когда представит ее Шарлотте. Миссис Стернс глазам своим не поверит. А может быть, это она посмеется над ним. Не исключено, что она его вообще не узнает. Он сам себя не узнавал в последние дни. Он положил письмо на стол.

Шарлотта изменила все.

Она изменила его!

К несчастью, она не изменила его властную натуру и склонность действовать под влиянием гнева. Фактически она выявила в нем лучшие и худшие качества, порой проявлявшиеся одновременно.

И явно производила такой же эффект на других людей. Взять хоть провинциального мужлана, с которого ему предстоит сбить спесь завтра. Гидеон отдаст ему должное, если тот проявит твердость.

— Ваша светлость?

— Да, Шелби, — сказал он, не поворачивая головы.

— Что-нибудь еще сегодня понадобится?

— К завтрашнему дню все готово?

— Абсолютно все, — ответил Шелби с энтузиазмом, который редко демонстрировал. — Дуэльные пистолеты проверены, сапоги начищены до блеска. Карета по дороге заберет сэра Кристофера. Полагаю, я составлю компанию вашей светлости?

— Не стоит ожидать события с таким пылом, Шелби. С последней дуэли прошло не так много времени.

— Я уважаю традиции, ваша светлость.

Гидеон улыбнулся, глядя в огонь.

— Признайся, ты счастлив снова видеть меня в оковах.

— Будет облегчением видеть, что вы успокоились, ваша светлость. И если позволите, могу добавить, весь персонал рад, что вы правильно поступаете по отношению к мисс Боскасл и к леди Саре. Самое время, должен сказать.

— Да ты наглец... — Гидеон недоговорил, сообразив, что Шелби, бросив последнюю реплику, как гранату, благоразумно исчез.

Что Гидеон мог сказать? Он тоже стремился восполнить недоданное Саре. Он снял сюртук и жилет. Распустил галстук и начал расстегивать рубашку.

Гидеон потерял лицо. Сегодня он был резок с Шарлоттой. Промчался мимо нее в холле, не сказав ни слова, поскольку те слова, что пришли ему тогда на ум, нельзя было произнести. Но вряд ли она могла рассчитывать, что он станет беспокоиться об этикете, застав с мужчиной, который уговаривал ее бежать. А когда подумал о том, как этот мужчина оскорбил ее и заставил горевать еще до того, как он, Гидеон вошел в ее жизнь...

Нужно забыть о ней до окончания дуэли, или у него будет искушение убить противника, когда он намеревается всего лишь ранить его в знак предупреждения. Нужно расслабиться. Но требовались усилия, чтобы помешать мыслям блуждать.

Шарлотта словно стала частью его, словно стояла позади и шептала в ухо...

— Гидеон.

— Что за черт?

Он вскочил, ударившись коленом о стоявший рядом с креслом стол. Бокал покатился по ковру, хорошо, что он был пуст.

— Проклятие! Что ты тут опять делаешь, черт побери, ведь уже ночь? Мне мерещится? Я разум потерял? Или ты с ума сошла?

Гидеон тряхнул головой. Ничего не изменилось. Это была Шарлотта во плоти, а не игра его воображения. Это его нареченная, от горла до лодыжек закутанная в голубую вечернюю накидку, ее глаза округлились, словно он напугал ее и нет выхода. Он снова чертыхнулся и, всплеснув руками, обошел ее кругом.

— Ваша светлость, следите за собой, — сказала она, отступая за кресло. — Я не потерплю таких выражений в моем присутствии.

— В твоём присутствии? — рыкнул он и стиснул зубы. — Следить за собой? — Он двинулся к ней. — Это тебя надо взять под контроль. Надеюсь, ты не сама сюда пришла. Иначе мне придется серьезно задуматься о постройке башни и запираю тебя там в моё отсутствие.

Она заморгала, ее взгляд опустился и снова взлетел к его лицу.

— Ты полураздет.

— В самом деле? — Гидеон сдернул с шеи галстук и подбросил вверх. — Я не сижу ночь напролет в цилиндре и фраке, ожидая, когда очередная женщина вломится сюда без предупреждения.

— Ох. Это правда?

— Не охай. Да, я полураздет. А когда отправляюсь в постель, снимаю остальную одежду. Порой я вообще сплю голым. А чего ты ожидала, прокравшись в мужскую крепость

ночью?

Шарлотта снова заморгала.

— Как ты сюда добралась? — спросил он, шагнув вперед.

— Девон привез меня. А с ним Харриет.

— Где он? Хватит с меня его вмешательства в мою жизнь.

— Не знаю, — с обиженным видом ответила Шарлотта. — Я просила его заехать за мной через два часа. В любом случае ты не можешь выйти в таком виде.

— Как ты попала в дом?

— Твой...

Он хлопнул себя по лбу.

— Молчи. Сам догадаюсь. Это Шелби?

— Да, но...

— Два часа, говоришь? Зачем? Позволь, я снова угадаю. Ты думаешь, что за два часа способна отговорить меня от завтрашней дуэли.

— Если есть какой-нибудь способ...

— Ну-ну. Попытайся. Старайся изо всех сил. — Гидеон потянулся расстегнуть ее накидку. — Убеди меня. Но имей в виду, что мой дворецкий расстроится, если дуэль завтра не состоится.

Шарлотта поймала его взгляд.

— Я не хочу, чтобы из-за меня пролилась кровь. По-моему это вполне разумно.

Гидеон наклонился к ней:

— Дорогая, ты будешь чувствовать себя лучше, если я пообещаю выстрелить в ту часть его тела, где рана не будет сильно кровоточить?

— Я... — Шарлотта закинула руки ему на шею и потянула его голову вниз.

Хоть Гидеон и злился на ее выходку, он поймал себя на том, что его возбуждает неумелая попытка Шарлотты соблазнить его. Его мужское достоинство, наливаясь, упиралось в брюки. Кровь закипела в жилах. Самец в нем взял бы все, что она предложит, отложив совесть на потом. Пока правят бал удовольствия ночи.

— Гидеон, пожалуйста, — прошептала Шарлотта. — Ради благопристойности...

— Я меньше всего думаю о благопристойности. И ты, кажется, тоже.

— Тебе опасно драться на дуэли.

— Не так опасно, как тебе оказаться в положении, в котором ты сейчас находишься.

— Тогда я...

— Нет. Ты уже здесь.

Под ее невольный вскрик Гидеон потянул ее на ковер. Привлек к себе, ощущая нежные выпуклости ее груди и живота. Какой-то миг он просто упивался ее близостью, жаром, исходящим от ее тела. Шарлотта толкнула его плечом в плечо. Он обхватил ее за ягодицы и, подняв колено, прижал ее к твердевшему копыю.

— Гидеон? — прошептала Шарлотта, оторвавшись от его губ.

Она даже не подняла головы, когда он повернул ее на спину и с нарочитой неторопливостью расстегивал накидку, а потом лиф ее платья. Гидеон быстро перехватил ее руку, которую Шарлотта напрасно щитом подняла перед грудью. Наклонившись, он прихватил сосок зубами. Из ее горла вырвался звук, разрушивший его контроль и освободивший первобытные инстинкты.

— Ты пришла сюда по делу, Шарлотта. — Он потянулся приподнять пышный подол ее

платья. — Думаю, следует выслушать твои мольбы, прежде чем я решу, что делать дальше. Если через несколько мгновений я еще смогу думать.

Она улыбнулась мечтательной улыбкой, которая неизменно обезоруживала его.

— Ты пил бренди, — пробормотала она, когда его рука скользнула от ее лодыжки к колену и выше. — Я чувствую его вкус на твоих губах.

— Я умираю от желания отведать твой вкус.

Он поднял ее платье к округлому животу, открывая треугольник шелковистых волос. Его рука скользнула вверх по ее бедру и раскрыла набухшие складки плоти. Влага заблестела на его пальцах, когда он с бесстыдным удовольствием играл с нею.

— Ох!

Шарлотта, прикусив нижнюю губу, застонала. Гидеон улыбнулся. Она повернула голову и прикрыла глаза, ее спина выгнулась так соблазнительно, что у него сердце пустилось вскачь.

— Подними колени, — попросил он. — И раздвинь ноги. Так что ты хотела мне сказать?

— Я... я не могу вспомнить.

Каждый мускул напрягся в его теле, когда она подчинилась. Огонь в камине освещал теплую впадинку между ее бедрами, которая притягивала его зачарованный взгляд.

— Ты должен стыдиться, — прошептала Шарлотта, ее бедра покачивались с чувственностью, от которой у него зачастил пульс.

— И не подумаю, — ответил Гидеон, устраиваясь между ее согнутыми ногами.

Так он мог видеть ее реакцию, даже самую слабую. Он погрузил один палец в ее влажный жар, кровь огненной рекой растекалась по его венам.

Ее живот напрягся. Шарлотта сжала колени, сопротивляясь его вторжению.

— Великолепно, — сказал он с явным одобрением, смакуя ее ответ и сосредоточив свои мысли и чувства на том, чтобы довести ее до полной капитуляции.

— Распутник, — прошептала она и завертелась, пытаясь прервать его игру.

Он покачал головой, и ее хватка ослабла, их взгляды схлестнулись в маленькой войне, которую Гидеон не позволил Шарлотте выиграть. Он сделал медленный вдох. Запах ее желания дурманил его. Подушечкой большого пальца он ерошил нежные завитки, дразня там, где она сильнее всего отзывалась на его прикосновения.

Гидеон внимательно присматривался к ней. Ее напряжение нарастало. Он видел, как изгибается ее тело, напрягаются мышцы живота. Соски потемнели и стали темно-розовыми, искушая его. Протянув руку, он по очереди перекачивал в пальцах твердые пики, умышленно усиливая смятение Шарлотты.

Задрожав, она еще шире раздвинула ноги навстречу его руке и задохнулась, когда его палец задвигался быстрее.

— Я не могу, — отрывисто шепнула она. — Это слишком, Гидеон.

— Я знаю, — успокаивал он ее. Но для него это было недостаточно.

— Я хочу... я хочу... — Ее бедра задвигались в ритме его неустанной ласки.

— Я знаю, — снова пробормотал он. Его копье выпрямилось и пульсировало в необузданном требовании.

Господи, помоги! Шарлотта задыхалась и стонала. Она подняла бедра, и мощное вожеление туманом заволочло его разум. Скоро. Сейчас! Его палец задвигался еще быстрее. Шарлотта себя не контролировала, он еще был на это способен. Его пальцы глубже

погрузились в ее влажное тепло, он чувствовал ее финальное наслаждение как свое собственное.

Закрыв глаза, Гидеон прижался лбом к ее колену. Машинально, едва способный мыслить, он заметил, что на Шарлотте простые хлопковые чулки. Это стало напоминанием о том, что ей не нужны никакие украшения, чтобы довести его до первобытного состояния.

Гидеон, тяжело дыша, встал, чтобы его тело успокоилось. Он боялся снова коснуться Шарлотты. Он не спешил даже взглянуть на нее и смотрел в огонь. Мысль о том, как он лишит ее девственности, не даст ему сомкнуть глаз до утра.

Чего бы Шарлотта ни надеялась добиться, явившись сюда, ее уловка не сработала.

Она села. Инстинктивно оглянувшись, Гидеон заметил, что она не прикрыла сорочкой пышную грудь и не застегнула лиф платья. Она выглядела взъерошенной и... такой же соблазнительной, как несколько мгновений назад.

— О чем ты думаешь? — прошептала она, ее взгляд медленно поднимался от его башмаков к лицу.

— Что мне нужно залезть в холодную ванну и сидеть там, пока мой... пока мое тело не посинеет.

— Сейчас ты только взбодришь кровь холодной ванной.

Его взгляд упал на ее грудь.

— Сомневаюсь, что ванна взбодрит сильнее, чем ты.

— Ты передумал насчет дуэли? — спросила Шарлотта, и будь он проклят, если она умышленно не провоцировала его, даже притворно не закрываясь от его глаз.

Гидеон рассмеялся:

— Нет. Все твои действия лишней раз убедили меня в том, что я не хочу, чтобы рядом с тобой оказался другой мужчина.

Шарлотта явно расстроилась.

— Что ж, надо попробовать другую тактику. Более убедительную.

— Я более чем когда-либо убежден, что ты нуждаешься в защите от мужчин вроде Филиппа, если не от таких, как я.

— Ты хочешь сказать, что позволил мне вести себя так, как одна из твоих распутных девиц, не собираясь менять своих намерений?

— Разумеется.

— Это бессовестно.

— Возможно.

— Ты позволил мне поверить, что если я отвлеку тебя, то смогу повлиять на твое решение.

— Я никогда не говорил ничего подобного, дорогая. Это твое предположение, а не мое.

— Но ты определенно позволил мне поверить, что получил удовольствие.

— Получил. И большое. Я могу наслаждаться так до конца ночи. Но как видишь, несмотря на все твое очарование, я буду утром драться на дуэли, и если сейчас чувствую себя голодным зверем, сомневаюсь, что к рассвету мое настроение улучшится.

— Сядь на диван, Гидеон.

Он посмотрел на нее и нахмурился, услышав, каким тоном она говорит. Не двигаясь, он смотрел, как ее рука скользнула по груди, дрожащие пальцы коснулись соска.

— Пожалуйста, — сказала Шарлотта с улыбкой сирены.

— Зачем? — спросил он, едва не упав на пол, чтобы молить о пощаде.

Она пожала плечами. Если она решила прочесть ему нотацию, он в ответ притворится, будто заснул.

— Хорошо, — ответил Гидеон. — Я сяду. Но я не в том состоянии, чтобы быть внимательным.

Так он думал.

Шарлотта настроила свой ум на соблазн. Но после того, что Гидеон сейчас с ней сделал, она не просто женщина с благородной миссией. Она была женщиной, уступившей собственным желанием.

Это отчаянная смелость — совершить акт, который она видела только на картинке, с таким искушенным человеком, как Гидеон. Он может посмеяться над ее неумелыми усилиями.

Но есть надежда, что она изменит его настрой относительно дуэли.

И если ему понравится, она будет на шаг ближе к доказательству, что он женится не на скованной особе, какой она была, когда они встретились. Она подойдет к этому браку полностью готовая удовлетворить потребности Гидеона. И свои собственные.

Шарлотта опустила на колени, ее руки скользнули от его груди к животу. Его голова запрокинулась. Шарлотта толком не знала, как подступиться к застёжке брюк, но при ее неуверенных попытках на его лице отразилось недоверчивое понимание, и он сам справился с этой задачей.

Она с интересом наблюдала за тем, как он спускает брюки с узких бедер.

Гидеон был красив и отлично сложен. Его толстый фаллос вертикально поднимался из поросли темных волос внизу плоского живота.

— Продолжай, — сказал он, и от его хриплого дыхания ее охватила дрожь. — Коснись меня.

Шарлотта дрожащей рукой обхватила фаллос у основания. Гидеон сел ближе к краю и смотрел на нее. Его лицо потемнело от желания.

— Ты собираешься взять меня в рот?

Она вздохнула и очень мягко наклонилась ближе, чтобы лизнуть копые от основания до налившейся головки.

— Господи!

Его бедра дрогнули от захлестнувших его невероятных ощущений. Никогда он не чувствовал и не видел ничего столь эротичного, как ее нежные розовые губы, сомкнувшиеся вокруг гребня его мужского естества. Гидеон подвинулся на самый край дивана, невольно дернувшись, когда она глубже вобрала в рот его копые. Он закрыл глаза, потом открыл их. Он хотел видеть, как она сосет и кружит языком вокруг головки.

Она прекрасна. Он смотрел на ее склоненную голову, упавшие на пышную грудь волосы, набухшие соски.

— Тебе лучше сейчас остановиться, — предупредил он, его подмывало толкнуться вперед, чтобы она поглотила его всего. Где она этому научилась? В душе она прирожденная распутница? Чего же еще он мог желать, как не жену, которая изобретательна в любви и заботлива в жизни, жену раскованную... и сладкую?

— Я правильно это делаю, тебе нравится? — прошептала Шарлотта и, не дав ему возможности ответить, возобновила атаку, доводящую его до края.

— Мне это так нравится, что я дойду до финала, если ты не остановишься.

Она не остановилась. И он позволил ей продолжать, потеряв чувство времени.

Шарлотта не прекращала сладкую муку, напряжение у него внутри все нарастало. Она, должно быть, почувствовала это. Ее губы сомкнулись, язык порхал, она втягивала его копые все сильнее и быстрее. И Гидеон знал, что поздно останавливаться.

Он шире развел бедра и закрыл глаза, отдавшись спазмам финала, которые, как казалось, никогда не кончатся.

Но они кончились. Акт опустошил его. И взбудрил. Наполнил его душу и тело удовлетворением, осознанием правильности происходящего. Он и не знал, что способен это чувствовать.

И это было нечто большее, чем благодарность за сексуальный акт. Он знал, что Шарлотта пойдет на все, чтобы доставить ему удовольствие.

— Спасибо. — Гидеон запрокинул голову и протяжно выдохнул. — Я сегодня буду хорошо спать.

Нашарив в кармане чистый платок, он развернул его и медленно заставил себя двигаться.

Шарлотта тихо привела себя в презентабельный вид и пригладила волосы.

— Ты можешь проспять утро. Я Девону...

Гидеон наклонился к ней. Глядя в глаза, мягко вытер ей рот и подбородок.

— Ты ничего подобного не сделаешь. Я буду драться на этой дуэли, и ничто меня не остановит.

— Вам нужно сесть и за чашкой кофе уладить свои разногласия...

— Шарлотта, милая, я учил тебя давать уроки этикета? Я предлагал тебе учить такому языку веера, чтобы его понимал не только сэр Годфри, но и другие джентльмены?

— Настоящие джентльмены его понимают!

— Возможно, в душе я не такой рафинированный.

— Рафинированность — это искусство, которое требует практики.

— Научишь меня позже, — сказал он, не в силах оторвать от нее глаз.

— Тогда мой сегодняшний визит стал осмеянием твоего уважения ко мне.

— Поверь, я не сделал ничего, чтобы посмеяться над тобой.

— Мои женские чары потерпели неудачу в попытке переубедить тебя.

— Наоборот, твои женские чары — причина того, что я дерусь на этой дуэли.

— И я ничего не могу сделать, чтобы остановить тебя?

— Нет... — Гидеон замолчал и посмотрел на окно. — Помолчи минутку. Ты что-нибудь слышишь?

Шарлотта прислушалась.

— Наверное, пошел дождь. Насколько я вижу, окно немного запотело.

— Это меня не удивляет. — Натянув брюки, Гидеон подошел к окну и посмотрел сквозь шторы. — Клянусь, не дождь я слышал. Но я вижу на улице карету Девона. Я вручу тебя этому назойливому повесе и предупрежу, что если он еще раз привезет тебя сюда, то пожалеет об этом.

Они быстро оделись и пошли к двери. Шарлотта искоса поглядывала на его профиль.

— Хорошо. По крайней мере ты сможешь поспать ночью. А я глаз не сомкну. Мне следовало догадаться, что не тело твое требует удовлетворения, а твоя опасная гордость. Ты обещаешь быть осторожным?

— Только если ты пообещаешь то же самое, Шарлотта. Похоже, если бы ты не

отправилась с визитом к одному повесе, тебя бы преследовал другой.

— Не тревожься. Кое-кто уже поймал меня.

— Кажется, это не препятствует другим мужчинам охотиться за тобой.

— Никто меня не преследовал, пока ты не привлек ко мне внимание, — произнесла

Шарлотта.

Гидеон покачал головой:

— Сомневаюсь. Теперь, зная тебя, я думаю, что ты этого просто не замечала.

Шарлотта тыльной стороной ладони погладила его по шее.

— Это не важно. Я хочу только тебя. Пожалуйста, будь осторожен.

Он поймал ее руку.

— Я провожу тебя до кареты. А завтра мы противостояем новому кризису, который встанет на нашем пути.

Глава 30

Ник разглядывал трещины в потолке, прислушиваясь к пьяному смеху в комнате наверху. Сальная свеча догорела, и ее запах смешивался с вонью сточных канав, проникавшей сквозь полузакрытую дверь. Он вырос с этой вонью. Как и Милли, хотя ее выворачивало, когда она отправлялась на работу. Он пожалел бы ее, если бы она не сорвала его шанс сегодня ночью пробраться в дом герцога. Господи, от женщин столько шума.

Нет смысла вставать, чтобы закрыть дверь. Милли скоро вернется и заткнет дверь тряпками, причитая, что некоторые клиенты слишком грубы и что он не защищает ее, как обещал, когда она поселилась у него. Одним типом он занялся перед рассветом. Но не мог же он убивать каждого, с кем она спит, тогда он ополовинит население Лондона.

— Эй, Ник, ты жив? — донесся чей-то голос с улицы.

— Кто интересуется? — ответил Ник из подвала, служившего ему жильем.

— Твоя мать. Она сказала, что умирает, и ты должен принести ей выпивку, чтобы облегчить боль.

— Она всегда умирает, — проворчал Ник.

— Врач клянется, что на этот раз это правда. — Владелец голоса, уличный сорванец в кепке и залатанных штанах, материализовался в удушливом мраке. Мальчишку звали Барни, он был настоящим мошенником. — Ты тоже захворал? Тебе самому надо джину хлебнуть.

— Где Милли? — не шевельнувшись, спросил Ник.

— Она забралась в карету с клиентом и не вернулась. Кляла тебя на чем свет стоит за свое состояние. — Барни налетел на сундук, который служил обеденным столом и прикроватной тумбочкой. — Книга? Это ты для розжига припас?

Вскочив, Ник ударил по грязной руке, потянувшейся к дневнику.

— Это не для малышни. К тому же ты читать не умеешь.

— Будто ты умеешь, — огрызнулся Барни с нахальством, которому научился у старшего товарища. Пожалуй, Ник сам может открыть академию. — Так ты пойдешь с нами на Пиккадилли или нет?

— Позже. А пока проваливай.

— А как насчет твоей матери?

— А что?

— Ничего, Ник. Я буду ждать тебя у паба, на случай если ты передумаешь.

Он поскреб ребра.

— Погоди. На что там Милли жаловалась? Если она подхватила...

— Учи колыбельные, — на ходу ответил Барни.

— Ребенок?

— Ага.

Ник ударом ноги захлопнул дверь и выругался, когда она со скрипом снова открылась. Он на минуту задумался о матери, о Милли, о том, как они обе отличаются от той леди, которая написала в своем дневнике такие красивые слова. А Милли небось всем и каждому рассказывает, что Ник сунул пирожок в ее печь. Она ходячий матрац. Вероятно, это не его семья. Что он будет с ней делать, черт подери?

Он грохнул кулаком в стену, и треснутое зеркало в углу отразило лицо, столь искаженное гневом, что Ник отступил.

Вспомнив ужас на лице леди, когда она увидела его в окно, он тряхнул головой и рассмеялся. Никто не может отрицать, он произвел впечатление. Она его не скоро забудет. Может быть, пойти к ней и рассказать о другой леди, которая имеет на нее зуб? Она его вознаградит?

Он застегнул рубашку и взял из разбросанной одежды куртку. Затем поднял половицу, завернул дневник в блузку Милли и спрятал подальше от чужих рук. Ник бы не рискнул забрать его с собой в сырость.

— Барни! — крикнул он, распахнув дверь, и увидел три фигуры, болтающиеся у лестницы. — Найди младшую сестру Милли. Я собираюсь сегодня продолжить ее образование.

Когда Гидеон провожал ее к карете, моросил дождь. Шарлотта еще не остыла после бурной сцены, и лицу было приятно от свежего воздуха. Как и приятно было ощущать на своей талии руку Гидеона. Он хмуро посмотрел на Девона и Харриет и посадил Шарлотту в карету.

— Доброй ночи, Гидеон, — шепнула она через плечо. — Желаю тебе завтра всего наилучшего. Я...

— Увидимся позже, — с уверенностью сказал он и отступил, давая лакею возможность поднять ступеньки и закрыть дверцу.

— Ну? — спросил Девон, когда карета двинулась. — Ты его убедила?

— Он убежден, что я беспардонная особа, а ты лезешь не в свое дело. Не могу с ним не согласиться.

— Я знала, что это не сработает, — тряхнула головой Харриет. — Мужчины вроде него просто расцветают от рискованных затей.

Девон закинул руки за голову.

— Он ничем не рискует. Это Морленд кончит смертью.

— Не говори так, — прошептала Шарлотта. — Не хочу, чтобы на моей совести была чья-то смерть.

— Может быть, утром будет дождь, — сказала Харриет. — Они не станут стреляться, пока дождь не пройдет.

— Думаешь, это возможно? — с надеждой спросила Шарлотта.

— Да хоть снег, — с убийственной уверенностью возразил Девон. — Дуэль отложат на

день, только и всего. Филипп требует этого, ты же знаешь. У Гидеона нет выбора, он должен драться на дуэли. Ведь это была его инициатива.

Гидеон не сразу вернулся в дом. Он знал, что не шум дождя слышал за окном. Но не хотел тревожить Шарлотту. И прерывать ее попытку использовать женские чары. Он перешел улицу к дому жившего напротив Болтона и ничего не обнаружил, только промок.

Вдруг за фрамугой над входной дверью мелькнул свет, и на ступенях появилась фигура. Мужчина в ночном колпаке и сорочке нацелил Гидеону в грудь старый кремневый мушкет.

— Ни с места, мерзавец, или я тебя на куски разнесу!

— Пожалуйста, не надо, майор. Это всего лишь я, Уинфилд.

— Уинфилд? — Майор опустил мушкет. — Что вы тут делаете, ведь уже ночь? К тому же идет дождь, а вы без сюртука.

Гидеон взбежал по ступенькам к двери. Оба ретировались в освещенный холл, где стоял вооруженный кочергой дворецкий.

— Я меньше часа назад слышал, как кто-то бродит под моим окном, — сказал Гидеон. — Вы заметили что-нибудь необычное?

Майор хохотнул:

— Не хочу быть непочтительным, но трудно заметить что-то необычное при таком движении у вашего дома ночью.

— Приношу свои извинения, — подавил улыбку Гидеон.

— К чему извиняться? Я бы не стал этого делать, будь я в вашем возрасте. — Майор оглянулся на дворецкого. — Это герцог. Скажи остальным, что все спокойно, пусть отправляются спать.

В холл вошла круглолицая женщина с фонарем.

— Папа, что ты делал на улице в ночной сорочке? Ты рассуждаешь о морали соседей, а сам не лучше.

— Оставь меня в покое, — огрызнулся Болтон.

— И не подумаю. Только посмотрите на себя. Один в ночной сорочке, другой без сюртука. В дом залезают воры, крадут фамильные драгоценности. Если это лондонская жизнь, я лучше останусь в провинции с коровами.

— Отличная идея, — проворчал майор.

— Я это слышала. — Она посветила фонарем ему в лицо. — Ты слишком стар, чтобы понимать, что для тебя лучше. Тебя убьют на улице, и подумай, как это будет выглядеть, если ты не будешь пристойно одет.

Гидеон прочистил горло, напомнив себе, что у него утром назначена встреча, которую он не может пропустить.

— Простите, что побеспокоил вас, майор. И вашу дочь. Я не знал, что она еще здесь.

— Все в порядке. Мне повезло иметь соседа, которого заботит мое благополучие.

— Чепуха.

Гидеон собрался перебежать улицу и услышал, как майор сказал ему вслед, закрывая дверь:

— Две за одну ночь! Да вы боец, но держите их порознь, если не хотите развязать войну!

Противники встретились на рассвете в Гайд-парке. Гидеон был в цилиндре, новом белом галстуке и сером официальном сюртуке, словно собрался на званый завтрак. Мокрая трава хлестала по его сапогам, когда он шел к поджидавшей его группе. Боже, тут маркиз со своим великаном-лакеем, сэр Дэниел, Дрейк, Девон и Кит, который был его секундантом. Только одного его Гидеон приглашал. Линия модных карет уже выстроилась там, откуда дуэль видна лучше всего. Взглянув на Грейсона, Гидеон поднял бровь.

— Надеюсь, вы не додумались прихватить с собой оркестр.

— Нет, — ответил Грейсон. — Я сделаю это в следующий раз.

Сэр Дэниел с упреком посмотрел на Гидеона:

— Хотел бы напомнить вам, что дуэли запрещены.

— Ясно. Напомните мне, сэр, что я хотел бы поговорить с вами после дуэли.

Гидеон не смотрел на Филиппа. Однако мельком взглянул на Габриэль, стоявшую за братом Шарлотты. Его несостоявшаяся любовница явно надеялась стать свидетельницей его смерти. Какой стыд, что он снова ее разочарует. Он не собирается умирать.

Секунданты в последний раз проверили оружие. Доктора стояли наготове со своими чемоданчиками. Гидеон кулаком прикрыл зевок.

— Вот. — Девон вручил ему пистолет. — Я был рад, что знаком с тобой.

— Не могу сказать того же.

Пришло время противникам пройти двенадцать шагов и ждать сигнала. Гидеон наконец взглянул на Филиппа и подумал, что тот явно не в себе.

— Огонь!

Гидеон поднял руку, прицелился... Грохнул выстрел. Не веря своим глазам, он увидел, что Филипп разрядил свой пистолет, даже не успев поднять руку. Гидеон заморгал и выстрелил в воздух, когда его соперник, издав леденящий душу крик боли, рухнул без сознания.

— Тьфу! — с отвращением бросил Грейсон. — Этот кретин не только нарушил протокол. Он еще и прострелил себе ногу.

— Должно быть, это чертовски больно, — вздрогнул Девон. — Я сам не свой, когда на колючку наступлю.

Хирурги побежали к свалившемуся Филиппу. Вздохнув, Гидеон отдал свой пистолет Девону и пошел выяснять обстановку. Морленд заметил его и попытался сесть, бросив на него пронизанный болью негодующий взгляд.

— Надеюсь, это заставит вас... — Он прижал руку ко рту. — Меня тошнит.

— Только не на мои сапоги, — поморщился Гидеон и отступил. — Мой дворецкий очень гордится их блеском. — Он взглянул на собравшихся вокруг него мужчин. — Кто-нибудь, дайте этому мошеннику настойку опия и погрузите в дилижанс.

— Я ему говорил, чтоб не пил после полуночи, — сказал Калев.

— Дуэль кончена! — крикнул из толпы свидетель. — Дело чести исполнено.

Гидеон покачал головой:

— На этот счет могут быть разные мнения.

Калев переступил через цилиндр Филиппа и с робкой улыбкой подошел к Гидеону. Его голубые глаза напомнили Гидеону о Шарлотте и вызывали симпатию к молодому человеку, несмотря на то, с кем он водил компанию.

— Мне пришлось стать его секундантом, ваша светлость. Надеюсь, вы понимаете. У этого задиры нет других друзей в Лондоне.

— Не могу сказать, что удивлен этим. — Гидеон снова подумал о Шарлотте, и его раздражение пошло на спад. — Я понимаю. Это замечательная черта — встать рядом с другом, даже зная, что друг не прав.

— Надеюсь, это не отразится негативно на нашем знакомстве, ваша светлость?

— Ни в коей мере. У меня такое чувство, что после женитьбы на вашей сестре мне понадобится вся мужская поддержка, которую я смогу собрать.

Калев благодарно кивнул:

— Я рад, что Шарлотта обрела такого верного защитника. Она всегда была довольно робкой в обществе джентльменов.

Прошлой ночью она не была робкой. Гидеон подумал о том, не ошибается ли свет в ее характере. Сам он недооценил ее... недооценил опасность, не говоря уже об удовольствии. Подумать только, всю жизнь он избегал тихонь.

Но это не тема для обсуждения с будущим родственником.

— Семья давно опасалась, что Шарлотта может оказаться уязвимой для повес, — добавил Калев.

— О, это была бы трагедия. — Гидеон взглянул на мужчин, несущих носилки, затем повернулся к сэру Дэниелу поговорить о своих подозрениях, но тот уже исчез.

Шарлотта в тревоге шагала по спальне Джейн, пока небо не посветлело и на горизонте не появилась знакомая мешанина городских шпилей. Но в конце концов груз волнения стал слишком тяжел. Она подвинула к окну кресло и села. Она хотела быть со своей семьей на случай, если что-то случится с Гидеоном.

Хлоя потянулась в кровати, открыла глаза и оглядела светлую комнату. Взглянув на дремавшую рядом с ней Джейн, она села и взглянула на безутешную фигуру у окна.

— Дождь идет? — спросила Хлоя, пальцами расчесывая черные кудри.

Шарлотта вздохнула:

— На небе ни тучки.

Хлоя спустила ноги на пол. Кровать тихо скрипнула.

— Скоро все кончится.

— Что кончится? — сонно пробормотала Джейн.

— Дуэль. — Шарлотта вскочила. — Должно быть, она кончилась. Уид машет мне с запяток кареты.

— Это жест облегчения или огорчения? — встревоженно посмотрела на Шарлотту Джейн.

— Как это можно сказать? — Шарлотта сунула ноги в туфли. Они были чужие, поэтому маловаты, и пришлось их с силой натягивать.

Джейн спрыгнула с кровати и подбежала к окну, ее медового цвета волосы струились по спине.

— Слава Богу! Гидеон, должно быть, взял верх. Что неудивительно.

— Ох, спасибо... — выпрямилась Шарлотта. — Не думаю, что ты по жестам Уида сможешь понять, жив ли Филипп.

— Не смогу. Но из кареты выходит Грейсон. — Джейн распахнула окно. — Грейсон! Что случилось? Мы умираем в неведении!

— Этот идиот выстрелил себе в ногу!
Джейн, прикусив губу, отпрянула к Шарлотте.
— Полагаю, он говорит не о Гидеоне.

* * *

Гидеон попросил Грейсона заверить Шарлотту, что оба дуэлянта остались живы. Он бы и сам заехал с визитом, но когда уезжал из парка, вдруг сообразил, что последние слова его соседа-майора были довольно странными.

«Две за одну ночь! Да вы боец, но держите их порознь...»

Две... дамы? Об этом говорил Болтон? Да, майор явно заметил Шарлотту, она была привлекательная леди и возбуждала любопытство, крадясь в дом Гидеона. Прошлой ночью под окном кто-то был. Могла это быть женщина?

Майор Болтон видел того, кого пропустил Гидеон? Это могла быть Харриет?

Вполне вероятно, что она заглянула в окно, желая убедиться, что с Шарлоттой все в порядке. Предположение неприятное, но вполне здравое. Куда больше тревожила мысль, что кто-то преследует Шарлотту, тот человек, который напугал ее в академии. Случайное совпадение? Нужно расспросить Девона, не видел ли он кого-нибудь, пока ждал на улице.

Возможно, вор снова решил поработать на знакомой территории. Если бы Гидеона не отвлекли действия Шарлотты, этот вариант сразу пришел бы в голову. Но как майор мог видеть через улицу? Должно быть, старый мошенник развлекался тем, что по ночам подсматривал за домом Гидеона в подзорную трубу.

Как только карета остановилась, Гидеон выпрыгнул, пересек улицу и стукнул в дверь майора. Открывшая служанка уставилась на него с благоговейным страхом.

— Ваша светлость, — она заправила под чепец выбившуюся прядь, — чем мы обязаны такой чести?

Он сдержанно улыбнулся:

— Извините, что помешал, но если не возражаете, я бы хотел минуту поговорить с майором.

— Не возражаю. — Служанка вздохнула и взялась мозолистыми руками за швабру. — Можете мешать моей работе, когда пожелаете. Сегодня у меня день уборки.

— Я это запомню. Ему нездоровится?

— Кому?

— Майору. Джентльмену, для которого вы убираетесь.

— А-а... — Она выпрямилась со шваброй. — Его нет. Он с дочерью сегодня после завтрака уехал в провинцию. Я чем-нибудь еще могу помочь вам, ваша светлость?

Появилась еще одна служанка, с ведром.

Проклятие, подумал Гидеон. Вряд ли он помчится за майором по сельским дорогам, чтобы задать простой вопрос.

— Меня дома ждут дела, — сказал он и повернулся, намереваясь уйти.

— Не сомневаюсь, — проворковала горничная, поставив ведро, и прыснула смехом, который преследовал Гидеона на улице.

Гидеон думал, что действительно кого-нибудь убьет, прежде чем закончится его ускоренное ухаживание за Шарлоттой. Не прошло и пятнадцати часов после злополучной дуэли, как ему напомнили, что защитник леди, даже если он является таковым только по названию, не может позволить себе терять бдительность.

Еще неделю назад, когда Шелби принес приглашение на маскарад в Опере, Гидеон понимал, что принять его будет ошибкой. Но Шарлотта намекнула на то, что там будут присутствовать члены ее семьи и что она любит балы с причудливыми одежаниями. Он согласился. Однако чувствовал себя дураком, когда Кит уговорил его одеться пиратом, как и все студенты школы фехтования. Когда Гидеон поинтересовался, зачем это нужно, Кит ответил:

— Тебе выпадает редкий шанс носить настоящий кортик и восхитить публику своим клинком.

Внутренне протестуя, Гидеон облачился в обтягивающие бриджи из черной кожи, белую голландскую рубашку и алый жилет. Дополнив этот наряд шляпой с пером и курткой с медными пуговицами, он застегнул пояс со шпагой и прицепил к нему кортик.

Но зачернить некоторые зубы и надеть золотую сережку, которую прислал Кит, решительно отказался.

Странно, когда он забрался в карету, Джейн, Харриет и Шарлотта смотрели на него с нескрываемым восхищением. Даже Грейсон одобрительно заворчал.

— А ты ждал, что мы бросим тебя в Темзу? — спросил он.

Джейн оделась как ее тезка Джейн Сеймур[4 — Третья жена Генриха VIII.], в голубое бархатное платье с пышным воротником. Опустив маску, она строго посмотрела на мужа:

— Грейсон, человек, одевшийся Робинзоном Крузо, не имеет права разговаривать. Эта борода отвратительна, у нее такой вид, будто в ней устроила гнездо пара мышей.

Задаюсь вопросом, что пили ты и твой камердинер, если до такого додумались. Хорошо, что Уид тебя не видит.

— Возможно, ему просто не хотелось бриться. — Харриет поправила кружевной лиф. Она выглядела великолепно в костюме девицы из таверны: игривое выражение лица и золотисто-рыжие волосы.

— Спасибо, Харриет, — кивнул ей Грейсон.

Наконец Гидеон взглянул на Шарлотту, намереваясь только обменяться любезностями. Но ее костюм лишил его дара речи. Он никогда не видел светловолосую Клеопатру в короне и просвечивающем одежании. Гидеон подумал, что она скорее похожа на Офелию и слишком очаровательна, чтобы мужчины могли устоять.

Его раздражала ее демонстрация чувственности, и он старался это скрыть.

— Оригинальный костюм, — сказал Гидеон после паузы, которая затянулась настолько, что все в карете почувствовали его неодобрение.

Шарлотта холодно улыбнулась, и у него сложилось впечатление, что она знает, почему он недоволен ее костюмом.

— Спасибо, ваша светлость. В эпоху Возрождения Клеопатру изображали со светлыми волосами, хотя ее предки были настоящими греками.

— Прелестно, — сказал он и отвернулся в тот миг, когда в ее глазах снова блеснула улыбка.

— Ваша светлость? — подалась вперед Джейн.

— Да? — неохотно взглянул на нее Гидеон.

Она сунула ему под подбородок... корзинку.

— Хотите инжиру? Он помогает расслабиться.

Харриет прыснула, Грейсон снова фыркнул, и когда Гидеон встретился взглядом с Шарлоттой, что-то в его сердце вырвалось на свободу.

Это тяжело. Как будто лопата вгрызается в камень. Он боролся с этим, с откровенностью эмоций, с выжигающим тьму светом.

— Я не люблю инжир. — Он нахмурился, чтобы не рассмеяться. Он испытал облегчение, когда карета остановилась в конце множества экипажей.

Гидеон выбрался из кареты, подал руку Шарлотте и совершенно неожиданно поймал себя на том, что с нетерпением ждет предстоящую ночь.

Он испытывал к Шарлотте что-то, помимо физического влечения, возможно, зарождающуюся привязанность. Шарлотта казалась ему полной сюрпризов. При случайном знакомстве никто бы не предположил глубины ее чувственности. Не подумал бы, какое впечатление она может произвести.

Возможно, он потанцует с ней сегодня вечером. Гидеон не очень любил танцевать, но танец оправдает его присутствие рядом с Шарлоттой. И доставит ей удовольствие. Главное, держать ее в поле зрения. Не прошло и четверти часа, как они расстались в толпе гостей, вливавшихся в бальный зал.

— О, да вы настоящий лихой пират, — произнес игривый женский голос, и Гидеон с высоты своего роста взглянул на прикрытое черной бархатной полумаской лицо.

Это Хлоя, кузина Шарлотты, подумал Гидеон. Он узнал ее по улыбке.

— Я чувствую себя полным идиотом, — мрачно произнес он.

— Потанцуем?

Слушая вполуха, он смотрел поверх ее головы.

— Куда она пошла?

— Она, наверное, где-то в бальном зале, — ответила Хлоя.

Она схватила его за руку. Он понятия не имел, что означает ее костюм. На ней были бриджи по колено и сюртук, который навел Гидеона на мысли о его дворце Шелби.

— Как она выглядит, пират?

Он пристальнее взглянул на собеседницу. Вопрос казался странным, но Шарлотта и Хлоя приехали порознь и могли не знать костюмов друг друга. У женщин на этот счет странные понятия.

— Она Клеопатра.

— Как интригующе, — прошептала его собеседница, снова дразня улыбкой. — Сегодня их здесь всего двадцать.

Она права. Так и есть. Некоторые щеголяли пышными темными локонами и чудовищными головными уборами. На одной была леопардовая шкура. Пожилая леди в белом шелке с жемчужными перевязями походила на мумию.

Но была только одна Клеопатра с мечтательными глазами, которая возвышалась над другими и казалась... Она встретилась с ним взглядом. Подняла веер из перьев, приветствуя его. Гидеон смотрел мимо, раздраженный вниманием, которое она привлекала. Шарлотта явно не понимает, что мужчина в капюшоне смотрит на нее так, будто она для него очередной лакомый кусочек. Это не ее давний возлюбленный. Этот болван вряд ли смог бы прохромать сквозь толпу, уже не говоря о танце.

— Извините, Хлоя, — сказал он своей забытой собеседнице.

— Я не Хлоя. — Она игриво подняла личико. — Меня зовут Флоренс. И я свободна.

— О Господи! Дайте мне пройти.

Толкаясь и работая локтями, Гидеон с извинениями пробирался сквозь толпу. Кортик у пояса и широкополая шляпа, сужавшая поле зрения, делали эту задачу нелегкой. Не очень помогало и то, что трое его приятелей по фехтованию, почувствовав проблемы, следовали за ним по пятам.

Незнакомец в капюшоне держался рядом с Шарлоттой, но она, казалось, была поглощена попыткой привлечь внимание Гидеона.

Мужчина наконец заметил его приближение.

Он взглянул на Гидеона, затем перевел взгляд на трех пиратов позади него и растворился в толпе.

— Шарлотта, — с досадой вздохнул Гидеон. — Почему ты ушла?

— Я сделала это неумышленно. Я разговаривала с матерью мисс Мартаут, а потом нас оттолкнули друг от друга.

Гидеон уставился на джентльмена, который, оглянувшись, окинул Шарлотту взглядом с головы до ног.

— Что вы ищете? — высокомерно спросил Гидеон.

— Я... Ничего, сэр. Я... Добрый вечер. Приятных развлечений.

Шарлотту толкнули к Гидеону.

— Пожалуйста, не начинай, — прошептала она.

— Ваша светлость, — сказал один из учеников фехтовальной школы, — вам нужны наши услуги? Хотите, мы выпроводим его отсюда?

— Нет. Мне нужно... — Он судорожно сглотнул.

Ему нужна Шарлотта.

— Идите, — ответил он, не поворачиваясь, — спасибо за предложение. — Гидеон медленно опустил взгляд на золотое ожерелье, блестящее на шее Шарлотты. Он только сейчас заметил кроваво-красные рубины. — Камни настоящие?

— Да.

Он указательным пальцем поднял ожерелье.

— В самом деле, — с удивлением произнес он.

— Гидеон, сегодня тут сотни людей. Они смотрят на нас.

— Я заметил. Кто тебе это дал?

— Я заняла ожерелье у Джейн. Ты не заметил его в карете?

— Нет, — сказал он. — Я старался не смотреть на тебя. Ты любишь драгоценности?

— У меня не было возможности носить их в академии.

Гидеон прошелся взглядом от ее горла до подола платья, пренебрегая тем, что это могут заметить.

— Что вдохновило тебя одеться Клеопатрой?

Шарлотта не сознавала, насколько соблазнительна ее застенчивая улыбка.

— Это один из костюмов для школьных спектаклей.

— Я люблю играть.

— Гидеон!

— И ты тоже. Я читал это собственными глазами.

— В этот момент в твоих глазах отражаются твои внутренние демоны. — Она

повернула голову, открыв соблазнительный изгиб шеи.

— Дорогая, мои глаза не способны отразить те дьявольские вещи, которые я намерен делать с тобой.

— Но не здесь. И не в таком костюме.

— Тогда давай разденемся. — Он взял Шарлотту за руку и потянул в сторону. — Это лучше.

— Танец начался, — сказала она.

— Да, я знаю.

— Почему мы уходим?

— Потому что я не хочу танцевать.

Он хотел ее на возвышении, женщину из жестокой легенды, женщину, которая приглашала могущественных мужчин овладевать ею.

— Гидеон, — сопротивлялась она, — ты ведешь себя как...

— ...пират?

— Ты сам это сказал, — едва дыша, проговорила Шарлотта. Гидеон поймал соскальзывавшую с ее головы корону. — Это был один из твоих друзей, а ты на него чуть не набросился.

— Если он друг, тогда он поймет.

Шарлотта через плечо пробормотала извинение.

— У тебя скоро друзей не останется, если ты будешь налетать на них как фрегат.

— У меня масса друзей, — огрызнулся Гидеон, кивнув Киту и его жене Вайолет, которые одновременно отступили, чтобы дать ему пройти.

— Куда мы идем? — спросила Шарлотта, махнув Харриет и немолодой леди, с которой Гидеон не был знаком, но которая, казалось, узнала его.

— Туда, где мне не нужно строить вокруг тебя крепость.

Шарлотта последовала бы за ним куда угодно. Хоть она и страшилась того, что Гидеон может напроситься на новую дуэль, Шарлотта внутренне задрожала, когда он прогнал нахального джентльмена, чье внимание Шарлотта игнорировала. Она испытала огромное облегчение, поскольку Гидеон не прибегнул к грубой силе.

Ее совесть не вынесет, если она станет причиной двух дуэлей за один день. Или каждый день. Гидеон превосходил все ее мечты. И она пыталась отговорить его?! Он непредсказуемый, он защитник и он... ее. Связь между ними становилась все крепче. Шарлотта хотела держать его подальше от других женщин со страстью, столь же бурной, как и у него, но лишь лучше скрытой.

Гидеон вывел ее из душного, ярко освещенного бального зала в темный коридор, занятый парочкой, которая... Шарлотта отвела глаза.

— Извините нас, — громко сказал Гидеон.

— Это вы нас извините, — пробормотал мужчина, махнув рукой над голым плечом партнерши. — Тут занято. Найдите себе другое место.

Шарлотта ахнула, когда Гидеон без колебаний выхватил кортик.

Мужчина, чья маска болталась на запястье, недоверчиво поднял взгляд.

— Вы не посмеете пустить его в ход.

— Посмеет, — сказала Шарлотта. — Пожалуйста, поверьте мне.

— Это герцог Уинфилд! — восхищенно воскликнула спутница мужчины.

— Уинфилд, — медленно повторил мужчина.

— Я так думаю, — улыбнулась Гидеону женщина.

Через несколько мгновений парочка исчезла, оставив Клеопатру и заносчивого пирата одних в темноте.

Гидеон потянул Шарлотту в нишу в стене и наклонил голову. Вздохнув, Шарлотта не сопротивлялась. Он уперся ладонью в стену над ее плечом, не только препятствуя ее побегу, но и закрывая ее от посторонних глаз.

Гидеон был словно вспышка молнии, он заставлял ее пробуждаться. Руки неторопливо прошли по бокам к пышной груди. Шарлотта запрокинула голову. Откуда в ней такая жажда? Что с ней произошло?

— Отпусти меня, — прошептала она.

— С чего бы это? Сегодня маскарад, мы это не мы. Ты легендарная царица, которая жила для того, чтобы мучить своих любовников.

— Но это ты мучаешь меня.

Гидеон улыбнулся. Поля шляпы затеняли его лицо.

— Я пират, теперь моя очередь гоняться за сокровищами. — Его рука заскользила по ложбинке на груди вверх к горлу.

— Возьми мое ожерелье. Но помни, оно принадлежит Джейн, а она не из тех, кто прощает обиды.

Его улыбка стала шире. Он провел пальцами по впадинке между ключицами.

— Во-первых, я не хочу ожерелья. Я хочу тебя, и ты мне обещана.

Шарлотта вздрогнула от откровенной чувственности в его глазах.

— Но...

— Обещание есть обещание. Чем дольше я жду, тем сильнее хочу тебя.

Она закрыла глаза.

— Мне нехорошо.

— Если ты упадешь в обморок, мне придется взвалить тебя на плечо и нести к карете. Люди станут судачить.

— Я...

Он снова поцеловал ее. Она чувствовала мужской жар и сталь кортика, когда Гидеон прижался к ней. Его сила удержала ее, не позволив сползти по стене на пол. Он целовал ее до тех пор, пока ее перестало волновать, что их могут тут увидеть.

Больше не имело значения, кто из них спровоцировал это горячее притяжение. Да, она изливала всю свою страсть в дневник. Но он снял путы с этой страсти и превратил написанное на бумаге в реальность.

— Вот что нужно сейчас делать. — Он отстранился, но столь властно оставил отпечаток на ее теле, что она будет чувствовать это до утра.

Она медленно открыла глаза и по выражению его лица поняла, что он хочет ее.

— Нам нужно вернуться в зал, — прошептала Шарлотта.

— Да. — Он сдвинул шляпу. — Хотя я предпочел бы остаться.

— Прости, что заставила тебя принять приглашение.

Его глаза тепло блеснули.

— Оно того стоило. Но я отведу тебя в бальный зал только при условии, если ты поклянешься, что не позволишь другим мужчинам смотреть на тебя.

— Я прошу о том же одолжении. Я видела, как ты танцевал с этой леди в бриджах.

— Хочешь — верь, хочешь — нет, но я думал, что это твоя кухня Хлоя.

Гидеон не отходил от Шарлотты до конца маскарада. Он следовал за ней, словно был не пиратом, а служанкой Клеопатры.

Он думал о том, что она сказала. Шарлотта, возможно, неопытна в мирских делах, но... У него множество друзей. Это правда. Но слишком долго он жил без семьи, у него нет ни братьев, с которыми можно повздорить, ни сестер, которых нужно защищать. В тяжелую минуту ему не на кого положиться, кроме Кита, который завел собственную семью.

Поздно ночью, вернувшись домой, Гидеон сообразил, что только со слугами может поделиться воспоминаниями, только они остались от его прошлого.

Он мог положиться на них.

И его единственная родная душа, Сара, его маленькая дочь, которую он редко видел, может положиться только на него, а он ее подвел.

Когда умерли его отец и жена, он искал убежища в алкогольном тумане. Он сам стал живым мертвецом. Один запойный день перетекал в другой.

Когда умирающая бабушка Сары твердила, что вовлечь маленькую девочку в его ужасную жизнь — злодеяние, он согласился. Ему не приходило в голову изменить образ жизни. Он словно рассыпался на куски и долго не мог собраться, чтобы задуматься о том, жив ли он вообще. Если бы он мог стереть прошлое и предотвратить будущее, то испытал бы огромное облегчение. И все же нельзя сваливать все на горе.

Дочь скучает по нему? Как она может скучать, если он никогда не играл заметной роли в ее жизни?

Он хотел, чтобы она вернулась.

Он хотел компенсировать ей недоданное в прошлом.

Он хотел, чтобы у его дочери снова была настоящая семья.

И больше всего он хотел в жены женщину, которую у него даже не хватило ума самому выбрать.

Глава 33

Карета с отличными рессорами мчалась по Виндзор-роуд. Герцогиня Скарфилд сулила уставшему кучеру продвижение по службе, если он успеет в Лондон к свадьбе. По мнению ее мужа, даже погода боялась перечить его жене.

— Успокойся, Эмма, — сказал Эйдриан, положив голову жене на колени, над которыми с каждой минутой рос их наследник. — Семья не посмеет устроить свадьбу без тебя.

— Не говори чепухи. Нет ничего такого, чего моя семья не посмела бы сделать. Сколько раз я предупреждала Шарлотту не верить секретам бумаге! Почему я надеялась на лучшее? Моя семья создана для позора.

Эйдриан про себя улыбнулся. С течением беременности Эмма все больше напоминала изящный чайник из китайского фарфора, чьим назначением было постоянно выпускать пар.

— Ты напрасно волнуешься, Эмма, — успокаивал он жену. — Сомневаюсь, что у Шарлотты есть какие-то секреты.

— Я не хочу приехать за минуту до свадьбы.

— Конечно.

— Я хочу подготовиться.

— Разумеется.

— Ты пытаешься меня утихомирить?

— Я...

— Насколько я знаю Джейн и Хлою, они нарядят Шарлотту в платье от этой скандальной мадам Дивайн. Не думаю, что ты ее помнишь. Она создает вызывающие наряды для любовниц и...

Эйдриан взглянул на нее как ни в чем не бывало.

Эмма в ответ нахмурилась.

— Не отвечай. Мне и без того есть о чем подумать. Что будет с академией? — не унималась она, потянувшись поднять занавеску. — Ты не можешь сделать так, чтобы карета ехала быстрее?

— Мы ведь не хотим причинить вред нашему наследнику? — выпрямился он. — Не беспокойся. Академия это переживет.

— Я не могу не беспокоиться.

— И что в этом хорошего?

— Мужчины просто не понимают.

Урожденная Эмма Боскасл, вдовья виконтесса Лайонс или, как ее звали в семье, Прелестный Диктатор и миссис Зануда, считалась аномалией в лондонской ветви Боскаслов. Воинственная в своем стремлении переделать неучтивых или склонных к скандалу, она считала своим призванием открыть академию для юных леди как пример членам собственной семьи, знаменитой непрерывными любовными интригами.

— Я полагала, что нашла в Шарлотте родственную душу, — задумчиво произнесла Эмма. — Она почти такая же уравновешенная, как...

— ...как ты.

Эмма кивнула.

— Она процветала под моей опекой. Она восхищалась мной, ты это знаешь. Но возможно, я дала плохой пример. Я была лицемерной.

— Эмма, не подай ты плохой пример, мы бы не поженились и не ждали бы ребенка.

— Это верно.

Минуту спустя она снова стукнула носком туфельки в дверь, золотистые локоны дрогнули у лица.

— Именно этого ждала леди Клипстоун, окончательного падения. Мне нужно быть там, чтобы предотвратить это.

— Какое падение? Насколько я понимаю, Шарлотту поймали на каком-то пустяковом приключении с мужчиной, который женится на ней. История заканчивается свадьбой, Эмма.

— Пропавший дневник, Эйдриан. Это начало конца. С таким же успехом она могла опубликовать энциклопедию непристойности.

— Ты скоро будешь там и во всем разберешься.

Глубоко вздохнув, Эмма сникла в его руках. Он уткнулся в ее волосы.

— Прекрати, — нерешительно произнесла она, прижавшись головой к его плечу.

— Нет. — Он сомкнул руки под ее грудью. — Ты меня не заставишь.

— Я могу, ты знаешь.

— Тогда попробуйся.

— Возможно, я не хочу, — с улыбкой призналась она.

— Четыре года брака, — задумчиво проговорил Эйдриан. — Не забывай, что в свое время мы сами были скандалом. Я всегда задавался вопросом, хотя, возможно, мне лучше

этого не зная, что сделало тебя и леди Клипстоун заклятыми соперницами? Разве вы не были когда-то подругами?

— Мы собирались вместе открыть школу этикета.

— И?..

— И я хочу сохранить некоторые секреты, Эйдриан, если только Шарлотта не выдала их своим неосторожным пером.

Через некоторое время они остановились на постоялом дворе у Кэмберли. Когда-то наемник и солдат удачи, Эйдриан редко пользовался своим титулом, чтобы получить приличную комнату. Наблюдательному глазу он казался столь же грубым, как Эмма — изящной.

Но он особенно опекал ее во время этой первой беременности. Эйдриан поднимался по лестнице позади Эммы, в любую секунду готовый подхватить свой «маленький чайник», если она оступится. И это едва не случилось, когда маленькая девочка помчалась вниз по лестнице.

— Подумать только! — сказала Эмма гувернантке, которая кинулась в погоню за вырвавшейся на свободу подопечной. — Разве детей нынче не учат манерам? Этой маленькой девочке нужна твердая рука.

— Ей нужна пара тюремных стражников, мадам, — бросила на ходу гувернантка. — Как только она окажется у своих родителей, я с удовольствием освобожу свои руки.

Взглянув на мужа, Эмма покачала головой:

— С такой необузданной девочкой хлопот не оберешься, помяни мое слово. Я сразу узнаю недисциплинированных детей.

— Какой ужас, — сказал он, думая о пытках воспитания, которые вынес в этом возрасте. — Куда катится мир?

Приподняв юбку, она сердито фыркнула.

— Я вижу эту твою улыбку. Ты меня не одурачишь. Нашему ребенку не будет позволено носиться в общественных местах. Как и в частных.

— Как скажешь, мой маленький чайник.

— Как ты меня назвал?

— Чепуха, милая, — рассмеялся Эйдриан. — Не расстраивай себя и малыша.

Редко когда между празднествами в доме Грейсона проходило две недели. Получить приглашение с золотой каймой на подобное событие считалось честью в кругу аристократии. Особняк маркиза на Парк-лейн никогда не спал. Часовые и слуги патрулировали территорию, подкрепляясь горячим какао, сваренным на свежем молоке, которое каждый день доставляли с фермы. Пекари приносили горячий хлеб, выпечку и мясные пироги к двери кухни.

Но теперь тут готовятся к свадьбе. Дом гудел как пчелиный улей. Работники кухни командовали другими слугами, и те подчинялись. Из хранилища нужно достать лучшие столовые приборы. Скатерти — погладить горячим утюгом. Нужно убрать комнаты для гостей и подготовить место для подарков, которые уже присылают доброжелатели. Нужно, чтобы меню свадебного обеда одобрила маркиза. Лакеям необходима новая обувь на мягкой подошве, чтобы они перемещались по дому тихо, как призраки. Требовалось немало усилий, чтобы свадьба в Мейфэре выглядела как сцена из волшебной сказки.

Сэру Дэниелу предстоял неприятный день. Первой его задачей было посетить герцога и мисс Боскасл в особняке на Парк-лейн, где она поселилась до свадьбы.

Присутствие Харриет его не удивляло. И все-таки, глядя на нее, такую элегантную, он помнил беспризорницу со спутанными волосами, какой она была, когда он впервые арестовал ее, и как она сопротивлялась, когда он поручил ее заботам Эммы Боскасл. С того момента жизнь Харриет переменилась. Как бы ему хотелось позаботиться о всех несчастных мальчиках и девочках с лондонских улиц!

— Ваша светлость. — С почтительной улыбкой сэр Дэниел склонился над ее рукой.

— Не надо, — прошептала Харриет. — Просто скажите, что нашли дневник.

Он покачал головой и выпрямился.

— Хотел бы я его найти. Если кто-то знает, где дневник, то хорошо хранит этот секрет. Я допросил все свои источники, но так и не узнал, где находится дневник.

— О Господи, — тихо произнесла она. — Полагаю, мне нужно что-то покрепче чая.

Сэр Дэниел отвел взгляд, но не раньше чем заметил, как герцог озабоченно посмотрел на свою скромную невесту. Неужели вынужденная помолвка переросла в искреннюю привязанность? Может быть, пропажа дневника сыграла положительную роль. Дэниел верил в любовь и брак, хотя и то и другое ускользало от него.

Гидеон шевельнулся.

— И сапфировое ожерелье не объявилось?

— Нет, — ответил сэр Дэниел, — что само по себе необычно. Может быть, воры сбежали из города.

Шарлотта тихо вздохнула:

— Я так хотела, чтобы все выяснилось до свадьбы.

— Есть еще четыре дня. — Взгляд Гидеона стал отрешенным.

— Он прав, — вскинула подбородок Харриет.

— У меня недоброе предчувствие, боюсь, что дневник попал в злые руки, — едва слышно произнесла Шарлотта.

Гидеон медленно переходил улицу, подняв руку, чтобы остановить полуденный поток транспорта. То, что он не сумел сдержать данное семье Шарлотты обещание, уязвляло его гордость. Он потерпел неудачу и не смог вернуть дневник до свадьбы.

— Проклятие, — пробормотал он, отскочив от маленькой кареты. — Кто это ездит так, будто улица принадлежит ему?

— Уинфилд! — крикнул из фаэтона Девон. — Не хочешь на часок заехать в галерею? Мне нужна новая шляпа.

Гидеон собрался было отказаться, но затем пожал плечами.

— Давай заедем, — пробормотал он и сел в экипаж рядом с будущим родственником. Худшее Девон уже сделал, если только его бесшабашная езда не закончится аварией. — В любом случае мне нужно купить Шарлотте свадебный подарок.

— Только не покупай ей книжку для дневника.

— У меня на уме кое-что другое.

Войдя в торговую галерею, они с Девоном сразу разошлись. Сэр Годфри, заметив

Гидеона, бросил клиента, которого обслуживал.

— Ваша светлость! Ваша светлость! — крикнул он, на случай если кто-то не заметил присутствия пэра королевства. — Как приятно снова видеть вас так скоро! Чем могу служить?

Гидеон в замешательстве смотрел на него. Неудивительно, что Кит украл у сэра Годфри невесту. Этот болван ни в чем не разбирается, за исключением дел, касающихся бизнеса.

— Ваша светлость, не хотите повнимательнее посмотреть охотничий рог? В комплект к нему у нас есть нож.

— Я ишу свадебный подарок, сэр. Оружью придется подождать до нашей годовщины.

— Хорошо, ваша светлость, — округлил глаза сэр Годфри.

Гидеон кивнул группе юных леди, остановившихся поглазеть на него.

— Я бы хотел веер...

— Из слоновой кости, золотой или с перьями?

— Есть разница?

— Разница?! — всплеснул руками сэр Годфри. — У нас есть веера из панциря черепахи и перламутра...

— Это...

— Шелковый или из кожи цыпленка?

— Из кожи цыпленка?! Ну уж нет.

— Веер с отверстием-глазком, чтобы передать настроение, или созданный для более скромных?

— Будь я проклят, если знаю. Давайте по одной штуке каждого вида. Мне хочется удивить невесту перед свадьбой.

Сэр Годфри махнул своему помощнику веером, который достал из витрины:

— Пожалуйста, принесите для его светлости веера всех видов, которые у нас есть.

— Все, что у нас есть, вы держите в руке, — извиняясь, покачал головой помощник.

— Что? — Сэр Годфри с резким щелчком закрыл веер. — Позавчера у нас было три дюжины вееров.

— Да, сэр, но одна леди вчера купила всю партию.

— Кто такая? — спросил сэр Годфри.

— Директриса той академии, сэр. Она велела записать покупку на ее счет.

Сэр Годфри вручил веер Гидеону.

— Принесите мне бухгалтерскую книгу.

Гидеон скрестил руки и раздраженно постукивал веером. Он поймал взгляд Девона с другого конца магазина и не успел ничего понять, как будущий родственник оказался рядом.

— Чего ты хочешь? Что нужно сделать? — спросил Девон.

— О чем ты говоришь?

— О твоём сердитом сигнале. — Девон взглянул на руку Гидеона. — Ты вызвал меня веером.

— Я ничего такого не делал... Ты хочешь сказать, что знаешь, как разговаривать с помощью веера?

— О Господи! Гидеон, в Лондоне нет джентльмена, который не знал бы хотя бы азы языка веера. Это не только язык соблазна. Порой он помогает выжить.

Помощник явился с открытой толстой книгой в руках. Сэр Годфри изучал имена в колонке вчерашних продаж.

— Леди Элис Клипстоун, — скривив губы, вспомнил он. — Это владелица академии, которая изо всех сил старается достичь репутации, которой славится невеста вашей светлости. Вижу, она опять купила в кредит.

— Вы полагаете, две академии соперничают друг с другом? — Гидеон веером указал на счет.

— Разумеется. Я полагаю, такой конкуренции вы не встретите между фехтовальными школами Лондона.

Гидеон обдумывал эту информацию. Надо сказать об этом Шарлотте и сэру Дэниелу.

— Спасибо, сэр Годфри. Это была полезная беседа. Я бы хотел купить дневник и серебряную чернильницу, которой восхищалась мисс Боскасл.

— Да, ваша светлость. Их доставить...

— В резиденцию маркиза Седжкрофта.

— Великолепное место, ваша светлость.

Глава 35

Дуэль Гидеона позади. Энергичная леди, которую Шарлотта наняла на свое место начальницы, устроилась в академии. Наконец можно предаться радостному ожиданию. В самом деле, нельзя было испытывать что-либо, кроме радости, в обществе Джейн и ее родственниц, празднующих эту свадьбу так, будто она не стала следствием скандальных обстоятельств.

По мнению Боскаслов, все хорошо, что кончается походом к алтарю. Все в семье знали, что настоящий роман вообще не подчиняется правилам благопристойности. Но так или иначе, все компоненты — доза страсти, брызги тайны, мера чести и два сердца, влекомые друг к другу неведомой силой, — создали союз, который не только выживет, но со временем будет процветать.

Шарлотта оставила надежду на возвращение дневника. Единственным утешением было то, что ее писания не появились на страницах бульварных газет. Гидеон передал замечание сэра Годфри о соперничестве леди Клипстоун. Шарлотта объяснила, что это как-то связано с ее кухней Эммой, но не знала как именно, к тому же у нее на уме были более важные дела.

Армия знаменитых мастериц, чьи иголки порхали с утра до вечера, создавая волшебство, наконец закончила ее свадебное платье. Теперь нужны только корсет, сорочка и несколько предметов первой необходимости для путешествия. Итальянский бабшачник Джейн создал самые прелестные свадебные туфли в мире — из бургундской кожи с украшенными бриллиантами пряжками, которые сверкали как звезды.

Сегодня днем Джейн возила ее к своей портнихе, о которой отзывались неоднозначно. У мадам Дивайн был талант создавать наряды, которые так воздействовали на мужчин, что они охотно опустошали свои карманы.

Шарлотту поразила толпа зевак возле дома из темного кирпича, построенного в георгианском стиле.

— Чего ждут все эти джентльмены? — спросила она у Джейн.

— Они надеются мельком увидеть клиенток, большинство из которых дамы легкого поведения или куртизанки.

— Тогда что делаем здесь мы?

Джейн вышла из кареты и направилась к двери под тихое восхищенное присвистывание.

Когда Шарлотта поспешила присоединиться к ней, хор приветствий усилился. Джейн рассмеялась и потянула ее под опеку двух лакеев, которые провожали клиенток в магазин.

— Я пришла в ужас, когда Грейсон впервые привез меня сюда, — прошептала Джейн, когда они поднимались по лестнице в примерочную. — На самом деле мадам создает свои фасоны только с одной целью: ради удовольствия мужчины снять с женщины платье.

К удивлению Шарлотты, мадам Дивайн уже выбрала шелковый корсет цвета слоновой кости с металлическими пластинками внутри, который поднимал грудь, утягивал талию и подчеркивал бедра. У Шарлотты было такое чувство, что корсет больше подходит для средневекового турнира в качестве лат, чем для свадьбы, но результат был столь ошеломляющий, что Гидеон явно скоро освободит ее из этой хитрой клетки. Мисс Пеппертри одобрила бы.

— Герцог придет в восторг, — объявила мадам Дивайн, когда утомительная для всех примерка наконец закончилась.

Рыжеволосая женщина в шляпке из итальянской соломки и шелковом платье в алую и золотую полосу вышла из-за ширмы.

— Одри, — обратилась к ней Джейн. — Вы знакомы с мисс Боскас?

— Не имела такой чести. Но, — она понизила голос, — я счастлива признать, что не видела его светлость с тех пор, как появилось известие о его помолвке.

Шарлотта улыбнулась, зная, что Боскаслы считают миссис Уотсон другом.

— Надеюсь, вы больше никогда не увидите его в своем доме, — сказала она.

Одри окинула взглядом фигуру и лицо Шарлотты:

— У меня такое чувство, что он не вернется.

Шарлотта заставит его пожалеть, если он это сделает, ведь она заказала вечерние платья и газовые ночные наряды, которые надела бы только куртизанка. Она не сумела убедить его отказаться от дуэли. Но решительно настроена совершенствовать способы убеждения. В конце концов, она годами изучала, что такое быть леди. И приложит не меньшие усилия для того, чтобы научиться быть женой.

— Миссис Уотсон, — она огляделась, чтобы убедиться, что их никто не слышит, — я благодарна за информацию, которую Джейн передала мне от вас.

— Замечательно. Надеюсь, вы ею воспользуетесь.

— Я уже это сделала.

Милли с криком проснулась в тот миг, когда Ник положил руки ей на горло. Отшатнувшись, он заткнул уши руками и пробормотал:

— О Господи! И ты туда же.

Она посмотрела на корсаж платья, которое не потрудилась снять, ложась спать.

— Что ты пытаешься сделать со мной, Ник Риделл? У меня и без того ночь была скверная. Ты что, синяки не видишь?

— Посмотри. — Он сел и выудил из ложбинки на ее груди сапфировое ожерелье. — Я пытался надеть его на тебя. Синяки я вижу. Этого типа зовут Джимми, я сегодня об этом мерзавце позабочусь. Ты не могла найти клиента классом повыше?

Милли подозрительно посмотрела на него:

— Сколько джина ты выпил?

— Я вообще не пил.

— Как мы будем добывать деньги, если я оставлю ожерелье?

Он потянулся за брюками.

— Я не сказал, что ты можешь его оставить. Я только хотел посмотреть, как оно на тебе выглядит.

— Ты меня для этого разбудил? — Милли снова плюхнулась на подушку, закрыв лицо рукой.

Ник отвел ее руку.

— Никому его не показывай. Я скоро вернусь.

— Ты собираешься избавиться от этой книжки? — с любопытством посмотрела на него Милли.

— Да.

— Слава Богу! Страшно смотреть, как ты каждый день читаешь.

— Это кончено. — Он направился к двери. — Не ходи на работу сегодня. Я поведу тебя в Воксхолл.

— У меня нет чистого платья.

— Я найду. — Его взгляд вернулся к синякам на ее шее. — Поспи. Ты выглядишь... даже не знаю...

— Эй! — Милли снова села, сжимая в руке ожерелье. — Я забыла тебе сказать. Твой старый приятель сэр Дэниел искал тебя прошлой ночью. Я сказала ему, что ты умер.

— Умница.

— Грозил засадить меня в камеру, если снова увидит на углу.

— Тогда время отдохнуть.

— Отдохнуть? — Она откинулась на подушку. — Не надо было тебе читать, Ник. Эта книжка тебя свела с ума.

Ник заколебался. Он едва не спросил ее, правда ли то, что сказал Барни. Пока у него нет особого желания выяснять. Но он твердо знал, что не может позволить себе просидеть еще день, погрузившись в этот проклятый дневник. Милли права. Это ненормально. С тех пор как он начал читать, он вышел из игры. Он хотел избавиться от дневника, хотел, чтобы его злость вернулась, потому что иначе кто-то более жестокий займет его место на улице.

Глава 36

Шарлотта смотрела на свадебное платье, висевшее на дверце шкафа. Оно было до того красивым, что она прошлой ночью так и заснула, не сводя с него глаз. Она дожидаться не могла, когда утром наденет его для Гидеона. А вечером позволит ему освободить ее от потока шелка и пены кружев.

Проходя мимо шкафа, Шарлотта коснулась платья, как талисмана. Она услышала, как в гардеробную из коридора вошла служанка, наверное, убрать беспорядок, который учинили Джейн и Хлоя, привезшие кучу чулок разных оттенков, чтобы подобрать к ярко-розовому шелку платья.

Она распахнула дверь и замерла, увидев незнакомого мужчину, рывшегося в шкатулке с драгоценностями. Он быстро повернулся к ней.

Шарлотта задохнулась, узнав его.

— Вы! Это вас я видела в окно.

Мужчина умоляюще сложил руки:

— Пожалуйста, не кричите. Я не трону и волоска на вашей прелестной головке. Просто послушайте. Я вас прошу. Вы меня понимаете?

Она кивнула, сердце лихорадочно билось.

— Чего вы хотите?

— Я принес вам ваш дневник. Посмотрите. На столике за вами. Он там. Ни одна страничка не пропала.

Она недоверчиво посмотрела на него:

— Это вы взяли мой дневник? Вы смотрели в окно? Но зачем? Я вас не знаю. Кто вы?

— У вас есть соперница. Она заплатила мне, но она мне не нравится. Мне нравитесь вы.

Шарлотта на миг прикрыла глаза, собираясь с мыслями.

— И напрасно. Вы представить себе не можете, сколько я создала проблем.

— И я тоже, — рассмеялся незваный гость. — Я никогда не знал, что у леди могут быть такие мысли, как у вас. Я никогда не смотрел на любовь так, как вы, если вы понимаете, что я имею в виду. Все эти вещи, которые мужчины и женщины делают вместе... гм... вы сделали их красивыми.

— Нет. — Шарлотта вдруг почувствовала облегчение. — Да. Я знаю. И вы не собираетесь делать мне ничего плохого? Я выхожу за герцога своей мечты, и даже если он не любит меня, я его люблю, люблю с тех пор, как впервые увидела.

— Герцог удачливый человек.

— Он им не будет, если найдет меня мертвой.

— Мертвой? Милая, вы не поняли. Я всего лишь хочу без шума получить платье и символ вашего уважения.

— Символ? Какого сорта символ? Подождите, не отвечайте. Вы сказали, что некая леди заплатила вам за кражу дневника?

— Верно. Не могу назвать ее имени. Но я начал читать дневник и был тронут вашими страстными признаниями.

Шарлотта чувствовала, что незнакомец опустил критическую часть этой истории, но поскольку он отдал ей дневник и не причинил вреда, она сделает выводы позже.

— Вы... вы были тронуты?! — Она опустила веер, который тайком вытащила из полуоткрытого ящика, чтобы защититься, если гость распустит руки. — Вы хотите сказать, что вам заплатили, чтобы вы украли дневник, и возвращаете его, потому что...

— Да, я на этом теряю деньги. Если кто-нибудь услышит, что я это сделал, меня высмеют и выгонят из трущоб.

Она заставила себя заглянуть глубже, увидеть больше в этом длинноволосом мужчине в мышино-сером пальто. Если его вымыть, причесать, одеть в подходящий костюм, он будет вполне презентабельным. Он... Ее мысли замерли. В дверях, ведущих в спальню, стояла новая горничная, которая прошла проверку Уида. Их глаза встретились. Шарлотта хотела, чтобы девушка скрылась.

— Вы поступили правильно, — сказала она, отведя взгляд от двери. Незнакомец не видел горничную. Шарлотта боялась встревожить его. Кто знает, как он отреагирует? Она так разнервничалась, что у нее во рту пересохло. Возможно, если она ублажит его, он уйдет. — Вы правильно поступили, что прислушались к голосу совести.

— Да, какая она ни есть. Но я собираюсь уйти. Все, что я хочу, — это платье для моей девушки. Что-нибудь красивое, модное.

— Не знаю, что ей подойдет. — Шарлотта опустила готовый к атаке веер. — Пойдемте

со мной, сами посмотрите, но, пожалуйста, не трогайте мое свадебное платье.

Они вместе прошли в другую комнату к французскому золоченому шкафу, и Шарлотта уговорила незнакомца выбрать бирюзовое шелковое платье с вышивкой по низу и лентами на рукавах.

— Я его не носила. Оно довольно свободное. Просто помогите ей подогнать шнуровку, и, конечно, поможет хороший корсет. У нее есть какая-нибудь поддержка?

Мужчина нахмурился:

— Она время от времени ходит в «Женское пенитенциарное общество», и ей там иногда что-то дают. Кроме этого, я плачу за все, что ей нужно.

— Нет. Я не об этом. Я имела в виду, есть ли у нее хороший корсет. Предмет, созданный, чтобы подчеркнуть ее... Ох, не важно. Это все, что вы хотите?

— Я возьму рубиновое ожерелье с вашего туалетного столика, как компенсацию за потерянное время.

— Оно не... — Шарлотта кивнула. Ожерелье стоит целое состояние. Но Джейн придется смириться.

— Значит, даже юные леди вроде вас хотят, чтобы мужчина нашептывал грубые слова, когда они вместе составляют двухголового зверя, — улыбнулся ей Ник.

— Мне не нравится этот разговор.

— Это вы писали об этом.

— Посмотрите, какие проблемы я навлекла на себя и на тех, о ком забочусь. Кроме того, писать о частных делах — это не то же самое, что обсуждать их. Разве вы не видите разницы?

— Да уж, — усмехнулся он. — И не то же самое, что делать это. Но вы все об этом знаете.

— На самом деле нет.

— Я сохраню эту тайну, — подмигнул он.

— Я это ценю. — Она сделала медленный вдох. — Как вас зовут?

— Ник. Она в этом будет чудесно выглядеть, — сказал он, прижимая к груди платье, которое выбрала Шарлотта. — Хотя не так прелестно, как вы.

Шарлотта кивнула. Она отдала бы все свои платья в обмен на то, что он ее не тронет.

— Она будет выглядеть как леди.

— Нет. Для этого требуется нечто большее, но, возможно, она почувствует себя леди.

Шарлотта подняла глаза. Горничная не двинулась с места. Девушка поняла, что Ник не из прислуги и пробрался в дом тайком. Она словно окаменела. Шарлотта молилась про себя, чтобы горничная словом или действием не спугнула его.

Только это она могла сделать — молиться, чтобы ее неожиданный визитер мирно и незаметно ушел. Лишь тогда она сможет перевести дух и просмотреть дневник, проверяя, не пропали ли страницы.

— Как вы уйдете? — спросила она, стараясь не выдать своей тревоги.

— Через окно, ближайшее к дереву.

— Тогда удачи, — судорожно сглотнула она.

— И вам того же. Этот герцог должен быть вам под стать.

— Да.

— Напустите на него Ника, если он подведет.

Как она ухитрилась не кивнуть любезно в ответ на это смущающее предложение,

Шарлотта не знала. Она не сомневалась в том, что Гидеон вызвал бы его на месте.

— Где Шарлотта? — обратилась Джейн к Уиду, который появился раньше, чем она отпустила шнурок звонка. — Нам нужно вместе просмотреть список гостей, чтобы она помогла мне вспомнить правильные титулы.

Хлоя впорхнула в комнату, ошеломляюще красивая в голубом атласе.

— Я только что видела, как лакей поднимался в ее комнату. А может быть, он шел к Эмме. Она тоже собиралась просмотреть список вместе с Шарлоттой.

Гидеон отвернулся от окна, где вместе с Грейсоном наблюдал, как сэр Кристофер в саду учит лорда Роуэна делать выпад.

— Я не против пойти поискать ее, — сказал он, надеясь воспользоваться тем, что все обращают друг на друга чисто символическое внимание. — Никто не возражает?

— Я возражаю, — лукаво произнесла Джейн. — И я с вас глаз не спущу. Это единственное время, когда мы должны проявить сдержанность и следовать правилам.

— В ее комнате нет лакея, — нахмурился Уид. — Я только что закончил последнюю проверку ливрей для свадьбы. Каждому слуге велено было напудрить парик и вычистить сюртук.

Хлоя наморщила лоб.

— Этот лакей был в уличной одежде. Он что-то нес в руках. Видимо, он очень спешил. Я решила, что кто-то послал его наверх.

— Тогда кто он? — оглядел всех Гидеон.

— Разве вы не послали Шарлотте свадебный подарок? — спросила Хлоя.

— Да. Но Уид проследил, чтобы его спрятали. Я вручу его в день свадьбы.

— Спасибо, что принесли дневник, — прошептала Шарлотта, ее нервы были на пределе.

— Спасибо, что написали его... и за платье. — Он снял шапку.

Наконец мужчина поспешил к окну. Бирюзовое платье вздымалось словно парус, когда незванный гость прыгнул на ветку росшего под окном дерева.

— О Господи! — воскликнула Шарлотта, повернувшись к горничной. — Ему обязательно было бежать там, где его видно из окон гостиной?

— Я всех предупрежу! — Горничная выскочила из комнаты прежде, чем Шарлотта успела объяснить, что это может принести больше вреда, чем добра.

— Скажи, чтобы отпустили его! О Боже! Я ведь сама могу спуститься и рассказать им все.

Подбежав к лестнице, горничная налетела на камердинера, направлявшегося в комнату юного лорда Роуэна приготовить перемену одежды.

— Скорее! — выпалила она. — В комнате мисс Боскасл странный человек, он забрал ее платье и выскочил в окно.

— О Господи!

Камердинер бросился вниз и едва разминувшись с дворецким, который нес в гостиную поднос с чаем.

— Быстрее! На помощь! Вор вломился в комнату мисс Боскасл, украл ее платье и удрал через окно.

Дворецкий разинул рот.

— Мерзавец! Я сию же секунду отправлю Уида.

Влетев в гостиную, где все ждали чай, дворецкий крикнул Уиду:

— Сэр! Сэр! Вор забрался в спальню мисс Боскасл и выскочил в окно в ее свадебном платье!

— Что? — двинулся к двери Гидеон. — Какое окно? Куда он делся?

Джейн схватила его за руку:

— Идите в сад и поймайте его.

— А как Шарлотта? Мне нужно ее проверить.

— Это сделаю я, — ответила Джейн. — Грейсон, положи печенье и иди с Гидеоном.

К тому времени, когда Гидеон, Грейсон и Уид с тремя лакеями выбежали в сад, Ник прыгнул с дерева на стену и тайным маршрутом пробирался к себе. От ворот сада можно было заметить лишь мелькающее пятно чудесного бирюзового оттенка.

— Я его догоню, — расстегивал сюртук Гидеон. — Я хочу с ним сразиться.

Грейсон покачал головой:

— Придется подождать, пока не состоится свадьба, если не хочешь расстроить всех женщин в этом доме. Если ты ввяжешься в драку с уличной бандой, свадьба может не состояться. Мы можем поохотиться за ним в другое время.

— Но он был в ее подвенечном платье. Как свадьба может состояться без него?

— Это было не подвенечное, а прогулочное платье, — сказал Грейсон. — И кстати сказать, он всего лишь держал его под мышкой.

— Ты прав, — сказал Гидеон, сраженный осведомленностью Грейсона в дамских нарядах. — Послушай, меня протокол не волнует. Я должен увидеть Шарлотту собственными глазами. Всего несколько минут. И клянусь, я буду вести себя благопристойно.

— Нет. Я только что столкнулась с ней в холле, — сказала Эмма. — Она собирается принять ванну, чтобы успокоить нервы. Она взволнованна, но в полном порядке и прекрасном настроении.

— Тогда мне стоит поддаться инстинкту и погнаться за негодяем. Во-первых, чего он от нее хотел?

— Он вернул дневник, — облегченно вздохнув, произнесла Эмма. — Это настоящий подарок к свадьбе, и теперь, хвала небу, ничто не угрожает этому событию.

Гидеон посмотрел на окружавшую сад стену.

— Дневник принес человек, который убежал с платьем? В этой истории есть нечто большее. Возможно, это не имеет никакого отношения к делу но мне интересно, что вы думаете о леди Клипстоун.

Эмма подняла брови:

— Она поклялась погубить академию. Почему вы о ней вспомнили?

— Думаете, она способна на кражу?

— Сомневаюсь...

— А нанять вора?

— Да, — медленно сказала Эмма. — Она годами таила против меня злобу, но мне никогда не приходило в голову, что Элис станет действовать под ее влиянием. — Она покачала головой, начиная понимать. — Это она организовала кражу дневника. Вот злобная ведьма. Ох... я могла бы накричать на нее.

— Накричать? — сказал Грейсон. — Это самая ужасная форма мести, о которой я когда-либо слышал. Эта женщина принесла нам непростительное горе. Не думаю, что крик подходящее наказание.

Рука Эммы скользнула к округлому животу.

— Настоящая леди не ищет мести. Она выше этого, и если у нее сильный характер, она прощает.

— Прощает? — покачал головой Грейсон. — Почему?

— Замысел Элис Клипстоун, может быть, и принес нашей семье неприятности, — ответила Эмма, — но он собрал нашу семью на очередную свадьбу. Не забывайте, главная цель нашей академии — чтобы ученицы вступили в достойный брак. Мы могли время от времени переживать печальные скандалы. Но в конце концов мы оказывались выше. Несмотря на низкие усилия, леди Клипстоун не удалось погубить ни репутацию Шарлотты, ни репутацию академии.

Глава 37

Шарлотта годами грезилась о свадьбе. Она до последней детали описала ее в своем старом дневнике. И когда у нее будет свободная минута, опишет реальные события этого дня в новом, который подарил ей Гидеон вместе с серебряной чернильницей и тяжелым кольцом с сапфирами и бриллиантами. Он сказал, что эти камни напоминают ему цвет ее глаз и звездный свет в их глубинах. Первая страница дневника будет отмечена одной из красных роз, которые он прислал ей перед отъездом в церковь.

Мечта стала реальностью. Клятвы произнесены, новоиспеченные муж и жена были слишком переполнены чувствами и могли лишь улыбаться. Шарлотту обнимали, поздравляли друзья и родственники. Она искала в толпе Гидеона, их глаза встретились. Им не нужны были слова.

В этот вечер в бульварной газете появилась заметка, сообщавшая о том, что в особняк маркиза Седжкрофта пробрался таинственный визитер. Свидетелей преступления нет, хотя случайный прохожий заметил у ворот какого-то подозрительного молодого человека со свертком в руках. Лондон взбудоражили предположения о содержимом свертка.

Но подробности о свадьбе, избранном обществе гостей, перечень подарков скоро затмили эту сплетню. Ее семя было брошено на ветер и не проросло.

Дом затих, когда Гидеон привел Шарлотту в спальню и освободил от завязок и шнуровок свадебного платья.

— Озорной наряд, — одобрительно проворчал он. — И почти неприлично поднимает твою прелестную грудь. Я даже соски вижу.

Шарлотта, вспыхнув, смотрела мимо него.

— Я знала, что не следует его надевать.

— Еще как следовало. — Гидеон наклонился лизнуть розовый пик, выступавший над краем корсажа. — Но оно действительно дает тебе преимущество, и я не могу позволить, чтобы это продолжалось.

Он долго целовал и ласкал ее, открывая секреты ее тела с той же легкостью, как открыл ее сердце. У нее перехватывало дыхание в ожидании предстоящего. Ее бы не оторвали от

Гидеона, даже если бы дом был охвачен огнем. Глубоко внутри пульсировало желание, влажный жар собирался между ее бедрами.

Он не касался ее там, но Шарлотта знала, что с его стороны это умышленный акт соблазна... который достигнет цели прежде, чем она сможет принять ответные меры.

— Придет и твоя очередь, — сказала она.

Гидеон улыбнулся, чувственное знание в его глазах склонило ее выполнить свою угрозу.

— Но пока верх за мной.

Шарлотта потянулась и обвила руками его шею.

— Правда?

Шарлотта поцеловала его прежде, чем он смог ответить. Ее язык касался его языка в игривом приглашении. Она выгибалась, предлагая себя, и Гидеон брал, жаждущий и требующий.

Его дыхание участилось. Он целовал ее плечо, грудь, скользнул руками по спине, стянул с постели и поднял на ноги. Они стояли лицом к лицу, навечно связанные клятвой и тайнами сердца.

— Я хочу тебя на полу.

Шарлотта приоткрыла губы, припухшие и соблазнительные. Гидеон потянул ее вниз.

— И на коленях.

Он медленно отвел ее рассыпавшиеся локоны, которые прятали ее грудь от его жадного взгляда.

— Сейчас, Шарлотта.

Зачарованный, Гидеон ждал, когда Шарлотта подчинится. Уголки ее губ приподнялись в улыбке. Он опустился позади нее и сжал ягодичы, поднимая ее в соблазнительную позу.

Кончиками пальцев он провел линию от ее затылка до поясницы. Ее кожа напоминала влажный шелк.

— Я вижу нас в зеркале, — сказал он. — Подними голову. Посмотри на себя.

Шарлотта встретилась с ним взглядом. Свет ламп подчеркивал образ раскованной женщины, отражавшейся в зеркале. Спутавшиеся волосы обрамляли лицо, упали на плечи и руки.

Гидеон прижал к ее бедрам налившееся мужское естество. У нее вырвался слабый вздох. Она, словно загипнотизированная, смотрела на мужчину и женщину в зеркале.

— Какая ты распутная, герцогиня, — сказал он. — Кто-нибудь еще знает, что ты можешь быть такой озорной?

— Это секрет.

— Тогда я не буду рассказывать.

Он почувствовал, как напряглось ее тело, когда набухшая головка его копья двинулась между ее бедрами, чтобы проникнуть в складки лона.

Не сразу. Не в первый ее раз. Гидеон выбрал размеренный ритм, с каждым движением продвигаясь чуть глубже и отступая. Слишком поздно он сообразил, что угодил в ловушку собственной изобретательности. Дразнящие удары наслаждения столько раз доводили его до крайности, что он начал полагаться только на инстинкт, уступая открытому чувству. Он услышал низкий, гортанный стон Шарлотты. «Французские письма» не нужны. Это его жена.

— Шарлотта, прости...

Жилы на его шее напряглись от усилий, которые он прилагал, чтобы не погрузиться в ее

влажное тепло одним ударом. Глубже. Медленнее. Его руки сжимали ее бедра, когда ее тело принимало, вбирало всю его длину.

— Гидеон, — прошептала Шарлотта, и он снова взглянул в овальное зеркало, сраженный откровенной красотой ее подчинения. — Огонь с огнем.

Он оторвал зачарованный взгляд от зеркала.

— И плоть с плотью. Я запомню этот момент навсегда, — произнес он. — Позволь мне сделать это незабываемым для тебя. — Гидеон замер, и не успела Шарлотта вздохнуть, как он двинулся в нее с силой, которая разрушила ее последнюю защиту, заполнил ее до предела и сделал наконец своей.

Одри развлекала графа с предыдущего вечера — привилегия, гарантированная лишь одному из ее бывших любовников. Она проснулась раньше, чем он, после полудня и с облегчением увидела сквозь шторы безоблачное голубое небо.

Даже погода милостива к Боскаслам, подумала она, снова задремав. Она могла бы получить приглашение, если бы хотела присутствовать на свадьбе. Одри этого не сделала. Она слишком связана с женщиной, которую герцог едва не сделал своей любовницей.

Его невесте не нужны напоминания о его грехах. Эта мысль напомнила самой Одри, что ее Немезида не появлялся три дня. Возможно, она снова свободна от него.

Какой смысл затевать реванш, если другая сторона отказывается участвовать? Когда наступил вечер, Одри поднялась с кровати, стараясь не смотреть на графа, который распростерся на простынях во всей красоте своей наготы.

Надев серо-зеленое платье, она взглянула в зеркало. Оттуда на нее смотрела незнакомая женщина.

Граф перевернулся на живот. Взглянув на него, Одри быстро выскользнула в смежную гостиную. Сэр Дэниел изучал картину с изображением Венеры, висевшую над розовым мраморным камином, в котором тлели угли.

— Миссис Уотсон, — сказал он, повернувшись к ней. — Надеюсь, мой визит не помешал.

Она сопротивлялась желанию одернуть платье и жалела, что не расчесала волосы.

— Как вы здесь оказались? Я велела никого не принимать.

— У меня отличная память. — Его чисто выбритые щеки дрогнули от улыбки. — Вы не помните, что водили меня по тайным коридорам этого дома?

— Нет. Не помню.

Он оглядел комнату, словно у него не было времени обследовать ее. Его взгляд прошелся от китайской вазы на буфете к графину с бренди на черном шкафчике. Потом остановился на шляпе в угловом кресле.

Сэр Дэниел посмотрел ей в лицо.

Одри хотелось выцарапать ему глаза, колотить его по лицу и груди, почувствовать, как его руки сомкнутся вокруг нее. Но однажды она совершила ошибку, показав, что любит его.

— Я не сообразил, что у вас компания.

Она сжала губы.

— У вас была причина прийти сюда?

— Да, — улыбнулся он. — Мне сообщили, что дневник мисс Боскасл снова у нее.

— Она герцогиня Уинфилд. Она ведь сегодня утром вышла замуж?

В спальне кувшин звякнул об умывальный таз. Сэр Дэниел смотрел на дверь в смежную

комнату с нескрываемым презрением.

— Приятного вам вечера, мэм. — Он повернулся, чтобы уйти, прежде чем Одри остановила его. — Передайте графу мои наилучшие пожелания.

Милли кружилась по комнате в новом платье.

— Ты правда не украл его, Ник?

— Нет, — резко ответил он, приступ мрачного настроения снова овладел им. — Не вертись так. У меня голова раскалывается.

— Это все джин. Мне действительно не нужно работать одной на углу?

— Сколько раз повторять? Сначала я одобрю твоего клиента, а потом один из мальчишек будет стоять на страже на случай, если дела пойдут плохо.

Услышав в проходе грохот, он поднял глаза. Это был всего лишь Холлис, олух, который голову от задницы не отличал.

— С чего это ты вломился сюда, как конница, хотел бы я знать?

— Милли, — присвистнул Холлис сквозь дыру в передних зубах. — Я хочу что-нибудь из этого, пожалуйста.

— Скажи это еще раз, и я тебе глаза выколю, — она подняла руку, — этим гребнем.

Холлис привалился к стене.

— Отлично. Я хочу что-нибудь из этого, пожалуйста.

— Убирайся отсюда. — Ник сунул руку под подушку за оружием.

Холлис фыркнул.

— На причалах только что приготовили товар к отгрузке.

— Да? — Ник сел.

Милли повернулась, в ее глазах блестели слезы.

— Ты обещал, что мы сегодня вечером пойдем в Воксхолл. — Она швырнула гребень на кровать.

— Прости, Милли, — произнес Холлис. — Это бизнес.

— Не стой здесь с постной миной, — передернула плечами Милли. — Помоги мне выбраться из этого дурацкого платья. Оно как саван.

Холлис сглотнул, и она повернулась к нему спиной. Его огромная лапища дрогнула, прежде чем он сказал:

— Я отведу тебя в Воксхолл, Милли. И мы там поедим.

— Кого ты ограбил? — поинтересовалась она.

— Никого. Я получил работу на причалах. Вот как ребята узнают о погрузке.

Она медленно повернулась.

— Ты кретин. Думаешь, тебя оставят на причалах, когда поймут, чем ты занимаешься?

— Найдется и другая работа, где нужен человек с мускулами.

— Эй, вы, хватит болтать. — Ник натягивал брюки на голое тело.

— Ты пойдешь со мной или нет? — обратился Холлис к Милли.

Ник сунул пистолет за пояс и нож в сапог.

— Идем.

Ник стал прежним.

Он никогда не изменится.

Он позволил себе проблеск другого мира, но теперь ему нужен свежий поток опасности. Не было темных проулков, дорожек и закоулков, ведущих к нелегальным игорным домам, которых он не знал. И помогай Бог тому, кто станет ему перечить. Или

женщине, которая надеялась связать его по рукам и ногам на всю жизнь ребенком, который мог быть не от него.

Он вернулся. Скоро он начнет забывать, как выглядит Шарлотта Боскасл, это лишь вопрос времени.

Глава 38

На следующее утро после свадьбы Шарлотта просыпалась постепенно. Тело сопротивлялось. Она чувствовала тепло и непривычную саднящую боль в интимных местах. Воспоминания нахлынули на нее, Гидеон занимался с ней любовью до тех пор, пока оба не почувствовали, что уже не в состоянии двигаться. Его темный силуэт то и дело нависал над ней. Гидеон выпустил на свободу желания, которые удовлетворял едва ли не прежде, чем она сама их осознавала.

Шарлотта придвинулась ближе и прислушивалась к его дыханию. Соски ее нагой груди прижались к его лопаткам. Он проснется, если она тронет его?

Он хотел ее неустанно, и она любила его, отдавшись страсти, распутная Шарлотта, которая не так давно признавалась в своей страсти к нему на словах. Теперь она не жалела, что написала их. И не жалела о том, какую роль сыграла Харриет в том, чтобы грешные мечты стали реальностью.

Открылась дверь. В комнату заглянула маленькая девочка.

— Просыпайтесь, — сказала она. — Я здесь.

Шарлотта ахнула.

— Проснись, Гидеон, — прошептала она.

— Я целую вечность ждала, чтобы встретиться с вами, — продолжал голосок. — Наша карета сломалась. Потом кучер поехал не по той дороге, мы заблудились и пропустили свадьбу. Пожалуйста, вставайте, или я стащу с кровати все покрывала, и тогда вы очень рассердитесь и смутитесь.

Гидеон, заворчав, поднял голову...

— Кто там, что вы себе думаете, черт побери... Сара?!

— Сара? — Шарлотта всматривалась в серьезное личико у двери. — Это она?

— Я не знаю, — сказал Гидеон с нежностью в глазах. — Не могу сказать, кто это, девочка или актер из бродячего цирка. Что это на тебе?

— Это моя одежда, — рассмеялась Шарлотта и подтянула повыше одеяло, прикрыв себя и Гидеона. — И мои свадебные туфли. И жемчуга моей бабушки.

— И твои ленты, — добавил Гидеон. — Ты не хочешь погулять с гувернанткой в саду? — мягко спросил он дочь. — Я знаю, ты приехала вчера поздно ночью. У нас есть кот, хочешь с ним познакомиться?

— Я хочу пойти к мадам Дивайн, — тряхнула головой Сара, — и посмотреть на платья, о которых повариха говорит, что их носят проститутки.

— Повариха старая ворчунья. Пусть лучше следит, чтобы пироги были съедобными.

— Ты хочешь пойти сегодня со мной за покупками? — спросила Шарлотта, разглядывая странный наряд девочки. — Мы купим тебе новое платье.

— Платьев у меня уже достаточно. Мне нужны туфли и свадебный веер.

На Шарлотту это явно произвело впечатление.

— Ты можешь разговаривать на языке веера?

— Конечно. И стукнуть веером тоже могу.

— Чудесно, — сказал Гидеон. — Вдобавок к тому, что ты плюешься в людей, это сделает тебя необычайно популярной.

— Я больше не плююсь, — ответила девочка. — Ты сказал, что научишь меня фехтовать.

— Да? Что ж, может, и говорил, но не думаю, что сейчас подходящее время, милая. Как ты выросла!

Шарлотта с удивлением присматривалась к девочке. У нее были темные волосы и крутой подбородок Гидеона.

— У меня есть дневник, — сказала Сара. — Я уже написала про вашу женитьбу, и про любовниц, которые были у нашего отца раньше, и что служанка видела, чем они занимаются в спальне.

— Думаю, она имела в виду игру в карты, — нахмурившись, посмотрел на дочь Гидеон.

— Конечно, — с толикой сарказма добавила Шарлотта. — А почему ты называешь его «наш отец»?

— Миссис Стернс зовет его так, потому что он думает, что он Бог.

— Понятно, — прикусила губу Шарлотта. — А что ты скажешь, если мы сегодня проведем весь день втроем? Возможно, мы сможем купить туфли, которые ты хочешь. Или пойти в фехтовальный салон. Как, Гидеон?

— Почту за честь развлекать двух самых важных женщин в моей жизни. Ноты должна была ждать за дверью, Сара.

Девочка от восторга захлопала в ладоши.

— Ты расскажешь мне, как прострелил ногу любовнику Шарлотты?

— Ничего такого не было, — быстро ответил Гидеон. — Он сам себя ранил. И он никогда не был ее любовником. — Он снова нахмурился. — Кроме того, она теперь твоя мама, и так к ней следует обращаться.

— Теперь ты ее любовник?

— Она моя жена. — Гидеон потер небритую щеку. — Сколько тебе лет?

— Пять. — Сара ненадолго притихла. — А вы оба голые?

— Нет! — в один голос ответили Шарлотта и Гидеон.

— Тогда почему она натянула одеяло до шеи?

Гидеон поперхнулся смехом.

— Потому что... потому что в комнате прохладно, вот почему. И тебе не полагается входить без стука.

— Я стучала. А вы не ответили.

— Сара, — сказала Шарлотта, ее губы подергивались, — подожди нас внизу. Мы с твоим папой спустимся и вместе позавтракаем.

— Я уже позавтракала. И съела ленч.

Гидеон и Сара вопросительно смотрели на Шарлотту, ожидая, как она вывернется.

— Тогда мы можем вместе выпить чаю, — сказала она.

— Я могу переодеться?

— Конечно. — Тон Шарлотты смягчился. — Так требуют приличия. Хочешь, я помогу тебе?

Покачав головой, Сара двинулась к двери.

— Нет, сначала оденьтесь. Я никогда в жизни не видела голых людей. Миссис Стернс говорит, что я в камень превращусь, если увижу.

— Миссис Стернс совершенно права, — сказал Гидеон, подумав, что морализаторские интонации были бы уместнее, если бы он сам не прятал под одеялом голый зад. — А теперь иди и найди ее.

— Она стоит в дверях. Она все время была там.

— Боже милостивый! — воскликнул Гидеон. — Может человек уединиться хотя бы в собственной спальне?

Дверь немедленно захлопнулась.

— Ох, Гидеон, — вздохнула Шарлотта. — Ты не очень хорошо с этим справился.

— Я знаю, знаю. Но я не мог позволить, чтобы ребенок увидел меня в костюме Адама. Но ты, с другой стороны...

Она выскользнула из-под его руки, вознаградив проблеском нежной кремовой кожи и струящихся светлых волос, прежде чем скрылась за ширмой.

— Не смотри на меня Гидеон.

— Это почему же, черт побери?

— Я слышала, что ты сказал нашей дочери. Ты обратишься в камень, если будешь глазеть на мою наготу.

Он смотрел на ее отражение в высоком зеркале, стоявшем за ширмой.

— Я знаю, что имела в виду миссис Стернс. Я обращаюсь в камень, глядя на тебя сейчас.

Двадцать минут спустя Гидеон и Шарлотта вместе с Сарой уже сидели в гостиной. Сначала девочке было неловко в обществе отца. Похоже, и он испытывал те же чувства. Потом Шарлотта увидела, как Сара кинулась к нему, он подхватил ее и поднял вверх, а она игриво шлепала его по макушке.

— Сара, перестань. Я по тебе соскучился.

Она стукнула его снова и взвизгнула, когда он нахмурился и попытался уклониться от ее атаки. Гидеон взглянул на Шарлотту:

— Я тебе говорил, что у нее есть и дурные стороны.

Шарлотта покачала головой:

— Тогда мне придется позаботиться о том, чтобы она лучше себя вела, и ты тоже.

Глава 39

На следующий день Гидеон высадил Шарлотту и Сару у торговой галереи. И отправил с ними двух своих лакеев сопровождать и носить покупки. Сам он предпочел подождать в кофейне напротив.

В многолюдном магазине Шарлотта взяла Сару за руку и изо всех сил старалась быть вежливой, пробираясь к прилавкам. Но одна покупательница не собиралась двигаться с места, когда Сара нетерпеливо протискивалась между ней и ее горничной.

— Осторожнее! — Женщина повернулась. — Детей не следует приводить...

Она взглянула в лицо Шарлотте, на миг глаза женщины блеснули откровенной злобой. Шарлотта сказала бы ей несколько слов, но она не станет этого делать в присутствии недавно обретенной дочери.

— Ваша светлость! — с притворным удивлением воскликнула леди Клипстоун. — Как приятно вас видеть... Это та самая маленькая леди? — Она потянулась потрепать Сару по головке.

Девочка отпрянула к Шарлотте с заносчиво-хмурым видом, который явно унаследовала от отца вместе с его озорной натурой.

— Да, — ответила Шарлотта с такой натянутой улыбкой, что у нее скулы свело. — Правда она ангелочек? — Она подтолкнула Сару. — Это леди Клипстоун, дорогая. Она старейшая подруга одной моей кузины. Улыбнись ей, Сара.

Девочка посмотрела на леди Клипстоун. Потом оглянулась на Шарлотту:

— Я не хочу ей улыбаться. Вы не можете меня заставить.

— Нет, милая, не могу. Но я могу потуже затянуть шнурки своего кошелька, если ты станешь упорствовать.

Сара скрестила руки на груди.

— Все в порядке, — поспешила сказать леди Клипстоун. — Она еще слишком мала для похода по магазинам, да еще после всех треволнений в вашей жизни. Как утомительны были последние недели для вашей семьи! Ох, я, кажется, забыла вас поздравить?

Сара показала ей язык. Шарлотта недовольно ахнула. Леди Клипстоун, отступив, налетела на свою горничную.

— Какое забавное дитя.

— Правда? Возможно, мне придется прибегнуть к шантажу, чтобы повлиять на ее поведение.

— Шантаж?

Леди Клипстоун побледнела. У Шарлотты возникло искушение попросить для нее чего-нибудь тонизирующего, пока она не упала в обморок. Но сэр Годфри уже заметил обеих дам. Вызвав помощника, он поручил ему покупателей у другой витрины, так что мог лично явиться на молчаливый призыв Шарлотты.

— Ваша светлость, — поклонился он, — чем могу служить?

— Я бы хотела посмотреть дневники, — одарила его любезной улыбкой Сара.

— Конечно, миледи. — Он поднял глаза на Шарлотту и почти сразу взглянул на Элис Клипстоун. — Какая честь, что мои скромные товары станут частью еще одного наследства.

Леди Клипстоун снова обрела краски жизни, а вместе с ними — негодование.

— Извините, — сердитым тоном произнесла она. — Меня ждут дела.

Шарлотта дернула Сару, чтобы дать ей дорогу.

— Ох, чуть не забыла... Вы слышали, что Эмма в Лондоне? Вы можете встретиться с ней за чаем и возобновить дружбу.

Глава 40

Харриет съездила в трущобы Сент-Джайлс навестить мать Ника, которая, как и ожидалось, выглядела больной, но не собиралась отправляться к праотцам. Она сообщила Харриет, что Милли беременна. Харриет навестила и Милли, уговаривая оставить работу на улицах, поскольку скоро у нее появится ответственность за ребенка. После отъезда она поймала себя на мысли, не позволить ли мужу отказаться от «французских писем», чтобы завести настоящую семью.

Чего может не случиться, если она не сумеет вырваться из этой сутолоки на дороге и подготовиться к его возвращению домой в конце недели. Карета выбралась из зловония, в котором когда-то жила Харриет, и, похоже, остановилась. Постукивая туфелькой, Харриет ждала. Проведя день в сырости, она хотела вернуться домой, вымыться и сменить одежду. Играя прядью непослушных рыжих волос, она закрыла глаза и начала считать до тысячи. На счете триста тридцать она открыла окно и высунулась попросить кучера или одного из лакеев разведать причину задержки.

Но кучер не отвечал. Он явно дремал — подбородок уперся в грудь, руки сложены на животе. От него никакой пользы.

Харриет раздраженно вздохнула, глядя на бредущих овец. Пастуха поблизости не видно. И что случилось с лакеями?

А, вот они, стоят столбом у витрины магазина серебряных дел мастера. Несколько пешеходов и уличных торговцев протискиваются между ними посмотреть, что за суматоха на углу.

Наверное, произошел несчастный случай. Какая-нибудь двуколка налетела на повозку с углем. Или извозчик отказывается тронуться с места, пока пассажир не заплатит.

Харриет приказала бы лакеям вернуться на место, но сомневалась в том, что они услышат ее сквозь блеяние, смех, крик...

Крик.

Она снова высунулась в окно и вытянула шею, чтобы посмотреть поверх толпы.

У крика был знакомый тон.

Он звучал как... Нет, это невозможно.

Этого не может быть.

Он звучал точно так же, как ее собственный голос до интенсивных уроков риторики Эммы Боскасл. Он звучал так, словно это та, прежняя Харриет устроила суматоху на углу.

Она открыла дверцу и спустилась без помощи лакеев, обычно придерживающих ступеньки.

— Эй, мадам. Смотрите, куда ноги ставите.

— Можно не толкаться, миссис?

— В очередь, леди. Вставайте, как и мы, простые люди.

— Простые люди, — пробормотала Харриет себе под нос, крепко двинув мужчину локтем под ребра. — Подвинь свою тушу.

Обернувшись, мужчина уставился на нее, слишком изумленный, чтобы протестовать. Воспользовавшись его удивлением, Харриет прошмыгнула вперед и пробиралась сквозь толпу. Сначала Харриет оплакивала свое позорное воспитание. Но со временем поняла, что инстинкты трущоб герцогине скорее помогают, чем мешают.

— Что за шум на углу? — спросила она цветочницу в красной шали с кистями.

Продавщица оглядела ее:

— Я вас знаю.

— Нет. Не знаешь.

— Да. Правильно. У вас есть пара пенсов?

Харриет вытащила несколько шпилек с жемчужными головками, и волосы тут же рассыпались во все стороны. Ее кудри всегда были проблемой. Даже Шарлотта, которая редко говорила недобрые слова, сравнивала волосы Харриет со змеями на голове горгоны Медузы.

Харриет бросила шпильки в корзинку цветочницы.

— Что стряслось?

— Девчонка на углу зарабатывает состояние, продавая справочник, который напечатала на Граб-стрит.

Девчонка.

Справочник.

Харриет не хотела верить предчувствию, от которого покалывало затылок.

— Какой справочник? О богатых? О вечной жизни? Что заинтриговало столько народу?

Цветочница бросила корзинку и переплела пальцы, чтобы подсадить Харриет.

— Сами посмотрите. Хорошо, что вы легкая.

Харриет ахнула, покачнувшись на нетвердой опоре из рук цветочницы.

— Ну что там? — спросила цветочница, едва не опрокинув Харриет головой в толпу.

— О Господи! Я ее придушу. — Харриет встревоженно посмотрела на ненадежную опору. — Вы не можете меня еще немного подержать?

— Скажите, что там?

Харриет сумела выхватить листки из чьей-то руки, прежде чем потеряла равновесие. Цветочница заглянула ей через плечо:

— Что там написано?

Харриет отбросила непокорные рыжие волосы, которые были под стать ее буйному темпераменту.

— «Справочник академии Скарфилд для юных девушек, мечтающих выйти замуж за герцога».

— За герцога? — Цветочница уставилась на листок в руке Харриет. — Правда? Непохоже, что девчонка может написать собственное имя.

— «Результат гарантирован», — напрягая глаза, разбирала дешевую печать Харриет. — Как поучительно.

— Ну, что там еще?

— Не могу же я читать все.

— Прочтите только важное. Полезное. Как заставить герцога жениться на мне!

Харриет хмуро посмотрела на цветочницу и начала читать вслух:

— «Как это случилось? Как скромная школьная наставница ухитрилась получить предложение руки и сердца от убежденного холостяка герцога Уинфилда?»

— Как?

— «Это был умысел или судьба? — Харриет фыркнула, бегло просмотрев возмутительный листок. — Как не одна, не две, а три директрисы академии Скарфилд ухитрились каждая выйти замуж за чертовски красивого герцога? И как можете вы, дорогая читательница, превратить свои мечты о подобной судьбе в реальность? Вот несколько советов, которые приведут вас к замужеству.

1. Надо родиться в аристократической семье. Однако подцепить герцога может даже уличная сорвиголова, если ее опекает благородная семья и если она хорошо обучена.

2. Признайтесь в любви герцогу своей мечты в дневнике, который попадет в его руки, так он узнает о вашем желании. Рискуйте своей репутацией, чтобы выиграть его любовь.

3. Пусть вас застанут в компрометирующей ситуации в нужном месте (в объятиях герцога) в неподходящее время. Главное для вашего плана — чтобы свидетелями этой неосторожности стали друзья, родственники и противники, и тогда единственным

средством от вашей погибели станет свадьба.

Чтобы удостовериться в истинности этих слов, пожалуйста, обращайтесь к персоналу академии Скарфилд».

Харриет набрала в грудь воздух.

— Ну погоди, Верити Крессуэлл. Мы с тобой встретимся с глазу на глаз, ты у меня удостоверишься, маленькая предательница.

И все-таки вопреки себе она восхищалась предприимчивостью девочки. В прежние времена Харриет сама способна была сотворить нечто подобное. Она решила, что сохранит затею Верити втайне от Шарлотты и мисс Пеппертри, иначе они обе взорвутся, как гранаты.

— В этом есть сколько-нибудь правды? — спросила цветочница, ее голос дрогнул от тоски, которая, как знала Харриет, через несколько лет сменится скептицизмом.

Да. В этих листках была правда! Верити явно слушала сплетни других девочек и превратила их болтовню в прибыльное дело. Что ж, это лучше, чем лазить по карманам. Если сравнивать это с прежними грехами Верити, кто-то даже может сказать, что академия оказала на нее положительное влияние.

Кроме того, кто Харриет такая, чтобы задуть робкий огонек надежды в сердцах? Она же вышла за своего герцога.

— Думаю, вполне возможно. — Харриет сложила листок и сунула в корзинку между свежими бутонами и увядшими цветами.

Цветочница ахнула, узнав ее.

— Я знаю, кто вы.

Харриет дрогнула. Почему всякий раз, когда она пытается отделаться от своего прошлого, оно встает на ее пути?

— Да, — кивнула она. — Я Харриет Гарднер из Сент-Джайлс.

— Что вы сказали? — Продавщица, попятившись, споткнулась и налетела на тележку с поношенной одеждой. — А я думала, вы герцогиня Гленморган. Какое вы имеете право, разодевшись в красивые наряды, дурачить наивную женщину вроде меня, которая пытается честно заработать? Мне следовало бы знать, что настоящая герцогиня пешком не ходит и не заводит разговоры с работающими женщинами.

— Но...

Цветочница забежала за тележку с одеждой. Ее хозяин-здоровяк, который до сих пор не обращал на Харриет внимания, грозно поднял кулак.

— Стыдитесь, — сказал он с негодованием, с которым только обитатель улиц мог встать на защиту другого, когда был в настроении. — Торгуйте своим товаром в другом месте, мадам, — добавил он, когда Харриет отвернулась, подавляя желание рассмеяться, если не оплакать ужасное оскорбление, которое она явно нанесла, открыв свою личность.

Глава 41

— Ох, Дафна! — Шарлотта обняла тоненькую фигурку мисс Пеппертри и прошептала: — Я буду скучать по тебе. — Она никогда не думала, что произнесет подобные слова.

— Не плачь, — напомнила ей Дафна и, шмыгнув носом, отстранилась. — Демонстрировать эмоции недостойно герцогини.

— В душе я пока еще не совсем герцогиня.

— Но я женщина благородного происхождения, на чьи хрупкие плечи ляжет груз соблюдения стандартов, установленных с начала академии.

— Жалею, что не смогла убедить тебя занять мое место. Мы могли не соглашаться в отдельных случаях, но я высоко ценю твой характер.

Мисс Пеппертри покачала головой. Попытки Шарлотты польстить ей ее явно не убедили.

— Будь уверена, я сделаю все, что в моих силах, чтобы поддержать школу, все, за одним исключением — я не возьму на себя бразды правления.

— Но, Дафна, подумай об уважении.

— Подумай о раздражении. Подумай о бесконечных месяцах наставлений ценить добродетель, и только для того, чтобы эту добродетель выбросили в кухонное окошко, как спитую чайную заварку, когда на пороге появится красивый герцог.

— Ну что ты, в самом деле. Никто в этом доме не выбрасывал в окно ни заварку, ни добродетель.

— Да? Просмотри историю академии. Вспомни, что случилось с нашей основательницей, с леди, которая — я готова была в этом поклясться — способна пройти сквозь пламя искушения невредимой.

— А ты вспомни неожиданный эффект их романа.

— О, я помню. У меня целый месяц была диспепсия и крапивница.

— Я имею в виду эффект для академии.

— А-а...

— Число учениц просто взлетело. И то же самое произошло, когда герцог Гленморган привез сюда учиться свою племянницу и встретил Харриет. Она тогда стала компаньонкой его тетушки.

— Я помню, — сказала мисс Пеппертри. — Еще больше заварки было выброшено вместе с добродетелью.

— Но ты помогла мне соблазнить моего герцога!

— Я помогла тебе поощрить его. А что еще мне оставалось?

— Эмма часто признавалась, что ты великолепно подходишь для этой должности.

— Ты нашла молодую леди, которой не терпится занять твое место. К тому же над ним, похоже, тяготеет проклятие, что трижды подтвердилось. Лучше предупредить нашу кандидатку, что она может открыть страницу новой трилогии.

— Ну что ты говоришь! А я-то думала, что это я склонна к причудам. Что, если это... не проклятие? Что, если это замаскированное благословение?

— Не имею ни малейшего желания выходить за герцога.

— Ты говорила, что я не должна прятать свой внутренний свет. А как насчет твоего?

Мисс Пеппертри пожала плечами:

— Возможно, я жду правильного человека, который зажжет мой фитиль.

Шарлотта, сдавшись, рассмеялась:

— Тогда всего тебе наилучшего. Я люблю его, Дафна.

— Да. — Сняв очки, мисс Пеппертри вытерла уголки глаз. — Это было ясно с самого начала. И еще лучше, что он любит тебя.

— Ты так думаешь?

— С той ночи, когда ты закатила истерику из-за лица за окном. Тогда он не смог скрыть свои чувства к тебе, а теперь, когда ты его жена, у него нет причин это делать.

Эпилог

Новобрачные с дочерью неспешно следовали в карете во владения Гидеона на северо-западе Кента. Одиноким всадник мог бы ехать по извилистой дороге с большей скоростью, особенно если не имел желания воскрешать в памяти прежние времена. Но, путешествуя с семьей, Гидеон слышал восторженные возгласы Шарлотты, когда они проезжали мимо садов и лужаек, сквозь заросли ежевики, которые вели к деревьям, притулившимся к зеленым склонам холмов.

Шум и гам Лондона остались позади. Покой, которого Гидеон не знал годами, овладел им, и, к своему удивлению, он поймал себя на том, что эхом повторяет предупреждение своего отца:

— Помни, Сара, что нельзя есть ежевику после Михайлова дня. После этой даты дьявол плюет на ягоды, злясь, что его изгнали с небес.

— Я сама ему в лицо плюну, если увижу, — нахмурилась девочка.

— Ты ничего такого не сделаешь, — с нежностью улыбнулась ей Шарлотта. — Гидеон, спасибо, что не поощряешь дурное поведение. И не втягиваешь в него, если это возможно.

Это невозможно, конечно.

В первый вечер возвращения в провинцию Гидеон решил, что сделает то, что делал всегда, — поедет верхом в деревню и выпьет со старыми друзьями. Шарлотта и Сара ехали через перелесок, но поскольку смеркалось, конюх был старый, а она не знала дороги, Гидеон решил проводить их.

Он может навестить паб завтра.

Но назавтра, уже собираясь покинуть дом, он услышал доносившийся из гостиной смех. Зайдя туда, он увидел, что Шарлотта танцует с молодым щеголем в пышном парике. Сара, свернувшись клубочком в кресле у окна, наблюдала за ними.

— Почему Шарлотта берет уроки танцев? — спросил Гидеон, втиснувшись рядом с дочерью.

— Они показывают мне, как это надо делать. Ты знаешь, что выражение «следите за своими P и Q» пришло из французского?

— Надо же, — сказал он, подумав, что учитель танцев чересчур свободно действует руками.

— Да, — продолжала Сара. — «P» от французского *pieds*, что значит «ноги», а «Q» — буква из слова *reguiche*, парик. В прежние времена не полагалось слишком наклонять голову в танце, чтобы парик не свалился с головы.

— Чему можно научить мою жену? — повысил голос Гидеон. — Разве есть что-то такое, чего она не знает?

— Очень мало, ваша светлость, — ответил учитель танцев. — Может быть, вы пригласите сюда леди Сару и продемонстрируете ей хорошую форму?

Гидеон нахмурился. Он не очень любил танцевать.

— Ты хочешь танцевать со мной, Сара?

— Нет, я хотела бы танцевать с мистером Пью, но ему нравится танцевать с мамой.

— Да. Я это вижу. Вставай. Дай мне руку. Что мы танцуем?

— Цыганский танец, — вскинул подбородок учитель.

— Это не слишком рискованно для леди?

— Нет, если танцевать в приличной компании, — прозвучал заносчивый ответ. — Ваша светлость, пожалуйста, танцуйте с герцогиней, а я составлю пару леди Саре.

После этого настроение Гидеона улучшилось. Он всегда был рад обнять Шарлотту, хотя ему было наплевать на счет шагов и подскоков. Но далеко не безразлично, что учитель танцев продолжает украдкой поглядывать на нее. В результате Гидеон потратил день, освежая в памяти бальные навыки, и не заметил, как пролетело время. И когда вспомнил, что не собирался торчать дома, как сельский сквайр, уже стемнело.

Но завтра он отправится на ярмарку с соседом! Проснувшись, Гидеон обнаружил, что Шарлотта поднялась раньше, поскольку на столе стоял ее поднос с чаем. Сары тоже в своей комнате не оказалось.

— Они отправились ловить рыбу, ваша светлость, — с неодобрительной миной сообщила гувернантка.

— Одни?

— Нет, они взяли с собой егеря.

— Люди тонули в этом озере, вы знаете, — раздраженно произнес он.

Конечно, это произошло сто лет назад, во время жестокой зимней бури, но это не имеет значения. Когда Сара в прошлый раз была здесь, ее лодка опрокинулась, и ему пришлось вплавь спасать дочь. Подъехав верхом к кромке воды, Гидеон в подзорную трубу увидел лодку, вставшую на якорь в середине залитого солнцем озера.

— Посмотри, — дернула Шарлотту за руку Сара. — Там мой папа.

— Я думала, он отправился на ярмарку. — Шарлотта всматривалась в воду, ее поплавок ни разу не шелохнулся. — Не думаю, что в этом озере есть рыба.

— Я тоже.

— Тогда зачем мы здесь? — спросила Шарлотта. — Рыбалка не женское занятие. Лучше бы устроили чай для твоих друзей.

— У меня здесь не столько друзей, чтобы устраивать чаепитие.

Шарлотта с грустью посмотрела на нее:

— Теперь, когда здесь твой папа и я, тебе не будет одиноко.

— Ой! Смотрите! Я поймала рыбу!

Егерь потянулся за ведром. Шарлотта наклонилась рассмотреть добычу.

— Помогите! — закричала Сара, дергая удочку. — Это водяное чудовище, оно тянет меня из лодки.

Ахнув, Шарлотта поднялась, чтобы схватить девочку. Протянув руку, она подалась вперед, потеряла равновесие и свалилась в озеро.

И задохнулась от шока — вода была холодная.

Шарлотта почувствовала, как крючок удочки Сары зацепился за ее рукав. На нем не было никакой рыбы.

— Помогите! Помогите! Герцогиня за бортом! — кричала Сара в сторону берега. — Папа, помоги!

Егерь скинул сапоги и собрался нырнуть в озеро.

— Оставайтесь с леди Сарой! — крикнула Шарлотта, отцепляя крючок и подгребая к другому борту лодки.

— Не паникуй, Шарлотта! — рыкнул с берега Гидеон, торопливо раздеваясь. — Позволь воде держать тебя. И не сопротивляйся, когда я тебя схвачу.

Скинув сюртук и рубашку, Гидеон с разбегу прыгнул в озеро и ударился о воду голой

грудью. Было достаточно холодно, кое-какие части его тела наверняка посинели. Где Шарлотта? Она ушла под воду?

— Граймз, дайте моей жене весло и скажите, чтобы уцепилась!

Граймз поднял весло и бросил в воду Шарлотте. Ахнув, она увернулась и смотрела, как волны относят весло в сторону.

— Помощничек! — пробормотал Гидеон, сильными гребками приближаясь к Шарлотте. — Я хотел, чтобы вы подали ей весло, а сами держали другой конец. Задача была держать ее на плаву, а не прибить веслом. Я сейчас, Шарлотта!

Сара со слезами на глазах перегнулась через борт лодки.

— Прости, мама. Вчера ты сказала, что умеешь плавать.

— Умею. — Шарлотта окунула голову, и ее длинные золотистые волосы заколыхались на воде широкой лентой мокрого шелка. — Но на мне башмаки и корсет на косточках, в этом трудно двигаться.

— Пожалуйста, не тоните! — Лодка качнулась, когда Граймз одной рукой обхватил за талию Сару, а другую протянул Шарлотте.

— Я рядом! — отплевываясь, вынырнул Гидеон.

Шарлотта просто легла на воду и ждала его. Она, похоже, могла сама доплыть до берега, но он хотел немного покрасоваться перед дочерью.

Гидеон закутал Шарлотту в свой сюртук и понес к лошади. Скрестив руки, Сара хмуро смотрела им вслед. Нос лодки ткнулся в камыши у берега.

— Идем, леди Сара, — подал ей руку седобородый егерь. — Не хочу отвечать за очередной несчастный случай. Лучше побежать к его светлости и сказать миссис Стернс, что вы дома.

— Я с ними не пойду, если они так себя ведут.

— Что? — сказал Граймз, втаскивая лодку в маленький док. — Как они себя ведут? Герцогиня тебя обожает. К чему дуться? Это семья, которую ты хотела.

— Я знаю. — Девочка взяла его руку. — Но у них совсем нет времени поиграть со мной.

Егерь заморгал, глядя, как герцог поднимает жену в седло серого коня.

— Бог с ними. Скоро ты будешь играть с маленьким братиком или сестричкой.

Шарлотта прислонилась к плечу Гидеона. Она решила застегнуть его рубашку раньше, чем они выедут на открытую дорогу. Вскоре он перехватил ее руку.

— Перестань так касаться меня, милая, или мне придется ехать через лес.

— Я промокла и замерзла. — Она прижалась к его спине. — И ты тоже. Спасибо за отважное спасение. — Шарлотта не упомянула о том, что опасность ей не грозила. — Я думала, ты собираешься уехать на весь день.

— И я так думал, — оглянулся на нее Гидеон. — Хорошо, что я вовремя вернулся.

Темные эмоции в его глазах зажигали в ней пожар, заставлявший забыть о ветре, от которого в мокром платье было еще холоднее.

— Я думала... что нечасто буду тебя видеть, когда мы приедем сюда.

— И я тоже. Значит, это любовь.

Гидеон повернул коня на другую тропу.

— Ты сказал «любовь»? — Шарлотта свободной рукой обняла его за талию.

Он накрыл ладонью ее руку.

— Да, сказал. И скажу это снова. Я буду говорить это каждый день. Я люблю тебя. И подозреваю, что люблю тебя сильнее, чем ты меня. Я знаю, что нуждаюсь в тебе больше, чем

ты во мне. И пожалуйста, впредь не давай мне поводов тревожиться. Я не могу провести остаток жизни, танцуя с мужчинами в париках и ныряя в озера, чтобы доказать свои чувства.

Шарлотта улыбнулась, прижавшись подбородком к его плечу.

Несколько часов спустя, после ужина, они сидели у камина в главном зале. Сара играла с двумя борзыми щенками породы грейхаунд, которых представила как Ромула и Рема.

— Это твоя гувернантка дала им римские имена? — Шарлотта опустила на колени рядом с недавно обретенной дочерью и беспокойными собаками.

— Нет. Я. — Сара вскарабкалась в кресло к Гидеону и уселась ему на колени. — Ты надолго здесь останешься?

— Навсегда. Ты возражаешь?

— Раньше ты всегда надолго-надолго оставлял меня.

Гидеон на миг прикрыл глаза.

— Ох, Сара.

— Я обычно плакала, но миссис Стернс сказала, что я не должна этого делать.

Наклонившись, он взъерошил волосы дочери.

— Я ее уволю за то, что она отчитала тебя.

— Пожалуйста, не надо, — прошептала Сара, потянувшись к его жилетному карману. — Она меня любит, и я ее люблю.

Гувернантка возникла за спинкой кресла, словно ее вызвали.

— Идемте, леди Сара. Пора в постель. — Щенок зарычал на нее. Миссис Стернс не обратила на него внимания.

Гидеон поставил дочь на пол.

— Сара, у нас впереди много дней. Я больше никогда тебя не оставлю надолго.

Шарлотта и Гидеон остались одни. Он медленно поднялся.

— Идемте, мадам. Пора и вам в постель.

— Сначала поцелуй меня. И...

Он привлек ее к себе и целовал с дурманящей неторопливостью.

— Я все еще мужчина твоих грез? — спросил он, когда Шарлотта запрокинула голову, медленно провел рукой по плечу, запустил пальцы в ее волосы.

— Каких грез? Дневных или ночных?

— И тех и других. — Он искал ее взгляд. — Ведь если ты прогонишь меня из своих грез, я просто перестану существовать. Я обожаю тебя, Шарлотта. Ты для меня больше, чем я мог мечтать и чем заслуживаю.

Шарлотта не возражала, когда Гидеон повел ее наверх. Не важно, как она его завоевала. Сплетники могут верить во что хотят. И только на случай, если ее с Гидеоном дети проявят любопытство, она сохранит свои дневники, чтобы объяснить, как они с их отцом влюбились друг в друга, и доказать, что даже самые рискованные мечты найдут способ стать реальностью.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Примечания

1. Джордж Крукшенк (1792–1878) — английский иллюстратор и карикатурист, ведущий мастер книжной иллюстрации и сатирико-политической карикатуры XIX века.

2. У. Шекспир «Король Иоанн» (акт V, сцена I, пер. Н. Рыковой).

3. Резная деревянная ложка с символами любви, верности и т. д., традиционный романтический подарок.

4. Третья жена Генриха VIII.